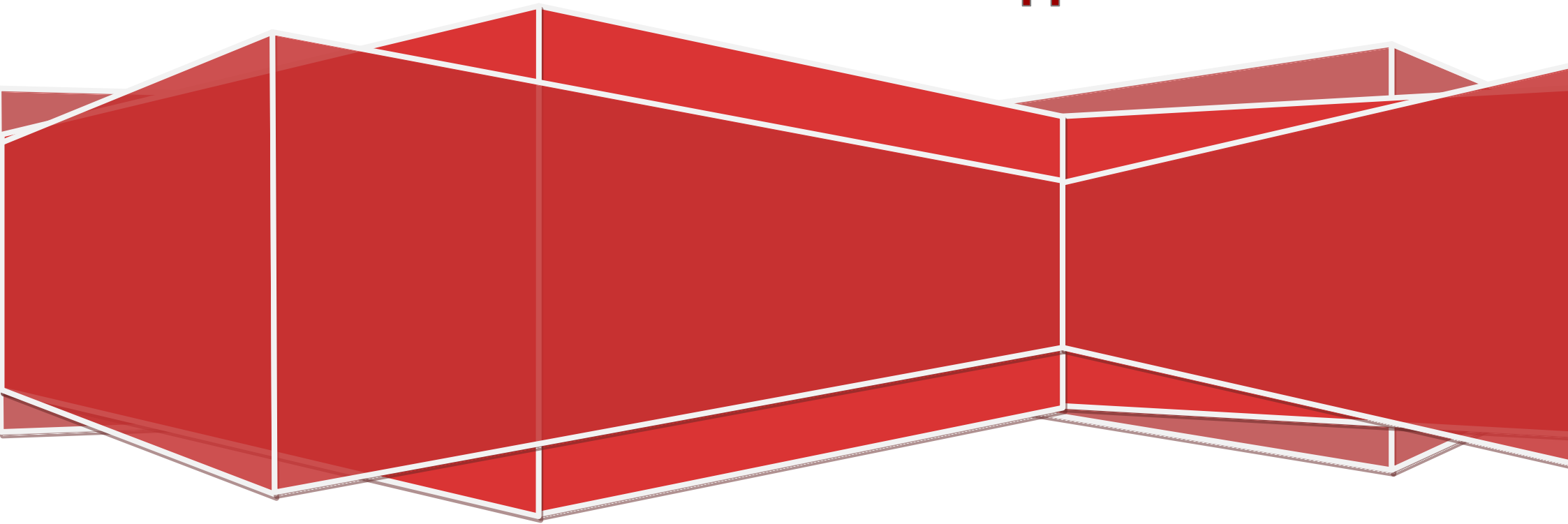

Отчет по результатам
опроса молодежи
23 апреля - 6 мая 2016 года

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Настоящий отчет подготовлен Ассоциацией социологов и политологов Казахстана (АСиП) в рамках исследовательского проекта «Как живешь, молодежь?» при финансовой/экспертной поддержке Фонда «Сорос - Казахстан». Эмпирическую основу отчета составляют результаты I этапа проекта «Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи».

Содержание данного отчета отражает точку зрения авторов и не обязательно совпадает с точкой зрения Фонда.

Руководитель проекта

*Председатель правления АСиП, доктор философских наук,
академик Академии социологии РК*

Авторы отчета

*Бахытжамал Бектурганова
Бахытжамал Бектурганова и
Мадина Нургалиева, руководитель представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы, член АСиП, кандидат политических наук*

В проведении исследования и подготовке отчета принимали участие:

Зам. председателя правления АСиП

Кудрат Джамалов

Сотрудники центрального офиса АСиП

Санира Сасикова, Шаяхмет Бектурганов, Тимур Тургулов, Данеля Альжанова

Директора филиалов АСиП в областных центрах:

Актау

Карлыгаш Байискакова

Актобе

Акмарал Маушева

Атырау

Серик Куаныш, доктор исторических наук

Караганда

Нина Еркаева

Кокшетау

Елена Киселева

Костанай

Инара Султанова

Кызылорда

Елена Захарченко

Павлодар

Алия Молдакимова

Петропавловск

Ирина Бекметова

Талдыкорган

Лазира Турлыбаева

Тараз

Асель Реботунова

Уральск

Дарина Телагисова

Усть-Каменогорск

Майраш Екибасова

Шымкент

Хадича Абышева

Перевод на казахский язык

Атейпа Тубажанова

Программное обеспечение и математический анализ данных

Тимур Тургулов

Компьютерная верстка и дизайн

Данеля Альжанова

В проведении исследования АСиП опиралась на свою сеть супервайзеров и интервьюеров.

Ассоциация социологов и политологов Казахстана выражает искреннюю благодарность Фонду «Сорос - Казахстан» за финансовую/экспертную поддержку проекта.

СОДЕРЖАНИЕ

Карта маршрута исследования	3
Введение.....	4
Описание исследования.....	5
Интерпретация основных понятий. Методологический подход.....	8
Резюме (выводы и обобщения).....	19
Краткий обзор основных тенденций	20
Социально-демографический портрет региональной молодежи 15-29 лет	33
Структура личностной/групповой идентификации молодежи	34
Гражданская идентификация.....	35
Чувство Родины, гражданский патриотизм?	36
Приоритеты национально-государственного строительства	37
Коллизии общегражданских ценностей. Регионально-поселенческий срез.....	38
Коллизии общегражданских ценностей. Демографический срез	39
Отношение к государственной молодежной политике.....	40
Государственный язык	41
Языковая политика государства: приоритетные установки	42
Знание государственного языка.....	43
Коллизии государственного языка	44
Основной язык общения.....	45
Проблемы этноконсолидации казахской молодежи.....	46
Размежевание по линии «шала» и «нагыз» казахи.....	47
Внутриказахское единство: конфликт мнений.....	48
Факторы бифуркации.....	49
Кровнородственный фактор этнической идентификации.....	50
Значимый параметр этничности	51
Знание своей родословной (шежіре).....	52
Генеалогические приоритеты	53
Формы кооптации	54
Национал-патриотизм этнического плана.....	55

Отношение к национал-патриотам	56
Оценка роли и влияния национал-патриотических объединений на молодежь	57
Характер этничности	58
Степень удовлетворенности условиями реализации этнокультурных и языковых потребностей	59
Состав власти: этноязыковой критерий	60
Этнический фактор в иерархии «начальник-подчиненный»	61
Межэтнические отношения	62
Оценка состояния межэтнических отношений	63
Основные линии напряженности	64
Степень открытости для межэтнических отношений	65
Конфликтотенный потенциал на этнической почве	66
Факторы недовольства	67
Уровень ожиданий молодежного межэтнического конфликта	68
Потенциал участия в конфликте	69
Религиозная идентификация	70
Уровень религиозности молодежи	71
Истоки религиозности	72
Мотивы обращения к вере	73
Религия в восприятии верующих	74
Конфессиональная принадлежность	75
Статусные позиции верующих	76
Социальная применимость образования в семьях верующих	77
Виды занятости	78
Религиозное самообразование	79
Уровень религиозных знаний верующих	80
Источники религиозных знаний	81
Чтение религиозных первоисточников	82
Регулярность чтения другой религиозной литературы	83
Религиозное поведение	84
Степень участия в жизни религиозной общины	85
Регулярность посещения религиозных учреждений	86
Исполнение основных религиозных предписаний и обрядов	87
Паломничество к святым местам	88
Степень методичности религиозного поведения верующих мусульман	89
Совершение пятикратного намаза	90
Участие в пятничной молитве	91
Соблюдение ураза	92
Раздача садака	93

Уплата закята.....	94
Ношение религиозной одежды	95
Степень методичности религиозного поведения православных христиан	96
Творение молитвы.....	97
Соблюдение христианских постов	98
Почитание христианских праздников	99
Знание сакрального содержания христианских праздников	100
Характер религиозности.....	101
Степень удовлетворенности условиями реализации религиозных потребностей	102
Состав власти: религиозный критерий.....	103
Религиозный фактор в иерархии «начальник-подчиненный».....	104
Отношение к инаковерующим.....	105
Межрелигиозные отношения.....	106
Оценка состояния межрелигиозных отношений	107
Степень открытости для межрелигиозных отношений	108
Членство в религиозных организациях.....	109
Уровень вовлеченности в религиозные организации	110
Конфессиональная направленность религиозных организаций	111
Характер вовлечения в религиозные организации.....	112
Религиозные риски: Сравнительные оценки верующих и неверующих.....	113
Модели потенциального поведения: риск девиаций.....	114
Влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи. Демографический срез	115
Влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи. Регионально-поселенческий срез	116
Причины вовлечения молодежи в религиозные экстремистские организации.....	117
Конфликтотенный потенциал на религиозной почве.....	118
Факторы недовольства	119
Уровень ожиданий молодежного межрелигиозного конфликта.....	120
Потенциал участия в конфликте	121
Отношение к государственным и общественным структурам, молодежным деятелям.....	122
Рейтинг доверия и авторитета государственных и общественных структур.....	123
Рейтинг доверия и авторитета молодежных деятелей	124
Портреты неформальных лидеров молодежи (по результатам интервью).....	125

Карта маршрута исследования

Введение

В последнее десятилетие наблюдается рост распространения этнорелигиозных идентификаций в среде казахстанской молодежи. Означает ли этот факт, что среди молодежи актуализируется интерес к консолидации в первичных, естественных или как их еще называют примордиальных общностях? И если да, то что стоит за указанным интересом? – Усиление традиционализма, рост ксенофобии, негативизм в отношении к иноэтническим/иноконфессиональным группам, интолерантность, «комплекс обид»? Или увлечение этнорелигиозными идентификациями носит поверхностный характер и практически ничего не значит, кроме конформизма по отношению к господствующей религиозной ориентации своей этнической группы? Тогда возникает вопрос: Насколько молодежный конформизм сочетается с открытым не dogматическим сознанием, толерантностью, пониманием ценности межэтнического/межконфессионального мира и согласия?

Учитывая, что степень этноконфессионального плюрализма в Казахстане одна из самых высоких в мире, рост этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде может вести к самым разным последствиям – как к взаимной аккультурации этнических групп молодежи, так и, наоборот, к изоляции их друг от друга и усилению конфликтных отношений между ними.

Несмотря на объективную потребность проблема этнорелигиозных идентификаций молодежи в нашей стране так и не вышла за рамки теоретических обсуждений – в практическую плоскость, где требуется превентивное регулирование социально значимых процессов, оказывающих влияние на жизненную среду, сознание и поведение молодежи с целью предотвращения нежелательных девиаций.

Между тем, серьезно осложняют ситуацию усиливающиеся в глобализирующемся мире контрпродуктивные тенденции, под «перекрестным огнем» которых оказалась молодежь как главный объект пропаганды. Речь идет о влиянии таких мегатрендов, как прогрессирующая политизация ислама и христианских общин, миссионерская активность которых приобретает характер «гуманитарной интервенции».

Вопрос этнорелигиозной идентичности перед лицом новых вызовов безопасности является одним из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и мире. Учет этого обстоятельства актуализирует необходимость формирования информационной основы для понимания причин, стимулирующих распространение этнорелигиозных идентификаций среди молодежи, особенно в том ее сегменте, социально-демографические характеристики которого сдвинуты в направлении социальной маргинальности. Это нужно для создания средствами государственной молодежной политики таких условий, при которых этнорелигиозные идентификации не станут препятствовать гражданственности, а будут служить ее органическим дополнением. Если консолидация молодежи в гражданскую общность не станет целью проводимой государственной молодежной политики, то Казахстан рискует превратиться в зону перманентного конфликта этнорелигиозных идентичностей, который, к сожалению, не всегда проходит в форме толерантных дискуссий. Важность и одновременно малоизученность регионального сегмента казахстанской молодежи, дискуссионность вопросов количественной и качественной оценки этнорелигиозных идентификаций определяют актуальность исследования, его научную и практическую значимость.

В рамках I этапа проекта «Как живешь, молодежь?» Ассоциация социологов и политологов Казахстана провела региональное исследование «Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи», результаты которого представлены в настоящем отчете.

Описание исследования

Цель и задачи исследования

Цель

Изучение и анализ этнорелигиозных идентификаций казахстанской молодежи

Задачи

- Определить причины и факторы, оказывающие доминантное влияние на распространение этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде
- Выяснить место и роль этнорелигиозной идентичности в структуре личностной/групповой идентификации молодежи
- Выявить реальный уровень религиозности молодежи, в т.ч. в зависимости от этнической принадлежности (количественные параметры этнических групп, обладающих признаками религиозности)
- Установить мотивы обращения к религии, степень участия в культовой практике, критерии самоидентификации в качестве верующих, в т.ч. в разрезе этноконфессиональных групп
- Определить интенсивность проявления признаков религиозности в основных конфессиональных группах молодежи (слабая/сильная вера; регулярность посещения мечети/церкви; творения молитвы; строгость соблюдения обрядов, постов и других религиозных предписаний; степень участия в миссионерской деятельности; паломничество к святым местам и т.д.)
- Выяснить характер религиозности (конфессиональная и этнокультурная специфика ценностных ориентаций; отношение к инаковерующим/иноэтническим группам; уровень толерантности/интолерантности; отношение к светским институтам и т.д.)
- Установить роль и влияние этнорелигиозных идентификаций на поведенческие практики и гражданское сознание молодежи, включая поведенческие девиации
- Определить конфликтный потенциал на этнической и религиозной почвах
- Проанализировать специфику актуальных вызовов и рисков, имеющих отношение к росту этнорелигиозного самосознания молодежи, в аспекте возможных политических последствий и перспектив для Казахстана

Выборка и методы сбора информации

Виды исследования

- Массовый молодежный опрос
- Полуформализованное интервью с неформальными лидерами молодежи (с записью на диктофон)

Технология опроса

Способ опроса

- Стандартизированная раздаточная анкета на казахском и русском языках
- Бланк-интервью с открытыми и закрытыми вопросами (на казахском и русском языках)

Метод опроса

- Face-To-Face

Места опроса

- По месту жительства (для анкетирования молодежи)
- По месту работы (для интервьюирования молодежных лидеров)

Конструкция выборки

Использовалась многоступенчатая территориальная случайная выборка. В качестве фрейма для географического соотнесения выборки применялось принятое Комитетом по статистике Министерства национальной экономики РК административно-территориальное деление Казахстана на области. Статистическая погрешность составляет менее 1%.

Всего опрошено – 1404 человека в возрасте 15-29 лет (включительно). Из них городские респонденты – 393 человека, сельские респонденты – 1011 человек. В разрез анализа включено 1398 анкет.

Опрос неформальных молодежных лидеров проводился методом полуформализованного интервью с записью на диктофон в 14

Первая ступень отбора

областях республики. Объем выборочной совокупности молодежных деятелей – 15 человек.

Единицы отбора – области, сгруппированные в географические регионы. В каждый регион включены несколько областей со схожей географией. Области, образующие саморепрезентирующие регионы, входят в выборку с вероятностью единицы и представляют в ней только самих себя – Восточно-Казахстанская (восток) и Карагандинская (центр). Отбор городских и сельских респондентов, подлежавших опросу в конкретном регионе, проводился с вероятностью, пропорциональной численности городской и сельской молодежи этого региона (источник – данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК за 2015 г. «Численность региональной молодежи РК в возрасте 15-29 лет по полу, национальности, типу населенного пункта (без учета городов республиканского и областного значений)»). Таким образом, в выборку вошли 5 регионов (14 областей). Размер выборки распределялся между регионами пропорционально численности городской и сельской молодежи каждого из регионов в общей численности молодежи 15-29 лет республики.

Вторая ступень отбора

Единицы отбора – населенные пункты внутри регионов. В каждой области отбирались по одному малому городу/моногороду и одному сельскому поселению (частичное исключение сделано для Карагандинской области – в связи с высокой долей городской молодежи было отобрано два малых города и один сельский населенный пункт). Число респондентов в выборочных малых городах и селах/поселках отбиралось с вероятностью, пропорциональной численности городской и сельской молодежи области. Это равносильно отбору городских и сельских респондентов с равной вероятностью. На второй ступени отобрано и включено в выборку 15 малых городов и 14 сельских населенных пунктов.

Третья ступень отбора

Единицы отбора – домохозяйства. Отбор домохозяйств в конкретном населенном пункте проводился случайным маршрутным методом: интервьюеры обходили домохозяйства, расположенные на территории закрепленных за ними зон, и отбирали определенные домохозяйства для проведения опроса. При отборе выдерживался заданный интервал (шаг отбора). Использовалась процедура случайного систематического отбора. Интервьюеры не составляли заранее списки домохозяйств, а формировали их непосредственно в ходе опроса. В малых городах отбор домохозяйств проводился по районам. В сельских населенных пунктах деление на зоны производилось в порядке их географического расположения (север-восток-центр-запад-юг). Условно за центр принималось здание сельского акимата и от него велся отсчет в разные стороны. Таким образом при отборе обеспечивалось относительно равномерное распределение попавших в выборку домохозяйств по всей территории сельского населенного пункта.

Обход квартир многоэтажного дома/частных домов в малом городе, сельском населенном пункте происходил в порядке возрастания их номеров. Интервьюер двигался от начала улицы – сперва по одной ее стороне, затем по другой. Порядок обхода жилищ, как и выбор начальной точки маршрута, определялся самими интервьюерами. Данное обстоятельство не имело принципиального значения, поскольку при применении маршрутного метода домохозяйства отбирались не подряд, а с определенным интервалом, называемым шагом отбора. Применялся дифференцированный шаг отбора в зависимости от количества квартир в доме:

Количество квартир в доме	Шаг отбора
1-25	5
26-50	10
51 и более	20

Величина шага рассчитывалась так, чтобы в одном доме нельзя было отобрать более 5 домохозяйств. В малых городах и сельских населенных пунктах выбор домохозяйств выпадал на каждый 5-й дом по маршруту. В соответствии с шагом отбора число домохозяйств отсчитывалось только после успешно проведенного опроса. В случае отказа или отсутствия людей в квартире/доме интервьюеры обращались в следующие по порядку квартиры/дома. В результате интервал между

Четвертая ступень отбора

домохозяйствами, в которых проводился опрос, либо был равен шагу отбора, либо удлинял его, что уменьшало схожесть ответов респондентов.

Применялись квоты по полу, возрасту, национальности и типу поселения. Интервьюерам предоставлялся набор контрольных признаков, которым должен был обладать контингент респондентов и их общее число, подлежащее опросу в конкретном населенном пункте.

В каждом отобранном домохозяйстве опрашивался только один респондент. При этом использовался случайно-бесповторный метод отбора, когда опрашивался респондент, соответствовавший заданным квотам и так шаг за шагом до необходимой величины выборочной совокупности. Таким образом обеспечивалась процедура случайного отбора при контролируемости параметров квот.

Сроки исследования

Исследование проводилось одновременно в 14 областях республики в 2 этапа:

I этап. Массовый молодежный опрос – с 23 апреля по 6 мая 2016г.

II этап. Интервьюирование молодежных лидеров – с 12 по 25 мая 2016г.

Сравнительные показатели признаков элементов генеральных и выборочных совокупностей (%)

Регионы	Пол		Возраст (лет)			Национальность			Тип поселения		Средняя ошибка выборки (ib*)
	Мужской	Женский	15-19	20-24	25-29	Казахи	Русские	Другие	Город	Село	
РК											
Генеральная совокупность	52,1	47,9	31,0	34,1	34,9	69,4	16,6	12,6	27,8	72,4	0,5395
Выборочная совокупность	52,4	47,6	31,0	35,0	34,0	71,0	17,2	11,9	27,8	72,2	
Север											
Генеральная совокупность	52,0	48,0	30,9	35,0	34,1	44,3	37,8	17,9	32,5	67,5	0,5610
Выборочная совокупность	51,2	48,8	30,6	35,5	33,9	45,0	37,6	17,4	31,8	68,2	
Восток											
Генеральная совокупность	51,9	48,1	29,5	34,1	36,4	63,6	32,6	3,9	51,9	48,1	0,8805
Выборочная совокупность	51,6	48,4	30,5	35,9	33,6	63,3	32,0	4,7	51,6	48,4	
Центр											
Генеральная совокупность	51,8	48,2	30,0	34,5	35,5	53,6	33,6	12,7	66,4	33,6	0,8714
Выборочная совокупность	52,3	47,7	30,6	35,1	34,2	54,1	31,5	14,4	65,8	34,2	
Запад											
Генеральная совокупность	51,8	48,2	29,0	34,4	36,6	93,5	6,5	0,0	23,2	76,8	0,6647
Выборочная совокупность	52,6	47,4	29,3	36,6	34,1	93,5	6,5	0,0	23,3	76,7	
Юг											
Генеральная совокупность	52,2	47,8	32,2	33,7	34,1	76,6	6,7	16,7	16,9	83,1	0,6525
Выборочная совокупность	53,0	47,0	32,0	34,0	34,0	76,6	8,5	14,9	17,2	82,8	

Выборочные совокупности в целом по массиву и в каждом регионе репрезентируют половозрастные, национальные и поселенческие структуры генеральных совокупностей (региональную молодежь РК и молодежь каждого из регионов в возрасте 15-29 лет.

* Ошибка выборки рассчитывалась для каждой из обследованных групп (по признакам пола, возраста, национальности, типа поселения) по формуле: $ib = 100(n/N - m/M)$, где ib – ошибка выборки (%), n – численность исследуемой группы в генеральной совокупности, m – численность исследуемой группы в выборочной совокупности, N – численность генеральной совокупности, M – численность выборочной совокупности. Средняя ошибка выборки рассчитывалась по формуле отношения суммы значений ошибок выборки для каждой из рассматриваемых групп к их общему числу.

Интерпретация основных понятий. Методологический подход

Предмет исследования – этнорелигиозные идентификации региональной молодежи.

Авторы отчета не разделяют позицию, согласно которой этническая и религиозная идентификации – это однопорядковые феномены. На наш взгляд, заметным упрощением является и позиция, рассматривающая этническую идентификацию как автоматически детерминированную религиозной принадлежностью и, наоборот.

Этническая и религиозная идентификации тесно взаимосвязаны, но их взаимодействие в разные периоды истории менялось. До появления монотеистических религий они отождествлялись. С появлением последних их границы перестали совпадать. В средние века этническая идентификация подменялась религиозной. В последующие периоды с появлением разнообразного множества религиозных течений, в том числе псевдорелигиозных, они стали относительно автономными. В составе одних и тех же этносов начали встречаться люди с разной конфессиональной принадлежностью. Этническая и религиозная идентификации – динамичны и могут трансформироваться под влиянием самых разных факторов, включая смену среды проживания. Как отмечают многие исследователи, в странах с исламской традицией этническими меньшинствами считаются не только немусульмане, но и мусульмане, чья исламская принадлежность не является господствующей в данной стране.

В рамках отчета в качестве основополагающего вида идентификации принята этническая, под которой понимается кровнородственная взаимосвязь, отождествление себя со своими «корнями», что и составляет основу самоопределения любого человека независимо от наличия/отсутствия конфессиональной, гражданской и иной принадлежности. Под религиозной и гражданской идентификацией понимается осознанное либо неосознанное причисление себя к определенной конфессии/национальной общности (под последней подразумевается принадлежность к одной политической нации/одному государству).

На основании результатов исследования получено эмпирическое обоснование 3-х значимых измерений идентификационной структуры молодежи: гражданского, этнического и религиозного. В связи с невысокими объяснительными возможностями переменных в рамках лишь одного какого-то измерения определить детерминационные связи в структуре идентификаций молодежи был использован трехмерный подход.

Помимо прочего он позволил подтвердить тесное соотношение гражданской и этнорелигиозной идентификаций с лингвистической. Эмпирически установлена дробная структура казахской группы, внутри которой образовались несколько религиозных групп, различающихся не только по языковой, но и по конфессиональной принадлежности: самая многочисленная группа – казахоязычные казахи, исповедующие ислам и его разновидности; среди русскоязычных казахов встречаются представители ислама, православного христианства и религиозных меньшинств (по своим ментальным характеристикам они находятся ближе к этническим русским).

Распространение этнорелигиозных идентификаций молодежи происходит на фоне усиливающегося противоречия между потребностью в возрождении этноказахской идентичности, с одной стороны, и необходимостью формирования национальной идентичности на общегражданской основе – с другой. В контексте указанного именно трехмерный подход позволяет выявить ключевые характеристики идентификационной структуры региональной молодежи, учитывая ее неоднородность.

Главное достоинство трехмерного подхода – он позволяет включить в разрез анализа данные по всем элементам выборочной совокупности, не оставив без внимания значительный сегмент неверующей молодежи. В рамках гражданского и этнического измерений представлены данные в процентах от общего числа опрошенной региональной молодежи. В религиозном измерении – только от общего числа верующих, в отдельных разделах – от числа верующих-членов религиозных организаций, верующих мусульман и православных христиан. По ряду индикаторов представлены сравнительные оценки верующей и неверующей молодежи. В отчете дан разносторонний портрет региональной молодежи с развернутой детализацией ее регионально-поселенческих и социально-демографических характеристик.

Резюме (выводы и обобщения)

Ровесники независимости

Региональная молодежь 15-19 лет и 20-29 лет – это поколения (в меньшей или большей степени) ровесников независимости страны. По данным исследования, их характеризует общая черта – повышенный интерес к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных).

Времена советского интернационализма и воинствующего атеизма 15-29 летние уже не застали. Свой нынешний возраст они достигли в условиях самостоятельного политического существования Казахстана. Иначе говоря, процесс взросления у них совпал с периодом, когда молодое государство предпринимает попытки совместить потребность в возрождении этноказахской идентичности с необходимостью создания новой национальной идентичности на общегражданской основе. Соответственно их менталитет и самоидентификация формируются (или уже сформировались) в русле неоднозначных тенденций гражданского нациестроительства, возрождения казахской нации и национальной религии казахов. Поэтому повышенный интерес к вопросам этнорелигиозной идентификации со стороны региональной молодежи – это закономерное явление, вполне в духе нашей новейшей истории.

Зарождение интереса: предпосылки формирования этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи

- *Опережающий рост этнонационального возрождения Казахстана по сравнению с темпами национально-государственного строительства*

В первой половине 90-х гг., когда самая возрастная категория региональной молодежи еще находилась в несознательном возрасте, акцент в нациестроительстве ставился на возрождение и политизацию казахской этничности. Декларацией о государственном суверенитете (от 25 октября 1990 г.) за казахами был закреплен статус государствообразующей нации. Конституционным Законом «О государственной независимости» (от 16 декабря 1991 г.) признавалось право казахской нации на самоопределение. В первой Конституции (от 28 января 1993 г.) государственность Республики Казахстан определялась в форме государственности казахской нации.

Начиная с 1995 г., когда нынешние 29-летние уже учились в начальной школе, акценты в области нациестроительства сместились в сторону либеральной трактовки нации. В новой Конституции РК этнократический подход был заменен политико-территориальным принципом формирования нации – государства. С этого времени субъектом республики стала признаваться нация граждан государства («казахстанцы»). Определяющим критерием гражданской идентификации становятся не принадлежность к титульной нации, а казахстанское государство и государственный казахский язык. Это означает, что Казахстан – это государство не только казахов, но и тех граждан, кто не будучи казахами, являются казахстанцами.

Де-юре акценты сместились. Но эйфория первых лет независимости вызвала подъем этнонационального самосознания казахов. За сравнительно короткий временной отрезок эта тенденция набрала силу инерции. Де-факто часть национальной элиты и общества придерживается установки на построение этно-

Для справки:

Согласно официальной статистике за 2015 г., доля региональной молодежи 15-29 лет – 58,9% от общего числа молодежи указанного возраста.

Состав: преимущественно казахи (оценочно 69%–70%), уроженцы сельской местности (72,4%), юга и запада республики (в совокупности 65,3%).*

** Данные о численности населения по национальностям в разрезе возрастных групп по текущему учету Комитетом по статистике МНЭ РК не формируются. Приведенные оценочные данные отражают общую численность казахов в структуре регионального населения, безотносительно к возрастным спецификациям. Среди опрошенных казахов – 86,8% казахоязычные.*

казахского государства (слияние этнической и гражданской идентификаций). Система мер, направленных на воплощение в жизнь этнонационального возрождения Казахстана (укрупнение административно-территориального деления республики путем слияния областей с преимущественным проживанием казахов и русских; программа по возвращению соотечественников на историческую родину; переход на государственное казахское одноязычие и др.) создала предпосылки для возрождения этноказахской идентичности. За более чем 20-летний период с момента принятия действующей Конституции РК существенно изменилась этнодемографическая структура населения страны в пользу казахоязычных казахов. Это отчетливо видно на примере этнодемографической структуры региональной молодежи 15-29 лет.

Именно этнодемографические процессы, включающие динамику внешней миграции и естественного прироста населения, определяют «лицо» нациестроительства: будет оно общенациональным или этнонациональным. Этнодемографическая структура региональной молодежи сегодня такова, что позволяет предположительно говорить о возможности нациестроительства на этнооснове. Наличие ресурса для реализации подобного сценария развития подтверждает зафиксированный в совокупности с другими факторами тренд на слияние этнической и гражданской идентификаций в казахоязычном сегменте региональной молодежи (из 83,4% идентифицирующих свое гражданство с Казахстаном у 52,1% отмечается указанный тренд). Данное обстоятельство свидетельствует об образовавшемся разрыве между этнотрадиционными ценностями казахоязычной молодежи и ценностной системой, лежащей в основе реализуемого курса на построение политической нации.

- ***Государственное покровительство национальной религии***

В свое время проводились параллели между возрождением казахской нации и возрождением ислама как национальной религии. Он и заполнил собой идеологический вакуум, оставшийся после краха КПСС. В общественную жизнь Казахстана ислам вошел не столько как духовное мировоззрение, сколько как активная этноконсолидирующая и мобилизующая идеология национального возрождения. В обществе распространились представления об исламе как о «новой суверенной казахской идентичности». Ислам стал восприниматься как неотъемлемый элемент этноказахского самоопределения («этнокультурный идентификатор»). В среде казахской молодежи отождествление этнической идентификации с конфессиональной характерно не только для верующих. Молодежный опрос показал, что каждый казах от 15 до 30 лет за редким исключением, даже не будучи верующим, причисляет себя к исламу как к традиционной конфессии для своего этноса (к конфессии предков).

Следует учитывать, что в самом процессе этнонационального возрождения естественным образом заложен алгоритм формирования этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде. Вовремя не предпринятые меры по управлению рисками привело к тому, что ситуация оказалась упущенной. Процесс пошел самостийно, дистанцированно от государства. Таково ключевое мнение представителей общественного актива молодежи. Нам лишь приходится констатировать, что политизация казахской этничности опережает создание политической нации.

Причины и факторы, оказывающие доминантное влияние на рост значимости этнорелигиозных идентификаций

- ***Распространение новых религий в Казахстане***

Вплоть до 2004 г., по данным мониторинговых исследований АСиП, в двух главных этнических общинах молодежи связь этнической и религиозной идентификаций носила жесткий характер: казахи – ислам, русские – православное христианство. По итогам исследования 2016 г., в обеих общинах фиксируется рост удельного веса иноконфессиональных меньшинств. Наиболее подвержены новообращению в нетрадиционные конфессии – русскоязычные казахи и представители иноэтнических групп (в меньшей степени русские).

Степень этноконфессионального плюрализма в Казахстане – одна из самых высоких в мире. А «протекционистские барьеры» на пути распространения новых религий – заметно слабее, чем в России, не говоря уже о республиках Средней Азии. В этом смысле Казахстан – «плодородное поле» для миссионерской деятельности проповедников нетрадиционных конфессий как исламской, так и протестанской и католической направленности. По данным исследования, в среднем каждый 3-й «верующий» в составе региональной молодежи имеет членство в религиозной организации. При этом каждые 6-7-й – члены нетрадиционных религиозных объединений, в том числе и с признаками тоталитарных сект. Учитывая высокие показатели затруднившихся с ответом и отказавшихся указать конфессиональную направленность своей организации, эти цифры могут быть занижены. Среди членов религиозных организаций каждый 8-й отмечает принудительный характер своей вовлеченности, каждый 10-й уклонился от ответа.

• *Политизация этничности*

Политизация этничности в молодежной среде имеет несколько источников:

Во-первых, в ходе этнонационального возрождения Казахстана возрастает роль этничности как политического фактора (выработка исторического сознания единства и чувства государственности, восприятие национал-патриотизма как своего политико-идеологического ориентира, усиление взаимосвязи между этнической идентификацией и политическими приоритетами нации и т.д.). В настоящее время, по данным исследования, казахоязычная молодежь переживает подъем национал-патриотических настроений (52,3% считают себя национал-патриотами. Для сравнения: разделяют установки национал-патриотизма среди русскоязычных казахов – 15,3%, разрыв в показателях между ними – 3,4 раза).

Во-вторых, неурегулированные вопросы социальной сферы и связанные с этим социальное разочарование, поиск справедливости, стремление к самореализации, радикализм (молодежи в принципе свойственно принятие простых «черно-белых» решений).

В-третьих, мощным источником, направляющим политизацию этничности во внесистемное русло, в том числе в форме религиозного экстремизма и терроризма, является идеологическая и религиозная экспансия в общественную и образовательную сферы Казахстана со стороны стран, имеющих традиции и системы исламского образования. Исламское политическое образование закладывает в казахстанскую молодежь основы мировоззрения и поведения, характерные для людей, находящихся в ситуации непримиримого противостояния (мусульмане-немусульмане). Основной контингент закрытых учебных заведений южного региона – представители казахоязычной региональной молодежи, главным образом сельской. Этот же контингент пополняет исламские общины нетрадиционной для Казахстана направленности (каждый 14-й «верующий» в составе казахоязычной региональной молодежи является членом исламской организации шиитской направленности).

Как следствие, результаты исследования показывают, что казахоязычная молодежь выделяется в сравнении со своими русскоязычными сверстниками более высокими показателями направленных этнофобий, интолерантности, конфликтогенного потенциала на этнорелигиозной почве. По сообщениям информационных источников, отдельные лица или группы региональной молодежи все чаще оказываются в центре деструктивных событий (массовые беспорядки на почве межэтнических конфликтов; террористические акции, организованные радикальными религиозными группировками; «самодетельный терроризм» без внятных идеологических заявок и спонсорских связей...).

• *Традиционализация молодежных отношений*

Тенденцию распространения этнорелигиозных идентификаций «подпитывает» существенная традиционализация молодежных отношений. Об этом говорят иерархизация неформальных отношений молодежи по принципу старшинства и ее активная вовлеченность в другие жестко иерархизированные структуры (с доминированием неформальных «авторитетов» и т.п.). Эмпирически установлено, что в среднем более двух третей региональной молодежи (в казахоязычной среде – в 1,1 раз больше) состоят в различных объединениях традиционалистского типа (земляческие, родоплеменные сообщества, религиозные общины и т.п.). Почему молодежная субкультура в малых городах и селах аккумулирует в себе черты досовременного, традиционного общества? Понятно, что наше общество в силу определенной этнокультурной обусловленности в значительной мере традиционно, но объяснение указанного феномена в узких рамках чисто этнической или религиозной проблематики, без учета социально-экономических факторов – бесперспективное занятие. Отчасти объяснение кроется и в сфере миграционных процессов.

• *Замещающий характер внешней миграции*

Первое. В соответствии с официальной статистикой, за последние 15 лет по каналам внешней миграции в Казахстан прибыло в общей сложности свыше 700 тыс. человек, главным образом переселенцы из республик Средней Азии, Китая, Монголии и Турции. В то же время выбыло из республики в 1,3 раза больше – около миллиона человек, преимущественно в Россию и Германию. За период 2000-2015 гг. баланс миграционного обмена с республиками Средней Азии – устойчиво положительный, с Россией и Германией – стабильно отрицательный. Идет замещение славянских и европейских этносов восточными/азиатскими этносами.

Второе. Серьезным фактором внешней миграции становится интеллектуальная эмиграция («утечка мозгов»). Понижается образовательно-квалификационный уровень населения. С 2005 по 2015 гг. покинули страну более 193 тыс. казахстанцев с высшим, незаконченным высшим и среднеспециальным образованием, прибыли свыше 222 тыс. человек со средним и неполным средним образованием, с низкой конкурентоспособностью на рынке труда.

Третье. Внешняя миграция имеет четкий этнический контур: иммиграция – преимущественно казахская, эмиграция – в основном русская. С 2000 г. по 2015 г. в республику вернулось около полумиллиона казахов, покинуло страну более полумиллиона русских. (Источник – Архив Комитета по статистике МНЭ РК, бюллетени за 2000-2015 гг.)

Внешняя миграция вносит серьезные изменения в этнодемографическую структуру населения республики, увеличивая численность казахоязычных казахов и представителей центрально-азиатских этносов, компенсирующих собой потери русскоязычного населения. Переселенцы привносят в стиль жизни казахстанцев этнокультурные модели, распространенные в Узбекистане, Таджикистане, СУАР Китая и других странах Центральной Азии, вкладывая свою лепту в традиционализацию общественных отношений.

• *Состояние среды развития*

Обследованные малые города и села по визуальным наблюдениям можно отнести к периферийной зоне политико-экономического пространства республики. Первые – плохо вписываются в современные социально-урбанистические стандарты. В последних – до сих пор не удается восстановить разрушенную технологическую базу местных экономик. В материале исследования находит существенное эмпирическое подтверждение «отсутствующее присутствие» госпрограмм поддержки региональной молодежи. В указанных населенных пунктах до половины опрошенных жителей от 15 до 30 лет либо впервые узнали из

анкеты о наличии государственной молодежной политики, либо не представляют, что это такое. В отдельных случаях отмечается ее узкоизбирательный характер.

Развитие ситуации в режиме системно углубляющегося кризиса провоцирует новый цикл примитивизации местных экономик, что ведет к деградации среды развития и к существенной традиционализации общественных отношений. Совокупность социологических индикаторов свидетельствует о повсеместном нарастании отсталости за пределами больших городов, особенно в сельских районах, где основное население – казахоязычные казахи. Кризис, который переживают сегодня малые города, села, поселки, имеет не только экономическую, но в равной степени социальную и гуманитарную стороны.

Основными трендами неблагополучного состояния среды развития являются:

- ✓ Маргинализация региональной молодежи и прежде всего ее сельского, казахоязычного сегмента.
- ✓ «Социальная депривация» региональной молодежи (недовольство своим нынешним положением).
- ✓ Изменение набора внутренних общественно-политических ценностей (традиционализация поведенческих установок и ориентиров региональной молодежи; усиление этнорелигиозных идентификаций; политизация этничности, проявляющаяся в виде конфликтности...).

В ненадежных, маргинальных условиях региональная молодежь вынуждена обращаться к своим «корням», осваивать архаичный опыт выживания этнических предков. На обследованных территориях время движется вспять: от искомой модернизации – к традиционалистскому местничеству со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Главный вопрос: Как долго и долго ли региональную молодежь будет устраивать ее роль «периферийного отклонения» от мейнстрима национально-государственного строительства? Чтобы ответить на этот вопрос хотя бы в первом приближении, рассмотрим содержательные особенности внутриказахстанского регионализма, тесно корреспондирующие с тенденциями, зафиксированными в обследованной молодежной среде.

• ***Особенности внутриказахстанского регионализма и риски девиации (отклоняющегося поведения)***

Для внутриказахстанского регионализма характерны:

- ✓ **Существенные диспропорции территориального развития.** Они привели к появлению «депрессивных зон» (ключевые индикаторы – спад и свертывание производства, безработица, высокая доля низкодоходного населения). Эти так называемые «черные дыры» экономики поглощают малые города и села, открывая перед региональной молодежью широкие перспективы безработицы, принуждая ее к бегству в большие города. В среде региональной молодежи поддается фиксации такое явление, как массовая десоциализация и ресоциализация личности (когда молодые люди, обычно не сознавая, одновременно одобряют или отрицают противоположные ценности). Внутренняя несогласованность системы взглядов и убеждений имеет более глубокие корни, нежели чисто возрастные особенности или психологическая реакция на кризис. И эти корни – в «депрессивной» социальной среде. Повышенная чувствительность к вопросам этнорелигиозных идентификаций при отсутствии социально сбалансированного основания в виде устойчивой системы взглядов и позиций снижают порог сопротивляемости молодежи влиянию радикалов религиозного или националистического плана, делают ее удобным «детонатором» организованных акций и общественных волнений.
- ✓ **Высокая степень региональной дифференциации.** Этим обусловлена географически дробная структура региональной молодежи. Она состоит из жителей отдельных регионов, не интегрированных в единую гражданскую общность. Ее характеризует разрозненность оценок и отсутствие единого смыслового пространства. В сочетании с традиционализацией молодежных отношений это дает возможность фрагментации молодежи на основе стимулирования родо-

племенного и регионального сепаратизма со стороны заинтересованных кругов. При таком сценарии развития существует угроза сецессии (выхода из состава государства в результате сепаратизма) и распада страны на жузовые анклав.

- ✓ **Наличие в Казахстане «трудных территорий»** - русских этнолингвистических ареалов – создает в развитии регионов эффект «разбегающейся асимметрии»: до сих пор испытывающие кризис этнопсихологической адаптации к переходу на государственное казахское одноязычие север, восток, центр и переживающие активный рост этноказахского самосознания запад и юг. Такая «разбегающаяся асимметрия» закладывает основу будущих потрясений, поскольку молодежь оказалась разделенной на два сегмента – казахоязычный и русскоговорящий. Их менталитет и самоидентификация по своей сущности различны. Говоря на разных языках, они и думают по-разному. Отчуждение между ними возникает и по поводу представлений о национальном государстве, и по поводу государственного языка. Потенциальную опасность несет присутствующая в молодежной среде критически высокая концентрация конфликтогенного потенциала на этнорелигиозной почве. Эмпирически зафиксировано, что линии наибольшей напряженности проходят как среди самих казахов – между казахо- и русскоязычными, так и между казахоязычными казахами и русскими; между приверженцами ислама и православного христианства. По данным исследования, конфликтогенный потенциал региональной молодежи в наиболее высоких концентрациях присутствует на западе, юге и в центре республики.

Характеристики этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи

- ***Коллизии гражданской идентификации***

В структуре личностной/групповой идентификации региональной молодежи доминирует гражданская самоидентификация. Однако, прямая аппликация (приведение, прикладывание) этого соображения осложняется следующим обстоятельством. На основе использования методов группировки и таблиц сопряженности в составе региональной молодежи выявлены две полярные по критериям гражданской самоидентификации группы. Сильным маркером, очерчивающим границы между ними, является этноязыковой фактор. Первую группу составляют преимущественно представители казахоязычной молодежи, сельской и городской (последние даже чаще, чем первые), отождествляющие свое гражданство с этноказахским государством (слияние этнической и гражданской идентификаций), сторонники интенсивного развития государственного казахского одноязычия, признающие в качестве претендентов на высокие государственные должности только этнических казахов. Эта группа неоднородна, в ней выделяются 2 подгруппы:

- ✓ «умеренные этнонационалисты» («казахи – государствообразующий народ, все другие национальности – этнические меньшинства, но вместе должны определять и нести ответственность за будущее страны»)
- ✓ «узкие этнические националисты» («Казахстан – для казахов»).

Вторую группу образуют представители русскоязычной молодежи (казахи и неказахи), сельчане и горожане – сторонники гражданской модели нациестроительства, официального двуязычия, демонстрирующие высокий уровень толерантности и открытости к иноэтническим и инакововеряющим группам. Здесь также можно выделить 2 подгруппы:

- ✓ отождествляющие свое гражданство со страной (надэтнический характер гражданской идентификации)
- ✓ так называемые «внутренние эмигранты», отождествляющие свою гражданскую принадлежность с обозначенной проживанием территорией («Малой Родиной»). Указанный тренд наиболее выражен на севере. В данном случае не исключено, что какая-то часть респондентов под «Малой Родиной» подразумевает в том числе и этнически обозначенную территорию. Допустимо предположить, что за «местечковым» характером гражданства может стоять утрата чувства Родины по отношению к Казахстану.

- *Религиозность молодежи напоминает процесс выращивания лука на гидропонике, способного дать побеги, но не оставить корней*

В целом для этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи характерно отсутствие жесткой связи между религиозностью и верой. За высокими цифрами религиозности не стоит осознанное обращение молодежи к религии. Молодые люди чаще идентифицируют себя с какой-либо религией и реже объявляют себя верующими. В отдельных случаях отмечают, что у них своя вера и религия для них ничего не значит. Поверхностный, колеблющийся характер религиозности молодежи подтверждает роль религии в качестве «этнического маркера». Не более. Системообразующим механизмом регулирования молодежных отношений она не стала.

Конфессиональная идентификация предполагает более рационально-методичное религиозное поведение, чем то, которое фиксируется у региональной молодежи. В ее поведении преобладает внешняя, обрядово-культовая сторона. При этом исполнение религиозных обрядов не является воплощением стремления реализовать священные тексты. Большинство их просто не знает: не читает религиозные первоисточники (Коран, Библию и др.), в целом религиозную литературу. Основная масса «верующих» чувствует себя относительно свободной или вообще манкирует всяческие религиозные каноны и предписания. Поэтому конфессиональная принадлежность молодых людей – не тождественна вере. Она представляет собой весьма специфическое явление, непреодолимо далекое от своего классического стандарта. Произошла банализация религии. По сути религия в молодежном исполнении освобождается от сакрального содержания и все больше секуляризируется, превращаясь в бытовую ритуальную практику.

Сам приход к вере преобладающей части региональной молодежи мотивирован не внутренними духовными поисками, а семейным воспитанием. Абсолютное большинство «верующих» – выходцы из религиозных семей, где оба родителя либо один из родителей (чаще всего мать) – верующие. Под влиянием семейного воспитания и традиционалистского уклада жизни практически каждый 2-ой «верующий» участвует в жизни своей религиозной общины. Скорее всего, за этим участием стоит конформизм по отношению к своей этнической религии. В деятельность религиозных общин наиболее активно вовлечены 20-29 летние, приверженцы ислама и представители религиозных меньшинств.

В то же время современная внутривнутриполитическая ситуация не позволяет закрывать глаза на контрпродуктивные тенденции, фиксируемые в группе активно-религиозных представителей казахоязычной молодежи. Эмпирически установлено, что в ее составе 11,1% категорически не приемлют для себя учебу/работу под руководством людей другого вероисповедания; 12,8% не хотят иметь никаких отношений с инаковерующими; 36,9% хотели бы видеть Казахстан страной, где религия участвует в государственном управлении. В других этнорелигиозных группах региональной молодежи приведенные цифры статистически менее значимы, причем в разы.

***Рост этнонационального самосознания казахской молодежи:
возможные политические последствия для Казахстана***

Анализ результатов исследования свидетельствует, что сегодня в Казахстане есть социальная база для формирования гражданской нации казахстанцев. Поверх разделяющих региональную молодежь этнорелигиозных «перегородок» все же существует общее понимание необходимости сохранения межэтнического/межконфессионального мира и согласия в стране. Об этом говорят доминантные тенденции:

- ✓ Патриотический компонент этнической идентификации проверялся с помощью вопроса: «Что для Вас является Родиной?». Судя по полученным данным, этническая самоидентификация большинства казахов, русских, представителей иноэтнических групп имеет позитивную направленность.
- ✓ Высокая толерантность молодежной среды по отношению к казахско-русскому двуязычию, в том числе в сегменте казахоязычной молодежи.
- ✓ В высокой степени толерантное отношение этноконфессиональных групп к иноэтническим/иноконфессиональным группам и их представителям
- ✓ Этнорелигиозному самосознанию большей части молодежи чужды сколько-нибудь выраженные националистические устремления. Вместе с тем, это не исключает национал-патриотические настроения, в первую очередь среди казахоязычной молодежи.

Межэтнические/межрелигиозные отношения в среде региональной молодежи бесппроблемными и бесконфликтными не назовешь. Однако, тот факт, что этнорелигиозное самосознание ее большинства не обременено ни чувством собственной исключительности, ни враждебностью по отношению к другим, служит залогом укоренения их гражданской идентичности – «быть казахстанцами».

На фоне общего позитива в материале исследования поддаются фиксации признаки усиления этноказахского национализма. Отдельные из них напрямую корреспондируют с проявлениями радикал-национализма («Казахстан – для казахов»). Результаты исследования свидетельствуют о тенденции формирования негативной этноказахской солидарности, основанной на этническом противопоставлении.

Негативная консолидация казахской молодежи может обернуться противостоянием с властью, если заинтересованные в этом политические круги (группы влияния), ориентированные на ситуацию кризиса власти, направят ее в русло антивластных настроений. Стоит учесть, в случае, если политизация этничности достигнет критического предела (этноказахское самоопределение приобретет негативные критерии) раньше, чем сформируется политическая нация, то Казахстан может превратиться в «испытательный полигон» для самых разных тенденций этноказахского самоутверждения – от проявления этнических фобий и предрассудков по отношению к «чужим» этническим группам до попыток закрепить за казахским народом государственный суверенитет. В последнем случае в качестве политических последствий можно предположить как версию – реализацию одной из двух моделей построения нации на этнооснове:

- ✓ Эволюционную модель, предполагающую сохранение существующей динамики этнодемографических процессов.
- ✓ Революционную модель, предполагающую резкие, радикальные трансформации существующей динамики этнодемографических процессов.

Однако, обе модели содержат в себе ряд ограничивающих факторов:

- ✓ Жесткие пределы экономического роста страны в долгосрочной перспективе (узкий рынок труда, ограниченная конкурентоспособность на мировых рынках)
- ✓ Сложность обеспечения суверенитета над обширными территориями
- ✓ Депопуляция населения после завершения процесса урбанизации
- ✓ Перманентный конфликт с остающимися в стране этническими меньшинствами (соответственно со странами-соседями)
- ✓ Невозможность с помощью социальных технологий подключить меньшинства к решению общегосударственных проблем

В условиях глобализации ни одна традиционалистская этническая идея не может быть конкурентоспособной, поскольку работает не на полноценную интеграцию в мировое сообщество и создание притягательного образа страны. А создает угрозу замыкания и самоизоляции, что пагубно в условиях роста взаимозависимости современного мира.

К тому же, современные демографические тенденции ведут к существенному изменению пропорций в населении Казахстана в пользу сельского и маргинального населения. Основным трендом этих процессов является псевдоурбанизация – стремительный приток в большие города сельского населения в объемах, не позволяющих городской среде адаптировать эту массу людей. Напротив, мигранты транслируют в городской стиль жизни сельский традиционный уклад, что

приводит к формированию достаточно широкой группы маргиналов и размывает консолидирующее начало нации. Все это провоцирует новый цикл примитивизации экономики и откладывает переход на ее устойчивый самоподдерживающийся рост; а также ставит под угрозу как проект модернизации Казахстана, так и, в конечном счете, его существование как суверенного государства.

Выбор любой из традиционных групп казахов как определяющей национальной цели и ценности не позволит достигнуть консолидации народа Казахстана, даже в самых узких рамках, понимаемых как консолидация казахов. Это связано с тем, что основополагающие идентификационные признаки традиционных групп (например, закрепленные в шежіре) направлены в большей степени на дифференциацию, а не на консолидацию народа.

В настоящее время казахский этнос даже внутри самого себя не является некоей единой общностью и разделяется как по внеэтническим линиям (например, экономической, определяющей разрыв бедных и богатых), так и по внутриэтническим, затрагивающим признаки, являющиеся сущностными для определения каждого этноса (например, культурно-символические).

У Казахстана, как у моноэтнического государства, нет будущего. В условиях глобализирующегося мира это бесперспективный исторический антиквариат, блокирующий путь в цивилизацию.

Возможные направления эволюции этнонационального сознания казахской молодежи с позиций сегодняшнего дня кажутся неопределенными. Повышение способности государства желательным для него образом воздействовать на ситуацию в стране требует оперативного подключения (в системном режиме) регулятивных механизмов, позволяющих обеспечить совместимость эволюции этнонационального сознания молодежи с модальным направлением нациестроительства для предотвращения нежелательных девиаций (отклонений).

У национализма есть два лица, одно – государственное, другое – этническое. Государственный национализм направлен в сторону интеграции, обеспечения гражданского единства. Этнонационализм – в сторону дезинтеграции, т.к. в его основе лежит противопоставление по принципу «мы» - «они», «свои» - «чужие». Этнонационализм нельзя отождествлять с шовинизмом и ксенофобией. Но между ними – очень тонкая грань. Трудно различить, имеет ли место естественное проявление национальных чувств или националистическая истерия.

Казахстан переживает период незавершенных исторических перемен. В этот период почти невозможно избежать кризиса идентичности, связанного с трудностями гражданского самоопределения. Образ кризиса реален и опасен, особенно в головах молодых людей. Саморазрушение страны начинается с запроса на различие, формируемое национал-патриотами разного этнического плана. Сегодня – это проведение границ вовнутрь молодежного сообщества. А что будет завтра в условиях разделенного пространства? Национальную (гражданскую) идентичность молодых казахстанцев необходимо последовательно утверждать не только высказываниями и призывами Главы государства, но прежде всего средствами государственной молодежной политики.

Общие рекомендации

В сфере миграционной политики

Необходимо миграционную политику привести в соответствие с Конституцией и президентским курсом построения национального государства на общегражданской основе. Нельзя практиковать этническую дифференциацию через миграционную политику. Если для внутренней миграции нужна адекватная социально-экономическая политика, поскольку она носит по большей части вынужденный характер, то политику привлечения внешних мигрантов необходимо переориентировать на качественные требования, отвечающие интересам модернизирующегося Казахстана. Поэтому ставка должна делаться не на этнический

признак, а на образовательно-квалификационный уровень внешних мигрантов, способных обеспечить прорыв Казахстана в экономике, наукоемком производстве, образовании и т.д., т.е. в конечном счете – в интеллектуальном развитии. Определение целей и задач миграционной политики, отвечающей интересам национально-государственного строительства, требует ее системной проработки.

В религиозной сфере

В числе приоритетных направлений работы государственных органов по контролю и регулированию религиозной сферы можно предложить:

- ✓ выработку государственной стратегии в религиозной сфере, которая обеспечивала бы комплексный подход, учитывала социально-экономические и культурные факторы и была связана с образовательной и молодежной политикой
- ✓ определение новых инструментов работы в религиозной сфере (soft power), прежде всего – за счет подготовки из числа казахстанцев авторитетных религиозных лидеров и усиления контроля над сферой религиозного образования, а также через введение образовательного курса «Религиоведение» в светских вузах
- ✓ акцентирование ценностей исламского либерализма. При этом необходимо дистанцироваться от иностранных религиозных центров влияния – арабских и турецких
- ✓ снижение «социальной престижности» религиозно-сектантского противостояния светскому образу жизни, в том числе – посредством массовой культуры и СМИ. Необходимо внедрять в массовое сознание молодежи модель «правильного» ислама, проповедующего социально приемлемые нормы поведения, противопоставляя эту модель носителям деструктивного сектантского поведения
- ✓ ужесточение режима для иностранных религиозных активистов (как исламских, так и иных конфессий), в том числе – запрет на миссионерскую деятельность
- ✓ жесткое ограничение активности представителей местных элитных групп, стремящихся использовать религиозный фактор для повышения или поддержания своего статуса (вплоть до открытых уголовных процессов)
- ✓ укрепление финансового контроля над деятельностью религиозных организаций
- ✓ выстраивание механизмов социальной реабилитации местных сообществ, в которых развивалась деятельность деструктивных религиозных групп.

В сфере государственной молодежной политики

В основе государственной молодежной политики должна быть заложена предложенная Президентом и понятная для молодежи концепция национальной идеи РК «Мәңгілік ел: Одна страна – одна судьба». Сама концепция должна представлять собой совокупность взаимосвязанных идей и механизмов в области управления процессами строительства гражданской нации. В ней должны быть сформулированы важнейшие направления молодежной политики в области нациестроительства, а ее ключевые элементы должны быть комплексным ответом на наиболее актуальные вызовы и риски, стоящие перед страной и молодежью.

Концептуализация молодежной политики обусловлена необходимостью решения двух задач: укрепления государственности и участия молодежи в модернизации страны. Указанные задачи требуют мощной внутренней мобилизации молодежи. Гражданский национализм должен стать основополагающим принципом государственной молодежной политики. В качестве основных жизненных целей и ценностей она должна предложить молодежи следующие установки: модернизация; городские стандарты качества жизни; индустриализация; конкурентоспособность; интеллект и образованность; профессионализм; институт семьи; здоровье нации; толерантность и языковое многообразие. Условия модернизации, мировое разделение труда и конкуренция определяют установку в молодежной политике на образование и интеллектуальное развитие. С этой целью необходимы:

- Формирование социальных лифтов для той части молодежи, которая не может обойтись без помощи государства в решении собственных социальных проблем
- Подключение сельской молодежи к существующим программам международного обучения (выделения квот для участия в «Болашаке»)
- Расширение охвата сельской молодежи образовательными программами в рамках реализации проектов корпоративной социальной ответственности. Подключение к этой программе иностранных партнеров, отечественных бизнесменов, национальных компаний и т.д.
- Реализация ряда мер по упрощению социальной адаптации казахоязычной молодежи в городах («первый найм»)
- Формирование кадрового молодежного резерва для Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития
- Диалог с казахоязычной молодежью о путях формирования гражданской нации на казахской культурной основе
- «Разведение» на властном уровне идеологием «гражданского» и «этнического национализма», формирование гражданского большинства.

Краткий обзор основных тенденций

Гражданская идентификация

Структура личностной/групповой идентификации молодежи. Центральное место в ней занимает гражданская идентификация (79,6%). Это доминантный тренд во всех регионально-поселенческих и социально-демографических группах молодежи. Показатели гражданской идентификации варьируют от 69% на севере до 92,2% на западе республики. В первую очередь идентифицируют себя с казахстанским гражданством сами казахи, главным образом казахоязычные (83,4% - в 1,1 раз чаще по сравнению с русскоговорящими), уроженцы сел (81,9%). Среди русских и представителей другой национальности показатели заметно ниже – соответственно 70,8% и 75,3%. Уроженцы малых городов отдают предпочтение гражданскому критерию идентификации в 1,1 раз реже сельчан (73,7%). В той или иной форме не признают свою гражданскую принадлежность к Казахстану – 17,7%. Среди них чаще встречаются русские (25,8%), русскоязычные казахи (20,6%) и представители иноэтнических групп (19,3%); уроженцы малых городов (23,5%); севера (29,8%), центра (19,8%) и юга (18,4%) страны.

Чувство Родины, гражданский патриотизм. Лежит в основе гражданской идентификации. Его испытывает доминантное большинство молодежи (79,4%). Уровень гражданского патриотизма практически во всех регионах, кроме севера (60,3%), превышает средний показатель по массиву – от 81,3% на востоке до 90,1% на западе. Чувство Родины прежде всего присуще казахоязычным казахам (88%), уроженцам сел (80,3%). Среди русскоязычных казахов и неказахов гражданская идентификация имеет противоречивый характер. Их репрезентативная часть испытывает чувство Родины по отношению к месту проживания (региону, области, населенному пункту, району и т.д.). Уровень «местечкового» патриотизма составляет в среднем 17,4%. За этой цифрой стоят каждый 3-й русский и русскоязычный казах (по 31,3%), каждый 5-й представитель другой национальности (20,4%); уроженцы малых городов (18,6%); севера (31,4%) и востока (18,8%) страны. Утрата чувства Родины по отношению к Казахстану (в среднем 1,7%) несколько чаще характеризует русских (3,3%) и лиц другой национальности (6%); жителей центра (6,3%) и севера (4,5%) республики.

Приоритеты национально-государственного строительства. В системе приоритетов отчетливо обозначилась линия раскола между русскоязычной и казахоязычной молодежью. Она проходит как на меж- и внутриэтническом, так и на межрегиональном уровнях, разделяя молодежь на сторонников гражданской (51,8%) и этнической (43,9%) моделей нациестроительства. Среди сторонников гражданской модели нациестроительства – большая часть молодежи востока (76,6%), центра (71,2%) и севера (52,1%); как правило, русские (76,7%), представители иноэтнических групп (63,9%), русскоязычные казахи (51,9%). Этноцентризм как национально-психологический комплекс широко представлен среди казахоязычных казахов (54,3%). Это влиятельный тренд на юге (50,6%) и западе (49,1%) республики. В составе казахских этнонационалистов большинство занимает умеренную позицию («государствообразующий народ – казахи, все другие – этнические меньшинства, но вместе – ответственны за будущее страны»): среди казахоязычных – 40,8%, русскоязычных – 38,2%. Масштаб негативной этноказахской консолидации, основанной на этническом противопоставлении («Казахстан для казахов»), имеет охватом 13,5% казахоязычных казахов и 7,6% русскоязычных казахов (в 1,8 раз меньше по сравнению с первыми). Зона концентрации сегрегационных настроений – юг (14,5%). В материале исследования не находит существенного эмпирического подтверждения тенденция постепенного утверждения гражданского самосознания молодежи.

Коллизии общегражданских ценностей. При оценке их консолидирующего влияния на казахстанскую молодежь зафиксирован конфликт мнений между русскоязычной и казахоязычной молодежью. Наибольшие разногласия проявились при оценке консолидационного потенциала таких ценностей, как уважительное отношение к основным религиям в Казахстане (исламу и православию), защита отечества и государственный язык. Для примера: разрыв в показателях оценок консолидирующей роли государственного языка между казахоязычными и русскоязычными казахами, между первыми и русскими, а также

представителями другой национальности составляет 1,2-1,4 раза: 43,5% против 35,9% - 30,8% - 30,1% соответственно; его деконсолидирующей роли – еще больше: 6,4-7,2-4,5 раз (5,5% против 35,2% - 39,8% - 24,5% соответственно). Конфликт мнений имеет не только четкую этноязыковую коннотацию, но и отчетливо выражен на региональном уровне. В частности, показатели оценок деконсолидирующей роли государственного языка варьируют от 8,1% на западе до 48% на востоке. Единственная ценность, по которой достигнут «пик» согласия в молодежной среде – патриотизм, чувство Родины по отношению к Казахстану (67,1%). Среди казахоязычных казахов консолидирующая роль указанной ценности находит поддержку в 1,2 раза чаще по сравнению с русскоязычными казахами, русскими и представителями иноэтнических групп (71,4% против 61,8% - 60,4% - 59% соответственно). Полученные данные подтверждают базовый характер этой ценности в структуре гражданской идентификации молодежи. Все другие надэтнические ценности (интернационализм, гражданственность, уважение культурных традиций и обычаев народов, населяющих Казахстан, гордость за свою страну и ее историю) имеют ослабленный, более того – спорный характер и не могут всерьез претендовать на консолидацию казахстанской молодежи.

Отношение к государственной молодежной политике. Неоднозначное. Положительно оценивают ее консолидирующую роль главным образом казахоязычные казахи (61,3%), что и отразилось на среднем показателе по массиву (50,9%), учитывая их численное преимущество в составе опрошенных. В разрезе регионов показатели положительного отношения колеблются в пределах от 39,6% в центре до 71,1% на западе. Большинство русскоязычной молодежи – это впервые узнавшие о существовании молодежной политики из анкеты и неопределившиеся (средний совокупный показатель – 40,5%). Среди них наиболее активно представлены русские (53,3%), лица другой национальности (50%) и в несколько меньшей степени – русскоязычные казахи (48,9%). В разрезе регионов максимальный совокупный показатель неинформированных и неопределившихся – в центре (54%). Наиболее критично настроены в отношении молодежной политики – русскоязычные казахи. В их составе 24,4% (средний показатель – 8,6%) отмечают ее избирательный характер и деконсолидирующую роль. В разрезе регионов показатели отрицательного отношения выше среднего значения – на севере (14,9%) и юге (10,5%).

Государственный язык

Языковая политика государства: приоритетные установки. Последние весьма противоречивы и отражают этноязыковые разногласия в молодежной среде. В поддержку развития трехязычия (средний показатель – 40,6%) высказались в основном русскоязычные казахи (45,8%) и представители иноэтнических групп (51,2%). В разрезе регионов показатели поддержки варьируют от 32% на востоке до 43,1% на юге. Интенсивное развитие государственного казахского одноязычия (в среднем – 34,2%) поддерживают преимущественно казахоязычные казахи (49,4%). В региональном разрезе диапазон колебаний показателей поддержки составляет от 15,3% в центре до 53,4% на западе. Сторонники государственного казахско-русского двуязычия (средний показатель – 21,5%) – преобладающее большинство русских (52,9%). В разрезе регионов доли сторонников варьируют от 9,5% на западе до 36% в центре республики.

Знание государственного языка. 100% - но характеризует самих носителей языка (казахоязычных казахов), 33,7% представителей иноэтнических групп и 5% русских. Среди русскоязычных казахов не нашлось ни одного свободно владеющего казахским языком. Преимущественно казахские этнолингвистические регионы – запад (85,8%), юг (74,7%) и восток (57,8%). Умение объясняться на казахском языке и понимание отдельных фраз характеризует 70,2% русскоязычных казахов, 53,8% русских и 41% лиц другой национальности. В разрезе регионов показатели слабого знания государственного языка варьируют от 8,2% на западе до 36,9% в центре. Абсолютное незнание государственного языка в большей степени присуще русским (38,8%), в меньшей – представителям иноэтнических групп (22,3%) и русскоязычным казахам (14,5%). Регионы с наибольшей концентрацией незнающих государственный язык – север (27,3%) и восток (21,9%).

Коллизии государственного языка. Главная коллизия – отсутствие намерения осваивать государственный язык у большей части тех, кто слабо знает, не определился с самооценкой и совершенно не знает его (в среднем – 55,1%). В составе выделенной категории молодых людей уровень неприятия государственного языка выше среднего показателя – среди русских (62,4%) и представителей иноэтнических групп (60,1%), ниже – среди русскоязычных казахов (38,2%). В разрезе регионов доли нежелающих осваивать государственный язык колеблются в пределах от 29,6% на востоке до 76,7% в центре.

Основной язык общения. Полученные данные свидетельствуют о реальном двуязычии в Казахстане. Русскоязычной молодежи по большей части привычнее изъясняться на русском языке. Основной язык общения 86,7% русских, 72,3% русскоязычных казахов, 51,2% представителей иноэтнических групп – русский язык. Преимущественно русские этнолингвистические регионы – север (52,5%) и центр (47,7%). В разрезе других регионов максимальный показатель общения на русском языке – на востоке (42,2%), минимальный – на западе (7,3%). Речевой опыт казахоязычных казахов обнаруживает высокую толерантность по отношению к двуязычию. Основной язык общения среди них – казахский и русский в одинаковой степени (58,3%). В разрезе регионов двуязычное общение преобладает на востоке (48,4%), западе (47%) и юге (47,6%). На казахском языке общаются в основном казахоязычные казахи (39%); на западе (44%) и юге (35,3%). Реже его используют представители иноэтнических групп (10,2%), русскоязычные казахи (7,9%), русские (1,3%).

Проблемы этноконсолидации казахской молодежи

Размежевание по линии «шала» и «нагыз» казахи. Эта этнически маркированная установка не имеет массового характера. Ее разделяют 35% казахоязычных и 28,2% русскоязычных казахов. Основной ареал распространения – восток (34,4%), в меньшей степени – запад (30,6%) и юг (27,6%). Большинство неказахов – не в курсе подобного размежевания (56,3% русских и 45,8% лиц другой национальности).

Внутриказахское единство: конфликт мнений. Наиболее выражен среди самих казахов: 63,8% казахоязычных казахов придерживаются мнения о наличии внутриказахского единства. Им противостоят 65,6% русскоязычных казахов, отрицающих его наличие (26,7%) либо колеблющихся (38,9%). Конфликт мнений фиксируется и внутри обеих групп. В составе первых 18% не разделяют мнение большинства, в составе вторых 34,4% высказываются в пользу наличия внутриказахского единства. Весьма противоречивые мнения и в группах неказахов. Среди русских преобладает позитивное мнение о консолидированности казахской нации – 30% (отрицают ее – 22,1%), среди представителей иноэтнических групп показатели диаметрально противоположных мнений соотносятся в сопоставимых пределах (27,1% признают наличие единства, 26,5% - отрицают). Признание внутриказахского единства наиболее широко распространено среди молодежи запада (79,3%), севера (50,4%) и юга (47,9%); отсутствие единства – на востоке (31,3%).

Факторы бифуркации. Ключевой фактор, препятствующий объединению казахов в одну монолитную национальную общность – языковой барьер (разделение на русскоговорящих и казахоязычных). Это мнение в среднем 29,8% молодых людей. Значимость указанного фактора в 1,2 раза выше среднего значения – среди казахоязычных казахов (34,3%). В разрезе регионов превышение среднего показателя – на западе (40,1%), в центре (36%) и на востоке (32,8%). Все другие факторы, предложенные анкетой, имеют статистически менее значимый характер и не отражают устойчивость группового мнения молодежи (менее 25% совпадений), за исключением группового мнения казахоязычной молодежи. Последние включили в число основных факторов – разделение по жузовому, родоплеменному признакам (25,6%). Максимальный показатель указанного фактора – на западе (32,3%).

Кровнородственный фактор этнической идентификации

Значимый параметр этничности. Таковым в среднем для 88% является знание своей родословной (шежіре). Это доминантный тренд во всех регионально-поселенческих и демографических группах молодежи. Величина среднего показателя отклоняется в сторону увеличения и достигает максимального значения среди казахоязычной молодежи (95%); на западе республики (96,5%). В составе русскоязычной молодежи необходимость знания родословной отмечают 87% казахов, 73,8% русских, 72,9% представителей иноэтнических групп.

Знание своей родословной. В большей или меньшей степени характеризует в общей сложности 84,5% молодежи. Твердая убежденность в знании своей родословной отмечается в самооценках 73,3% казахоязычных казахов; главным образом сельчан (62,7%); уроженцев запада (77,6%), юга (60,6%), востока (60,2%) страны. Количественные показатели твердо убежденных в знании своей родословной в группах русскоязычных казахов, русских и лиц другой национальности заметно ниже – 43,5%/31,7%/29,5% соответственно. Они в 1,4 раза реже встречаются в среде городской молодежи по сравнению с сельской (46,4%). Этнотрадиционалистские установки в меньшей степени распространены среди молодежи центра (34,2%) и севера (42,6%).

Генеалогические приоритеты. Доминантное большинство молодежи независимо от регионально-поселенческих и половозрастных спецификаций идентифицирует свое происхождение с предками по отцовской линии (в среднем 73,3%). Продолжателями рода по мужской линии считают себя 84,3% казахоязычных и 66,4% русскоязычных казахов, 50,4% русских и 54,8% представителей иноэтнических групп. В разрезе регионов идентификационные показатели колеблются в пределах от 52,1% на севере до 90,1% на западе.

Формы кооптации. Отношения в молодежном кругу общения также характеризуются неизжитостью традиционалистских установок. В общей сложности 66,7% вовлечены в различные формы кооптации по типу землячества, кровнородственной/родоплеменной близости, соподчинения по принципу «старший-младший» и другие жестко иерархизированные структуры. Если принять во внимание, что в среднем один из них состоит в нескольких неформальных объединениях, то масштаб охвата молодежи традиционалистскими формами общения составляет 91,6% (от числа опрошенных). Для более точного определения масштабов охвата проценты рассчитывались от числа ответивших, а не от числа опрошенных. Традиционалистские формы общения наиболее широко распространены в среде казахоязычной молодежи (72,1%); на западе (75,2%), юге (68,7%) и востоке (65,6%). Преобладают они, правда, с меньшим охватом и среди русскоязычных казахов (54%), русских (53,7%), представителей иноэтнических групп (54,9%); на севере (58,9%) и в центре (52%).

Национал-патриотизм этнического плана

Отношение к национал-патриотам. Неоднозначное и в неявной форме проводит линию идеологического размежевания между казахоязычной и русскоязычной молодежью. Казахоязычная молодежь в большинстве своем (52,3%) разделяет идеологию национал-патриотизма. Доминанта отношения русскоязычной молодежи – безразлично-неопределенное (50,4%). Среди противников данной идеологии – 19,1% русскоязычных казахов, 15% русских, 16,9% лиц другой национальности. Однако, анализ данных по группе казахоязычной молодежи приводит к заключению, что патриотический компонент ее этнической принадлежности является глубинной ценностной установкой, а поддержка национал-патриотов носит ситуативный характер и скорее всего является психологической реакцией на определенные жизненные условия (41,6% безразлично-неопределенно относятся к ним). Данные по регионам обнаруживают те же линии идейного размежевания, что и средняя тенденция: концентрация сторонников национал-патриотизма – на западе (63,8%), юге (40,1%) и востоке (59,4%). Однако, регионы не представляют собой разные «ментальные страны». Речь идет об одних и тех же молодых людях, которые занимают в чем-то более определенную и последовательную, а в чем-то противоречивую позицию. Молодежь с таким «разорванным» сознанием при определенных поворотах нестабиль-

ной политической ситуации может примкнуть к одному из полюсов противостояния: власть – оппозиция национал-патриотического толка. А может остаться посередине.

Оценка роли и влияния национал-патриотических объединений на молодежь. Противоречивая и показывает, что региональная молодежь – это контрастная социальная среда, где полярных мнений, оценок в частых случаях придерживаются люди одного возраста, занимающие одинаковые статусные позиции. Уровень авторитета национал-патриотических объединений казахского этнического плана – в среднем 47,3%. Как конструктивную общественную силу, положительно влияющую на молодежь, их признают главным образом казахоязычные казахи (59,8%); на западе республики (67,7%). Отрицательная оценка преобладает над положительной – среди русскоязычных казахов (35,8%), русских (39,6%) и представителей иноэтнических групп (35%). Уровень авторитета славянских и казачьих объединений в целом невысок (средние показатели – 25,5% и 20,5% соответственно). Отрицательные оценки их влияния на молодежь преобладают над положительными во всех этнических группах региональной молодежи (причем, в сопоставимых пределах). В разрезе регионов максимальные показатели отрицательных оценок роли и влияния славянских и казачьих объединений на молодежь – на западе (57,7% и 58,1% соответственно).

Характер этничности

Степень удовлетворенности условиями реализации этнокультурных и языковых потребностей. Полностью и скорее удовлетворены – в среднем 52,9%. Это доминантный тренд во всех регионально-поселенческих и демографических группах молодежи. Максимальные показатели удовлетворенности – среди казахоязычных казахов (81,9%); на востоке (88,3%) и западе (83,2%) страны; минимальные – среди представителей иноэтнических групп (61,5%); в центре (64,8%). Недовольные условиями – в меньшинстве (в среднем 10,3%). Среди них наиболее активно представлены лица другой национальности (16,9%); уроженцы центрального региона (23,4%).

Состав власти: этноязыковой критерий. Большинство (в среднем 71,7%) толерантно относится к этнической принадлежности лиц, занимающих высшие государственные должности. Но для почти половины из них (в среднем – 35,4%) обязательным критерием является свободное владение государственным языком и приятие казахской культуры. Надэтнических установок без всяких оговорок придерживаются преимущественно русские (58,8%), в меньшей степени русскоязычные казахи (48,1%), представители иноэтнических групп (44%) и казахоязычные казахи (25,3%); на востоке (54,7%). Выдвигают требование знать государственный язык и принимать казахскую культуру – главным образом казахоязычные казахи (40,8%), реже – русскоязычные казахи (29%), русские (26,7%) и представители иноэтнических групп (33,1%); на западе (57,8%). Для 19,8% основным критерием является этнический – «быть казахом». При этом 13,7% отдадут предпочтение казахам, свободно владеющим государственным языком. Этноязыковой критерий имеет характер императива для казахоязычных казахов (20,3%), в меньшей степени – для русскоязычных казахов (7,6%).

Этнический фактор в иерархии «начальник-подчиненный». Статистически малозначим. Уровень этнической (абсолютной и относительной) толерантности достигает в среднем 80%. При этом для 22,4% не важна этническая принадлежность человека, под началом которого они учатся или работают, для них значимо его умение свободно изъясняться на их родном языке. Масштаб абсолютной и относительной толерантности выше среднего значения – среди русских и представителей иноэтнических групп (86,3% - 80,1% соответственно), ниже – среди казахо- и русскоязычных казахов (79,4% - 71,8% соответственно). В разрезе регионов максимальные показатели толерантности – на востоке (96,1%) и западе (90,1%). Уровень этнической интолерантности (абсолютной и относительной) – в среднем 12,9%. Величина этого показателя выше – среди казахоязычных (13,1%) и русскоязычных (21,4%) казахов; ниже – среди русских (10%) и представителей иноэтнических групп (10,2%). Наиболее радикально настроены (абсолютная интолерантность) – казахоязычные казахи, среди которых 9,8% (в 1,4

раза больше, чем в среднем по массиву) считают для себя неприемлемым учиться/работать под началом человека другой национальности. Среди русскоязычных казахов радикал-националистов – 3,1%.

Межэтнические отношения

Оценка состояния межэтнических отношений. В целом положительная. 64,2% характеризуют межэтнические отношения в местности проживания как дружественные. Это доминантный тренд во всех регионально-поселенческих и демографических группах молодежи. Наиболее благоприятная ситуация отмечается на западе (81,9%) и востоке (87,5%). В среднем по массиву 28,2% оценивают межэтнические отношения с разной степенью жесткости: от констатации межнациональной отчужденности до признания открытой вражды. Наиболее критично оценивают ситуацию русскоязычные казахи (40,6%) и представители иноэтнических групп (34,3%); в центре республики (45,9%).

Основные линии напряженности. На фоне благополучных межэтнических взаимоотношений большинства молодежи (в среднем 51,9%) в 33,2% случаев отношения между представителями разных этнических групп носят напряженный характер. Наиболее напряженными являются отношения внутри казахской группы – между казахо- и русскоязычными казахами, а также между казахами (в основном казахоязычными) и русскими (по признанию каждаых 7-8-ого опрошенных казахов). Русские и представители иноэтнических групп в более частых случаях отмечают напряженность отношений с казахоязычными казахами – 16,3% и 16,9% соответственно. Наиболее проблемный регион, где сконцентрированы основные линии напряженности – запад республики.

Степень открытости для межэтнических отношений. Избирательно высокая. Большинство открыто для дружбы (68,3%), совместной учебы/работы (48,7%), соседства (40,7%), но как только речь заходит о развитии совместного бизнеса, создании семьи – показатели готовности снижаются (до 22,2% и 14,7% соответственно). Это общая для всех этнических групп тенденция. Лишь только каждый 15-й (6,8%) из числа опрошенных – носитель направленных этнофобий – негативных установок по отношению к иноэтническим группам. Как правило, это казахоязычный казах (9,1%); горожанин (8,2%); 25-29 лет (7,6%); южанин (10,7%).

Конфликтотенный потенциал на этнической почве

Факторы недовольства. В среднем 54,7%, по их собственному признанию, не подвергались противоправным действиям, нарушающим их этнические права. На общем фоне регионов по этому показателю выделяется восток – 93,8% довольны своим правовым положением. Трудно сказать, что стоит за этой цифрой – конформизм, лояльность, не критичность восприятия, удовлетворенность, опасения? По показателям частоты упоминаний ключевыми факторами, провоцирующими этноконфликтные настроения в молодежной среде, являются нарушения профессионально-трудовых и образовательных прав по этническому признаку (16,4% - 12,1% соответственно). В обоих случаях жертвами нарушений, как правило, оказывались русские, представители иноэтнических групп, и/или члены их семей (в первом случае – 28,7% и 23,5% соответственно; во втором случае – 15,8% и 13,9% соответственно).

Уровень ожиданий молодежного межэтнического конфликта. Молодежь в основной своей массе не верит в возможность массового конфликта на этнической почве в среде своих сверстников (в среднем 74,4%). Однако, каждый 10-й молодой человек ожидает его. Уровень ожиданий выше, чем в среднем по массиву – среди русских (13,8%) и русскоязычных казахов (13,6%); в центре (24,3%), на западе (16%) и севере (11,2%) страны.

Потенциал участия в конфликте. Уровень этноконфликтного потенциала – критически высокий (в среднем 51,6%). Среди потенциальных участников конфликта наиболее активно представлены казахоязычные казахи (56,9%); уроженцы запада (70,7%), центра (54%) и юга (52,2%).

Религиозная идентификация

Уровень религиозности молодежи. В среднем 71% считают себя верующими. Главным образом казахоязычные казахи (76,5%) и русские (71,3%); женского пола (73,8%); 20-24 лет (73,6%) и 25-29 лет (72%); уроженцы малых городов (77,3%); востока (82,8%), севера (76%) и центра (71,2%) республики.

Истоки религиозности. Абсолютное большинство верующей молодежи – выходцы из религиозных семей, где оба родителя либо один из родителей – верующие. В разрезе верующих доли выходцев из религиозных семей варьируют от 81,4% среди русскоязычных казахов до 85,9% среди представителей иноэтнических групп. В материале исследования находит существенное эмпирическое подтверждение снижение тенденции социальной применимости религии в семьях верующих: показатели религиозности молодых людей ниже, чем у их родителей (от 1,1 раза среди казахоязычных казахов до 1,6 раз среди представителей иноэтнических групп).

Мотивы обращения к вере. Большинство пришло к вере под воздействием семейного воспитания (в среднем – 57,9%). Это доминантный тренд во всех этноконфессиональных группах. Другие мотивы, обусловленные внутренними или внешними факторами, в статистическом плане менее значимы и не отражают устойчивость группового мнения молодежи.

Религия в восприятии верующих. – Духовное мировоззрение (в среднем – 55,4%), в первую очередь для основных этноконфессиональных групп, в меньшей степени – для религиозных меньшинств. Показатели восприятия религии как духовного мировоззрения: среди казахов – 56,7%, русских – 54,4%, представителей иноэтнических групп – 47,8%; среди исповедующих ислам – 56,3%, православное христианство – 57,4%, другие религии – 32,6%. Иное восприятие религии не отражает устойчивость группового мнения верующей молодежи.

Конфессиональная принадлежность. Выходцы из религиозных семей, получившие соответствующее воспитание, как правило, исповедуют ту же религию, что и их родители: казахи в абсолютном большинстве – ислам (казахоязычные – 97,9%, русскоязычные – 80%), русские – православное христианство (88,9%), представители иноэтнических групп – ислам (55,4%) и православное христианство (31,5%).

Статусные позиции верующих

Социальная применимость образования в семьях верующих. В составе этноконфессиональных групп преобладающее большинство – дипломированные специалисты со среднеспециальным и высшим образованием: среди казахоязычных казахов – 58,4%, русскоязычных казахов – 48,7%, русских – 55%, представителей иноэтнических групп – 59,8%. От двух третей до трех четвертей представителей этноконфессиональных групп – выходцы из семей, где оба родителя - дипломированные специалисты с высшим и среднеспециальным образованием. Зафиксирована тенденция снижения социальной применимости образования в семьях верующих: показатели наличия высшего и среднеспециального образования у верующих молодых людей ниже, чем у их родителей. В частности, в группе верующих казахоязычных казахов – в 1,2 раза; русскоязычных казахов – в 1,2-1,4 раза по сравнению с их отцами и матерями; русских – в 1,3-1,4 раза соответственно; представителей иноэтнических групп – в 1,1 раз.

Виды занятости. Учитывая возраст, большая часть этноконфессиональных групп состоит из экономически пассивных категорий, не занятых в экономике: среди казахоязычных казахов – 52,8%; русскоязычных казахов – 47,1%; русских – 50,3%; представителей иноэтнических групп – 50,1%. Из них большинство – учащиеся (школьники, студенты, аспиранты, магистранты). Занятых в экономике – соответственно 42,2% - 48,6% - 50,3% - 50,1%, главным образом в сфере наемного труда. Безработных больше всего – среди казахоязычных казахов (11%).

Религиозное самообразование

Уровень религиозных знаний верующих. Ниже среднего по масштабу охвата (45,8%). Большинство (в среднем – 54,2%) – это те, кто не обладает религиозными знаниями, не имеет определенного мнения на этот счет и не проявляет интереса к ним. В разрезе этноконфессиональных групп показатели наличия религиозных знаний варьируют от 31,4% русскоязычных казахов до 51,5% русских. Максимальный показатель наличия религиозных знаний – среди представителей религиозных меньшинств (56,5%).

Источники религиозных знаний. Основной источник – священнослужители религиозных учреждений (в среднем – 39,8%). Другие источники статистически менее значимы и не отражают устойчивость группового мнения верующей молодежи. Роль священнослужителей как источника религиозных знаний наиболее высока среди верующих русской национальности (47,4%); православно-христианского вероисповедания (48,7%), наиболее низкая – среди русскоязычных казахов (14,3%); представителей религиозных меньшинств (17,4%). В составе представителей религиозных меньшинств основным источником является интернет (средний показатель – 15,6%) – 54,3%.

Чтение религиозных первоисточников. В составе верующей молодежи в среднем лишь 38% читали религиозные первоисточники (Коран, Библию и др.). 61,3% - не читали, из них 25,4% имеют представление о сути написанного в священных текстах из разъяснений знающих людей. В разрезе этноконфессиональных групп показатели чтения религиозных первоисточников варьируют от 24,3% среди русскоязычных казахов до 43,3% среди русских; от 36,4% верующих исламского вероисповедания до 43,7% православно-христианского вероисповедания.

Регулярность чтения другой религиозной литературы. Преобладающее большинство верующих молодых людей вообще не читает религиозную литературу (в среднем 51,1%). Делают это с разной степенью регулярности – в общей сложности 35,2%. Из них лишь 5,8% - регулярные читатели. В разрезе этноконфессиональных групп показатели регулярного чтения колеблются в пределах от 1,8% среди русских до 9,8% среди лиц другой национальности; от 2,1% верующих православно-христианского вероисповедания до 6,7% исламского вероисповедания.

Религиозное поведение

Степень участия в жизни религиозной общины. Показатели активных и пассивных верующих соотносятся в сопоставимых пределах: в среднем 45,4% участвуют в жизни своей религиозной общины, 43,1% - не участвуют. В разрезе этноконфессиональных групп доли активных верующих варьируют от 18,6% среди русскоязычных казахов до 51,6% среди казахоязычных казахов; от 32,6% среди православных христиан до 48,4% среди приверженцев ислама.

Регулярность посещения религиозных учреждений. В общем целом 71,7% - это те верующие, которые редко посещают религиозные учреждения, посетили лишь однажды и никогда не посещают. Регулярно посещающих – в 2,5 раз меньше (28,3%). В разрезе этноконфессиональных групп их максимальный удельный вес – среди казахоязычных казахов (31,3%), минимальный – среди русскоязычных казахов (14,3%); соответственно – среди представителей религиозных меньшинств (34,8%) и православных христиан (15,8%).

Исполнение основных религиозных предписаний и обрядов. Основная масса верующих (75,7%, включая неопределившихся) чувствует себя относительно свободной от исполнения основных религиозных предписаний и обрядов, в лучшем случае выполняя лишь часть из них. При этом 20,2% вообще манкируют всяческие религиозные каноны и предписания. В среднем лишь 22,3% - последовательные приверженцы религиозных предписаний и обрядовых традиций. В

разрезе этноконфессиональных групп они наиболее активно представлены среди казахоязычных казахов (27,8%); исповедующих ислам (26,2%), наименее – среди русских (5,3%); последователей православного христианства (5,8%).

Паломничество к святым местам. Социологическая статистика следующая: в среднем 43,8% не совершали паломничество к святым местам; 31% - делают это часто; 11,1% - имеют разовый опыт паломничества. В разрезе этноконфессиональных групп доли регулярных паломников колеблются: от 16,4% русских; православно-христианского вероисповедания (16,8%) до 35,5% казахоязычных казахов; исламского вероисповедания (35,3%).

Степень методичности религиозного поведения верующих мусульман

Совершение пятикратного намаза. Не совершают – в среднем 80,3%. Ежедневно совершают пятикратный намаз – 18,2%. Главным образом – казахоязычные казахи (18,8%); мужского пола (19,1%); 25-29 лет (23,3%); уроженцы сел (18,5%); центра (32,5%) и юга (24,6%) республики.

Участие в пятничной молитве. Не участвуют в пятничной молитве – в среднем 39,9%; нерегулярно участвуют (от случая к случаю) – 39%; регулярно участвуют – 21%. Это, как правило, казахоязычные казахи (22,1% - в 2,4 раза чаще, чем русскоязычные казахи); мужского пола (23,2%); 20-24 лет (23,4%); уроженцы малых городов (24,3%); юга (25,6%) и центра (47,5%) страны.

Соблюдение ураза. Не соблюдают – в среднем 37,6%; соблюдают от случая к случаю – 36,4%; всегда соблюдают – 26,1%. Среди последних чаще встречаются казахоязычные казахи (27,9% - в 3,8 раз чаще, чем русскоязычные); женского пола (26,6%); 20-24 лет (28,4%); уроженцы сел (26,3%); центрального региона (52,5%).

Раздача садака. По большей части имеет нерегулярный характер (в среднем – 46,8%). Не раздают садака – 14,9%. Регулярно это делают – 38,2%. Показатели регулярной раздачи садака выше среднего значения – среди казахоязычных казахов (40,3% - в 1,6 раз больше, чем среди русскоязычных казахов); мужского пола (39,9%); 25-29 лет; уроженцев малых городов (39,3%); запада (44,8%) и юга (41%).

Уплата закята. Не выплачивают закят – в среднем 47,4%; делают это нерегулярно – 18,8%; ежегодно выплачивают закят – 33,7%. Регулярно платят закят по большей части казахоязычные казахи (35,3% - в 1,3 раза больше, чем среди русскоязычных казахов); мужского пола (34,9%); 25-29 лет (39,3%); уроженцы малых городов (36,5%); запада республики (50,8%).

Ношение религиозной одежды. Имеет ограниченный масштаб – в среднем 9,7%. Большинство (90,3%) не носит религиозную одежду. Среди тех, кто носит, чаще встречаются казахоязычные казахи (10%) и представители иноэтнических групп (10,2%); женского пола (10,5%); 25-29 лет (12,9%); уроженцы малых городов (12,1%); центрального региона (17,5%).

Степень методичности религиозного поведения православных христиан

Творение молитвы. По большей части имеет нерегулярный характер (58,7%) либо вовсе не совершается (30,2%). Регулярно совершают молитву лишь 11,2% (каждый 9-й в группе верующих христиан). Как правило, это представители иноэтнических групп (14,8%); женского пола (13,7%); 25-29 лет (19,4%); уроженцы сел (13,7%); севера (15,4%) и юга (14,6%) республики.

Соблюдение христианских постов. Абсолютно не соблюдаются (69,3%) либо соблюдаются выборочно и от случая к случаю (26,8%). Строго соблюдают все христианские посты – 3,9%. Чаще, чем в среднем по массиву, это делают русские (4,7%); женского пола (4,9%); 25-29 лет (7,5%); уроженцы сел (5,4%); южане (12,2%).

Почитание христианских праздников. Из 10-ти предложенных анкетой христианских праздников по показателю частоты упоминаний наиболее массово почитаемыми и отмечаемыми праздниками являются: Пасха (95,5%), Рождество Христово (89,9%), Крещение (66,5%), Троица (50,8%). Другие христианские праздники не пользуются популярностью в группе верующих христиан.

Знание сакрального содержания христианских праздников. Является скорее исключением, чем правилом для опрошенной группы христиан. Тотальная неосведомленность о датах и сакральном содержании праздников характеризует состав этой группы (согласно самооценкам 85,5%). Исключение – 12,8%, считающих себя обладателями этого знания в полной мере. Такую самооценку чаще всего дают представители иноэтнических групп (14,8%); женского пола (16,7%); 20-24 лет (16,9%); уроженцы сел (17%); северного региона (17,1%).

Характер религиозности

Степень удовлетворенности условиями реализации религиозных потребностей. – Критически высокая (76,6%). В разрезе этноконфессиональных групп показатели удовлетворенности колеблются в пределах от 74,3% среди русских до 78% - 78,3% среди казахоязычных казахов и представителей иноэтнических групп; от 73,7% - 73,9% среди представителей православного христианства и религиозных меньшинств до 77,5% среди исповедующих ислам. Уровень неудовлетворенности статистически малозначим (6%).

Состав власти: религиозный критерий. В отношении формирования государственной элиты верующая молодежь в большинстве своем (57%) занимает надконфессиональную позицию. При этом 45,8% абсолютно толерантны к религиозной принадлежности лиц, управляющих государством, а 11,2% придерживаются антирелигиозных установок применительно к занятию высших государственных постов. Наличие религиозных установок характеризует 29,3% верующих, из которых 26,6% желают видеть на ответственных государственных должностях приверженцев ислама. В основном речь идет о казахоязычных казахах (36,9%); исламского вероисповедания (33,9%).

Религиозный фактор в иерархии «начальник-подчиненный». Не имеет силу решающего аргумента. Большинство верующей молодежи индифферентно относится к религиозной принадлежности человека, под началом которого учится или работает (75,6%), особенно если у него нет религиозных предубеждений (последнее обстоятельство значимо для 25,2% из указанного большинства). Это доминантный тренд во всех этноконфессиональных группах. Уровень религиозной интолерантности (абсолютной и относительной) – 14,4%. Максимальный показатель интолерантности – среди казахов (16,7%), особенно русскоязычных (20%); исламского вероисповедания (15,9%).

Отношение к инаковерующим. В высокой степени толерантное. 89,3% независимо от этноконфессиональной принадлежности характеризуют свое отношение к людям, не разделяющим их религиозные взгляды, как «дружественное», «терпимое», «нейтральное». Уровень интолерантности статистически малозначим (3,3%), но среди русскоязычных казахов он превышает показатель в 3,5 раз (11,4%).

Межрелигиозные отношения

Оценка состояния межрелигиозных отношений. Преимущественно положительная. В среднем 55,9% оценивают межрелигиозные отношения молодежи в местности проживания как дружественные. Это преобладающая тенденция во всех этноконфессиональных группах. Между тем, репрезентативная часть верующих (33,2%) негативно оценивает межрелигиозные отношения с разной степенью жесткости: от констатации межрелигиозной отчужденности до признания открытой вражды. По показателям негативных оценок наиболее неблагоприятная ситуация отмечается в центре (51,9%) и на западе (46,9%). В разрезе этноконфессиональных групп максимальные показатели негативных оценок зафиксированы среди русскоязычных казахов (41,4%); представителей религиозных меньшинств (41,3%).

Степень открытости для межрелигиозных отношений. Выше среднего уровня – готовность к дружеским отношениям с представителями другой религиозной принадлежности (средний показатель – 57,1%). Дальше – по нисходящей экспоненте. По сравнению с готовностью к дружеским отношениям верующие в 1,4 раза реже изъявляют готовность учиться/работать в одном коллективе (41,6%); в 1,5 раз реже – быть соседями (38%); в 4 раза реже – развивать совместный бизнес (14,3%); в 7 раз реже – вступать в семейно-брачные отношения (8,2%). В разрезе этноконфессиональных групп наиболее закрытыми для отношений с представителями других религий являются казахоязычные казахи; приверженцы ислама (у них – самые низкие показатели готовности к перечисленным видам межрелигиозных отношений). Уровень религиозного радикализма (нежелание иметь какие-либо отношения с представителями иноконфессиональных групп) – в среднем 9,5%. «Ядро» этой категории верующих – казахоязычные казахи; исламисты; мужского пола; 20-29 лет; уроженцы сел; южане.

Членство в религиозных организациях

Уровень вовлеченности в религиозные организации. В составе верующих 28% являются членами религиозных организаций. Они чаще встречаются среди представителей иноэтнических групп (29,3%); девушек/женщин (31,2%); 25-29 лет (30,4%); уроженцев сел (28,9%); на севере (32,6%), юге (32,1%) и в центре (53,2%).

Конфессиональная направленность религиозных организаций. В составе членов религиозных организаций почти половина (40%) входит в исламские организации суннитского толка, каждый 5-й (19,3%) – в организации православно-христианской направленности, каждые 6-7-й (15,5%) – в нетрадиционные организации исламского, протестантского, оккультного, ориенталистского толка, большая часть из которых имеет характер деструктивных сект. Весомый сегмент членов организаций – неопределившиеся с ответом и отказавшиеся отвечать (17,6%). Примечателен и их состав – казахоязычные казахи; мужского пола; 15-19 лет; уроженцы сел; юга и севера страны.

Характер вовлечения в религиозные организации. Преимущественно добровольный (57,6%). Принудительный характер вовлечения в религиозные организации отмечает каждый 8-й (12,8%). Главным образом члены исламских организаций; русскоязычные казахи; мужского пола; уроженцы сел; запада и юга республики.

Религиозные риски: Сравнительные оценки верующих и неверующих

Модели потенциального поведения: риск девиаций. Сравнительный анализ данных по группам верующих и неверующих показывает, что в сложной проблемной ситуации верующие в 1,3 раза чаще по сравнению с неверующими, склоняются к активному законопослушному поведению (46,5% против 35% соответственно). Неверующие же, напротив, в 1,2 раза чаще отдают предпочтение модели отклоняющегося (депривационного) поведения (35% против 29,9% соответственно), а также в 1,3 раза чаще обнаруживают склонность к модели поведения, условно названной «религиозно-традиционалистской» (29,8% против

23% соответственно). Результаты сравнения говорят в пользу внешнего, поверхностного характера религиозности верующей молодежи и наличия потенциального резерва пополнения верующих из числа сегодняшних неверующих. Допустимо предположить, что количественные показатели религиозности молодежи имеют тенденцию к росту.

Влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи. Сравнительный анализ выявил некоторые различия в оценках верующих и неверующих: оценки первых более критичны, вторых – более неопределенны. 47,3% верующих (среди неверующих в 1,3 раза меньше – 35,9%) негативно оценивают влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи (главным образом казахоязычные казахи – 50,1%; приверженцы ислама – 48,5%). 48% неверующих не определились в своих оценках либо не информированы о деятельности нетрадиционных конфессий (среди верующих – 35,1%). Разрыв в показателях положительных оценок между верующими и неверующими – 1,2 раза (17,3% против 13,9% соответственно). Среди верующих лояльно относятся к нетрадиционным конфессиям чаще всего представители религиозных меньшинств (41,3%); среди неверующих – представители иноэтнических групп (31,1%).

Причины вовлечения молодежи в религиозные экстремистские организации. При определении причин контрасты мнений верующей и неверующей молодежи получили наиболее выраженный характер. Неопределенности мнений одной трети неверующей молодежи противостоит единодушное мнение практически половины верующих о ключевой роли религиозной пропаганды, влияния друзей/знакомых на вовлечение молодежи в экстремистские организации. Среди неверующих этого мнения придерживаются в 1,5 раз меньше (27,8%). Верующие больший упор делают на духовно-мировоззренческий/идеологический аспект вовлечения, неверующие – на материально-бытовой. (В этом – ключевая разница между ними) Второй по значимости причиной верующие отмечают отсутствие духовных идеалов, некритическое восприятие ислама (23,7%), неверующие – недовольство материальным положением, желание заработать, получить боевой опыт (25,1%). И те, и другие практически в одинаковой степени придают малозначительное значение такой причине, как желание построить в Казахстане исламское государство по законам шариата (1,7% – 1,2% соответственно).

Конфликтотенный потенциал на религиозной почве

Факторы недовольства. Большинство не испытывает недовольства, поскольку не сталкивалось с противоправными действиями, нарушающими их религиозные права и/или религиозные права членов их семей. Эмпирически установлено, что 17,2% сталкивались с подобными случаями. Причем, отдельные из них не однажды. Всего, по данным исследования, зафиксировано 32,5% случаев нарушения религиозных прав. В разрезе этноконфессиональных групп среди видов нарушений по частоте упоминаний выдвинулись на первый план усиление религиозных предрассудков, неприязненное отношение по месту жительства/учебы/работы. Жертвами этого вида нарушений в частых случаях оказывались русскоязычные казахи (15,7%) и русские (18,8%); представители православного христианства (14,3%) и религиозных меньшинств (10,9%). Среди последних зафиксирован максимальный показатель нарушения религиозных прав в сфере профессиональной деятельности (17,4%).

Уровень ожиданий молодежного межрелигиозного конфликта. В целом невысокий, если не брать во внимание колеблющихся (15,7%). Преобладающее большинство верующей молодежи (72,5%) не ожидает межрелигиозного конфликта в молодежной среде. Уровень ожиданий – в среднем 11,8%. В разрезе этноконфессиональных групп показатели ожиданий выше среднего уровня – среди русских (15,2%); представителей православного христианства (14,2%) и религиозных меньшинств (15,2%).

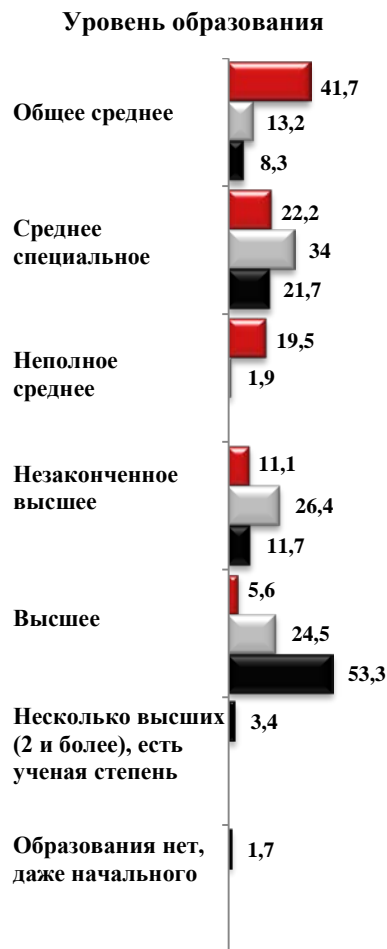
Потенциал участия в конфликте. – Критически высокий (50,3%). В разрезе этноконфессиональных групп показатели конфликтогенного потенциала варьируют от 35,7% среди русскоязычных казахов до 53% среди казахоязычных казахов; от 39,1% среди представителей религиозных меньшинств до 51,9% среди приверженцев ислама.

Отношение к государственным и общественным структурам, молодежным деятелям

Рейтинг доверия и авторитета государственных и общественных структур. Рейтинговый замер выявил высочайший уровень лояльности региональной молодежи, особенно сельской и верующей, к действующим государственным и общественным структурам. Городской и атеистически настроенный сегменты молодежи относительно более критичны в своем отношении к ним. В рейтинговом списке на лидирующей позиции – Президент РК (в среднем 87,5%), за ним идут Правительство (78%) и Парламент (75,5%). Аутсайдер списка – Русская Православная Церковь (45,6%). В последнем случае сказался этнорелигиозный фактор. Основной контингент региональной молодежи – казахоязычные казахи, сельчане, придерживающиеся исламских ценностей.

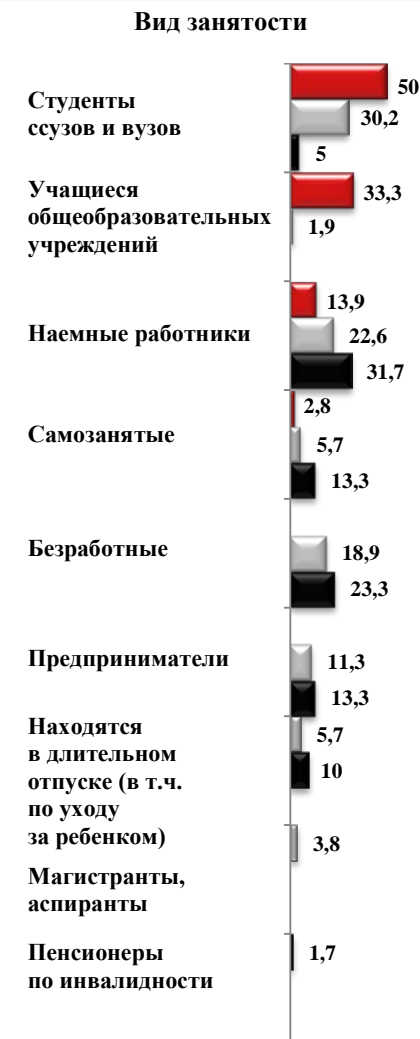
Рейтинг доверия и авторитета молодежных деятелей. Результаты опроса свидетельствуют об отсутствии явных молодежных лидеров, пользующихся доверием и авторитетом у большинства молодежи, практически во всех областях республики (исключение – Костанайская область). Единоличным лидером молодежного рейтинга по уровню доверия и авторитета является лауреат Золотой книги молодежи Костанайской области Азамат Ибраев. Он пользуется доверием и авторитетом у 82,9% молодежи Костанайской области. Наиболее популярен среди сельской молодежи (90,6%); верующих (85,3%). С большим отрывом от лидера в первую тройку рейтингового списка входит директор КГУ «Молодежный центр» акимата Усть-Каменогорска Ринад Ахметжанов. Ему доверяют и признают за ним авторитет 13,3% молодежи Восточно-Казахстанской области, главным образом городская молодежь (19,7%); верующие (15,1%). Третьим в списке – руководитель молодежного общественного объединения «Молодой Жетысу» Адильбек Абилов. Пользуется доверием и авторитетом у 8,2% молодежи Алматинской области; в основном среди сельчан (8,3%); верующих (9%).

Социально-демографический портрет региональной молодежи 15-29 лет (% от числа опрошенных)

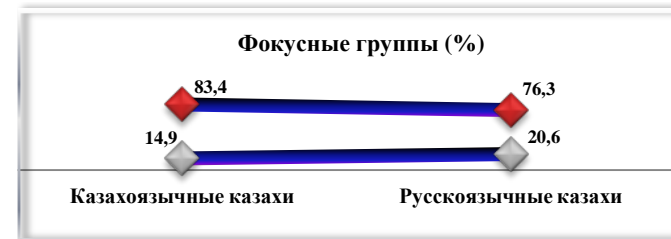
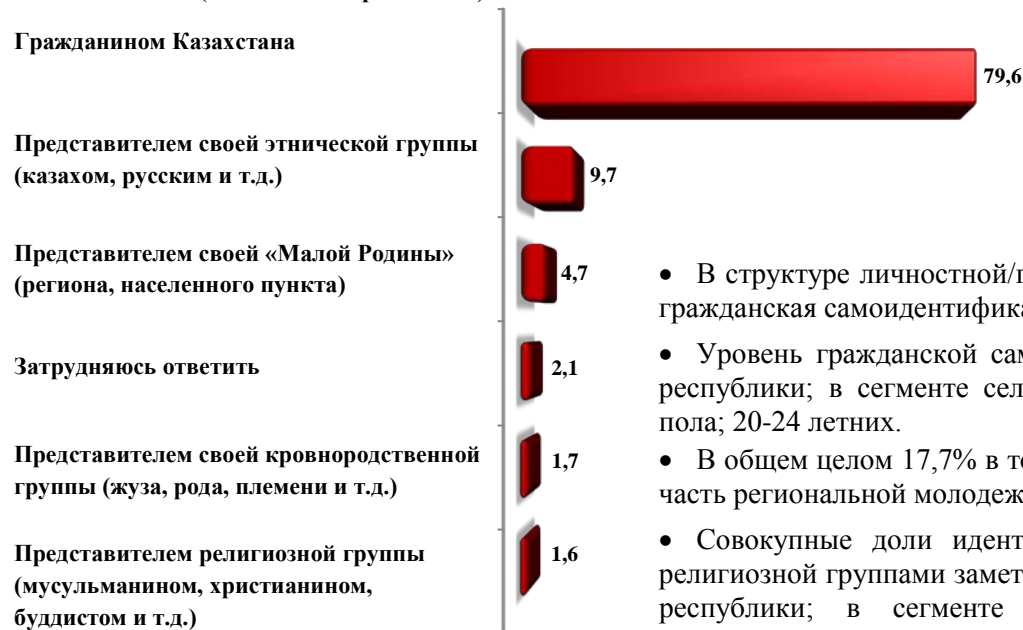
Согласно данным Комитета по статистике МНЭ РК за 2015г., в малых городах и сельских поселениях Казахстана проживает 2.475,6 тыс. молодых людей 15-29 лет – это 58,9% от общего числа казахстанцев указанного возраста. Из них практически каждый 2-ой (1.206,6 тыс. человек) – житель южного региона. По своему поселенческому составу региональная молодежь – преимущественно сельская (72,4% или 1.791,8 тыс. человек). Официальная статистика не располагает данными о национальной структуре региональной молодежи 15-29 лет. В качестве кальки использовалось соотношение национальных групп в общем составе регионального населения. Общая численность казахов всех возрастов в структуре регионального населения – 7.155,8 тыс. человек или 69,4%. Соответственно основной контингент региональной молодежи 15-29 лет – казахоязычные казахи.

- Состав возрастных групп в выборочной совокупности региональной молодежи:
 - ✓ Основной контингент 15-19 летних – казахоязычные казахи; женского пола; с неполным и полным средним образованием (61,2%); учащиеся общеобразовательных и среднеспециальных учебных заведений (83,3%); уроженцы сел; южного региона.
 - ✓ Среди 20-24 летних наиболее активно представлены казахоязычные казахи; мужского пола; дипломированные специалисты со среднеспециальным и высшим образованием (61,9%); учащиеся общеобразовательных, среднеспециальных и высших учебных заведений (35,9%); экономически активные категории (39,6%); безработные и находящиеся в длительных отпусках (24,6%); уроженцы сел; юга республики.
 - ✓ В возрастной группе 25-29 лет доминантное большинство – казахоязычные казахи; женского пола; дипломированные специалисты со среднеспециальным и высшим образованием (78,4%); экономически активные категории (58,3%); безработные, находящиеся в длительных отпусках и пенсионеры по инвалидности (35%); уроженцы сел; южане.

Структура личностной/групповой идентификации молодежи

Кем Вы себя считаете в первую очередь?
(% от числа опрошенных)

- В структуре личностной/групповой идентификации региональной молодежи основное место занимает гражданская самоидентификация.
- Уровень гражданской самоидентификации выше, чем в среднем по массиву – на западе и востоке республики; в сегменте сельской молодежи; среди казахоязычных казахов; представителей мужского пола; 20-24 летних.
- В общем целом 17,7% в той или иной форме не признают своего казахстанского гражданства. Это 6-ая часть региональной молодежи.
- Совокупные доли идентифицирующих себя с «малой Родиной», этнической/кровнородственной/религиозной группами заметно выше по сравнению со средней тенденцией – на севере, в центре и на юге республики; в сегменте городской молодежи; среди неказахов и русскоязычных казахов;

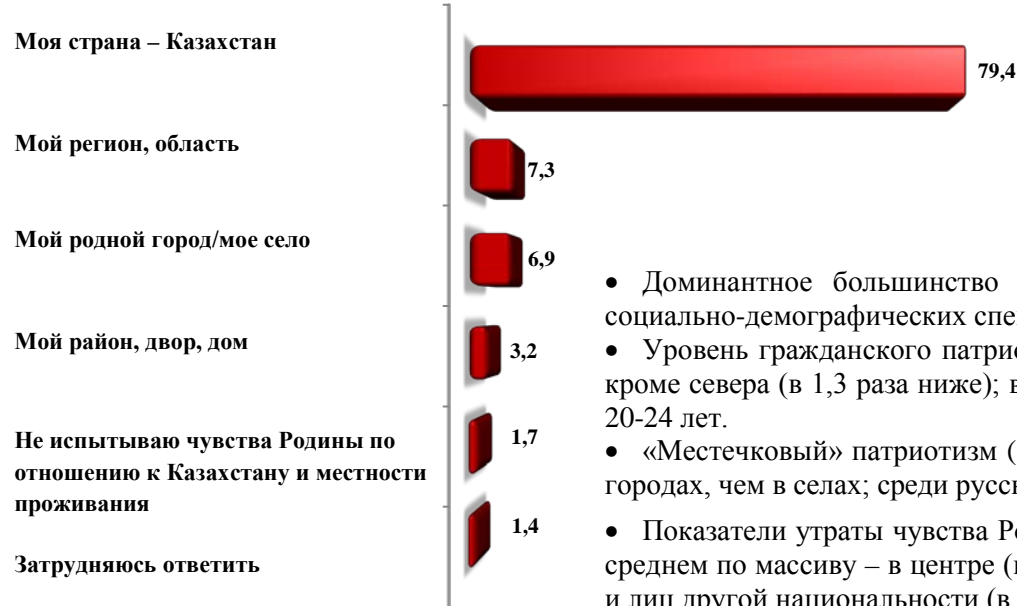
Доли признающих и не признающих свое казахстанское гражданство (%):

Гражданская идентификация

Чувство Родины, гражданский патриотизм

Что для Вас является Родиной?
(% от числа опрошенных)

- Доминантное большинство региональной молодежи независимо от территориально-поселенческих и социально-демографических спецификаций испытывает чувство Родины по отношению к Казахстану.
- Уровень гражданского патриотизма выше среднереспубликанского показателя – в большинстве регионов, кроме севера (в 1,3 раза ниже); в сегменте сельской молодежи; среди казахоязычных казахов; мужского пола; 20-24 лет.
- «Местечковый» патриотизм (17,4%) наиболее активно распространен на севере – несколько чаще в малых городах, чем в селах; среди русских и русскоязычных казахов; женского пола; 15-19 лет.
- Показатели утраты чувства Родины по отношению к Казахстану и месту проживания заметно выше, чем в среднем по массиву – в центре (в 3,7 раз - 6,3%) и на севере (в 2,6 раз - 4,5%); среди русских (в 1,9 раз - 3,3%) и лиц другой национальности (в 3,5 раз - 6%).

Распределение показателей гражданского и «местечкового» патриотизма в группах региональной молодежи(%):

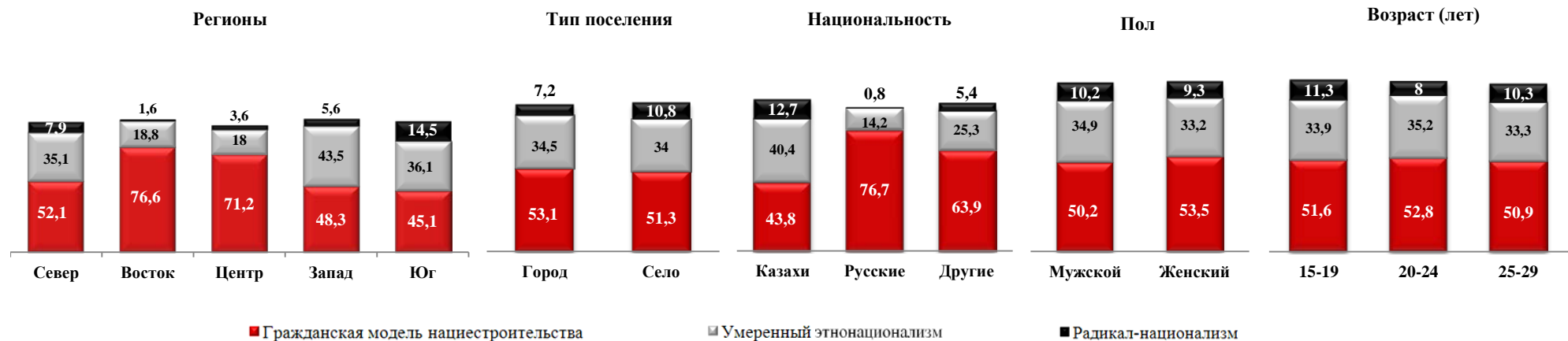
Приоритеты национально-государственного строительства

С каким из нижеприведенных суждений Вы в большей степени согласны?
(% от числа опрошенных)

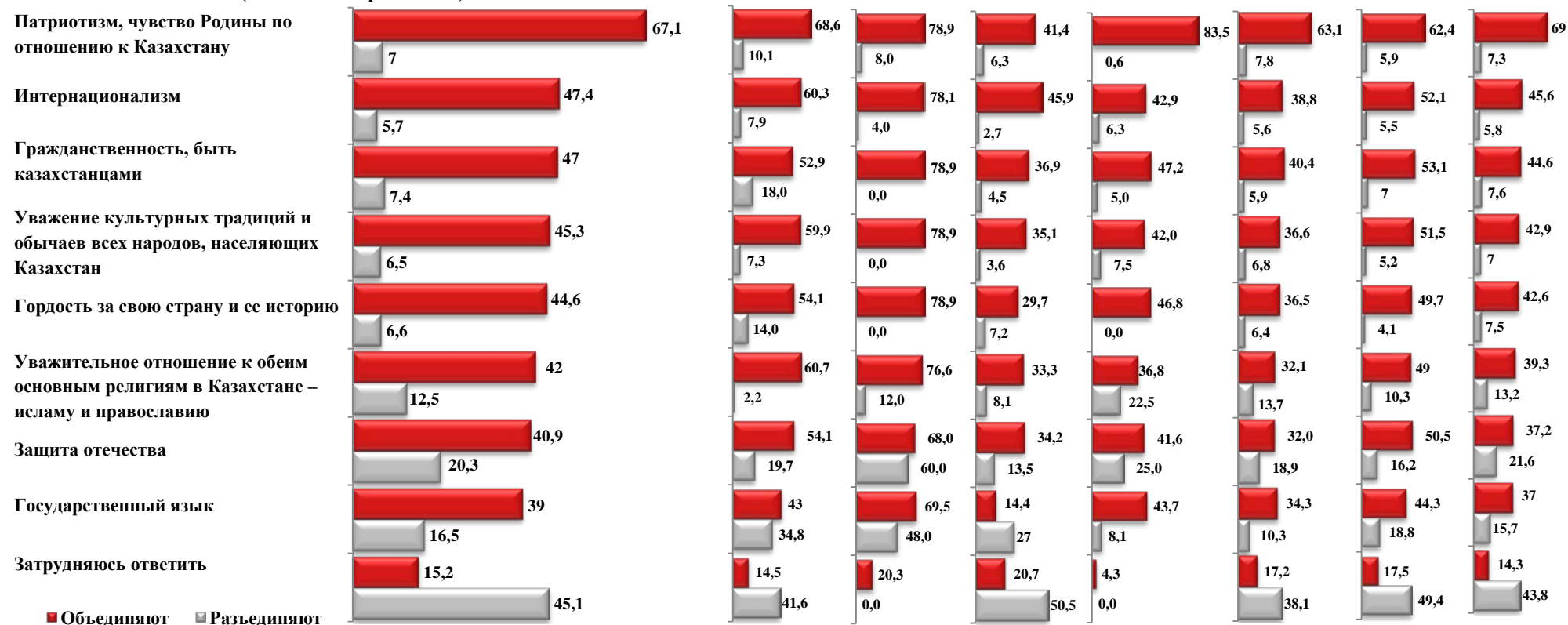
- Преобладающее большинство разделяет установку на гражданскую модель нациестроительства. Это доминантная тенденция во всех обследованных группах региональной молодежи.
- Более трети – сторонники умеренного этнонационализма («государствообразующий народ – казахи, другие – этнические меньшинства, но все вместе ответственны за будущее страны»). «Ядро» умеренных этнонационалистов – казахоязычные казахи (84,3%), мужского пола (53,7%); 15-19 лет (30,8%), 20-24 лет (36,1%) и 25-29 лет (33,1%); уроженцы сел (71,9%); южане (51,8%).
- Каждый 10-й занимает позицию радикал-национализма («Казахстан для казахов»). «Ядро» радикал-националистов – казахоязычные казахи (92,1%); мужского пола (54,7%); 15-19 лет и 25-29 лет (по 35,8%); уроженцы сел (79,6%); южане (72,3%).

Приоритеты нациестроительства в группах региональной молодежи (%):

Коллизии общегражданских ценностей. Регионально-поселенческий срез

По Вашему мнению, какие из указанных ниже ценностей объединяют молодежь и какие ее разъединяют?
(% от числа опрошенных)

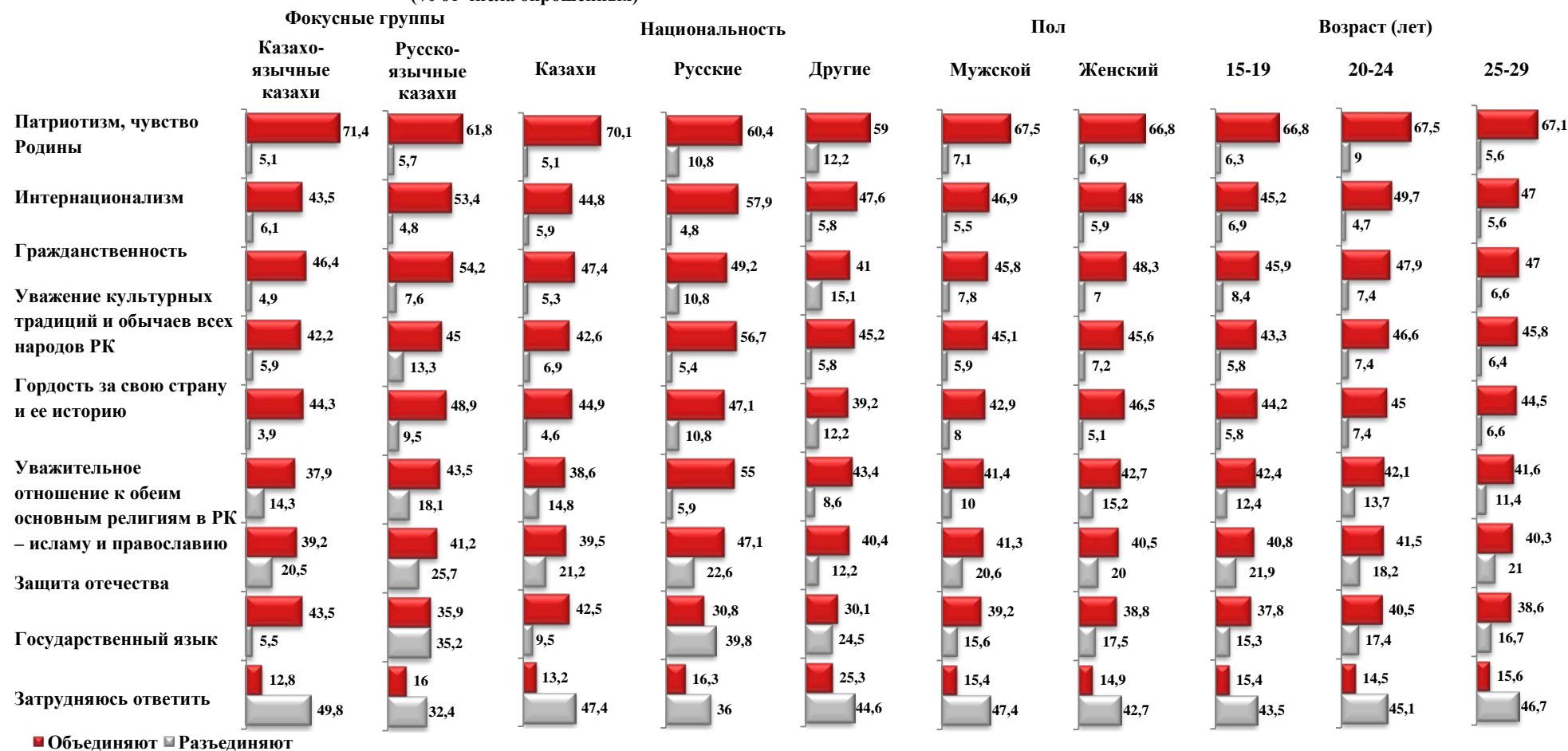
Примечание: Респондентам предлагалось отметить тот или иной вариант ответа по каждой альтернативе

- По показателю объединительного потенциала верхнюю строчку в молодежном рейтинге ценностей занимают патриотизм, чувство Родины по отношению к Казахстану. Указанная тенденция отмечается в большинстве регионов, исключение – центр (2-ая позиция в рейтинге); в малых городах и селах/поселках.
- Наряду с патриотизмом в первую пятерку консолидирующих ценностей включены интернационализм, гражданственность, уважение культурных традиций и обычаев всех народов, проживающих в Казахстане, гордость за свою страну и ее историческое наследие. Однако, оценки их объединительного потенциала имеют регионально неоднородный характер. Зафиксированы существенные разрывы в показателях между регионами и типами поселений.
- В отрицательном рейтинге по показателю разъединительного потенциала лидируют защита отечества и государственный язык. Максимальные значения по этому показателю – на востоке (в 3 раза выше, чем в среднем по массиву); в малых городах.

Коллизии общегражданских ценностей. Демографический срез

По Вашему мнению, какие из указанных ниже ценностей объединяют молодежь и какие ее разъединяют?

(% от числа опрошенных)

Примечание: Респондентам предлагалось отметить тот или иной вариант ответа по каждой альтернативе

- Показатели оценок объединительного и разъединительного потенциалов ценностей в большей степени зависят от этноязыкового фактора, нежели от других социально-демографических факторов. В частности, показатели оценок объединительного потенциала таких ценностей, как равноценное уважительное отношение к исламу и православию, защита отечества – среди казахоязычных казахов ниже, чем среди русскоязычных казахов и неказахов. Зато в составе последних значительно выше показатели оценок разъединительного потенциала государственного языка, чем среди казахоязычных казахов.

Отношение к государственной молодежной политике

Как бы Вы оценили государственную молодежную политику?
(% от числа опрошенных)

Положительно, способствует объединению молодежи, открывая всем категориям доступ к образованию, трудоустройству, социальным благам

Никак не оцениваю, ничего не слышал(а) о такой политике

Затрудняюсь ответить

Отрицательно, способствует разединению молодежи, открывая доступ к образованию, трудоустройству лишь избранным категориям

- В массе опрошенных немногим более половины положительно оценивают государственную молодежную политику. Ее консолидирующую роль отмечают главным образом казахоязычные казахи; представительницы женского пола; 25-29 летние; уроженцы сел; востока и запада республики.
- Отрицательно оценивает каждый 12-й респондент. Показатели отрицательного отношения выше среднего значения – на севере и юге; среди уроженцев сел; русскоязычных казахов (максимальный показатель – в 2,8 раз выше среднего) и представителей других национальностей; юношей/мужчин; 20-24 летних.
- Немногим менее половины опрошенных (40,5%) впервые узнали о существовании государственной молодежной политики из анкеты либо не знают, как к ней относиться. Совокупные доли неинформированных и неопределившихся больше, чем в среднем по массиву – на севере, юге и в центре; среди уроженцев малых городов; неказахов и русскоязычных казахов; мужского пола; 15-19 летних.

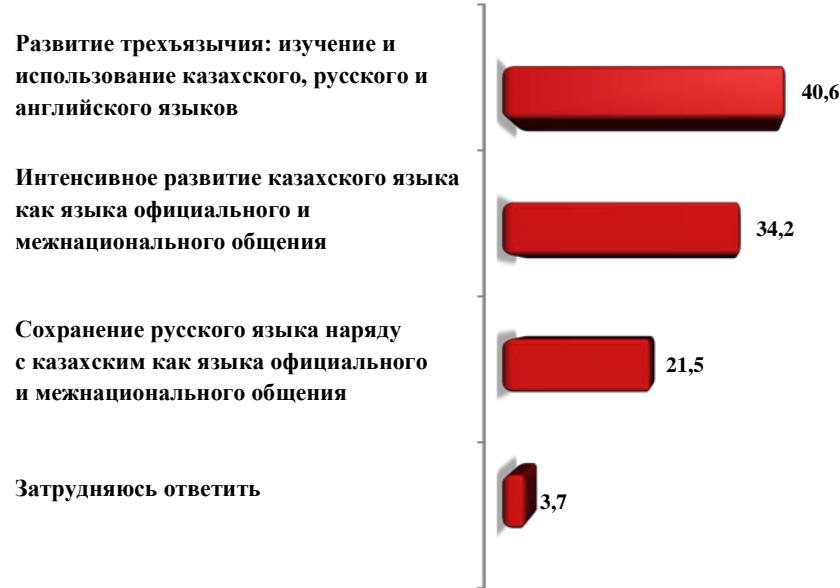
Распределение показателей оценок в группах региональной молодежи (%):

Государственный язык

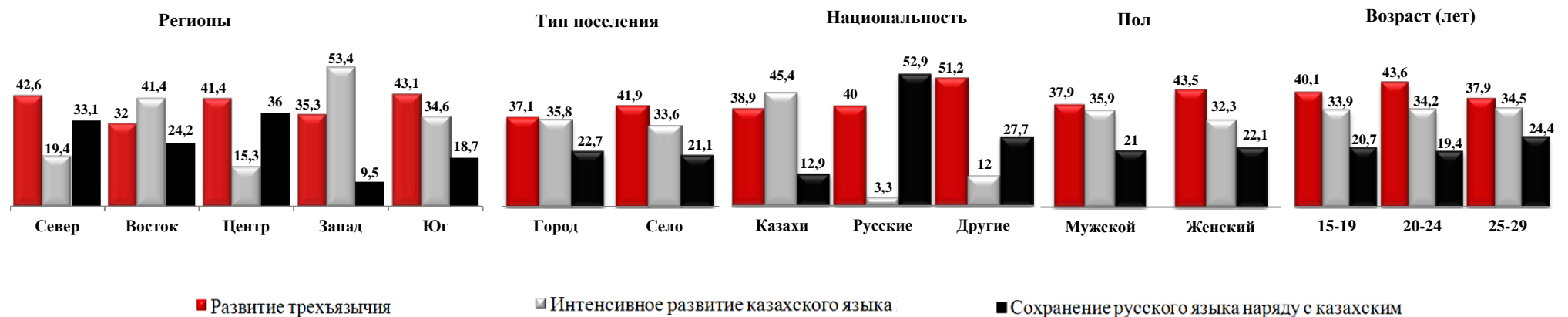
Языковая политика государства: приоритетные установки

Какой, по Вашему мнению, должна быть языковая политика государства?
(% от числа опрошенных)

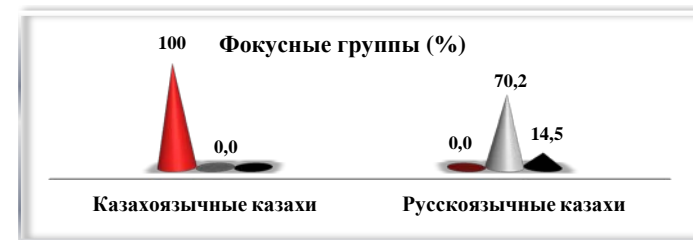
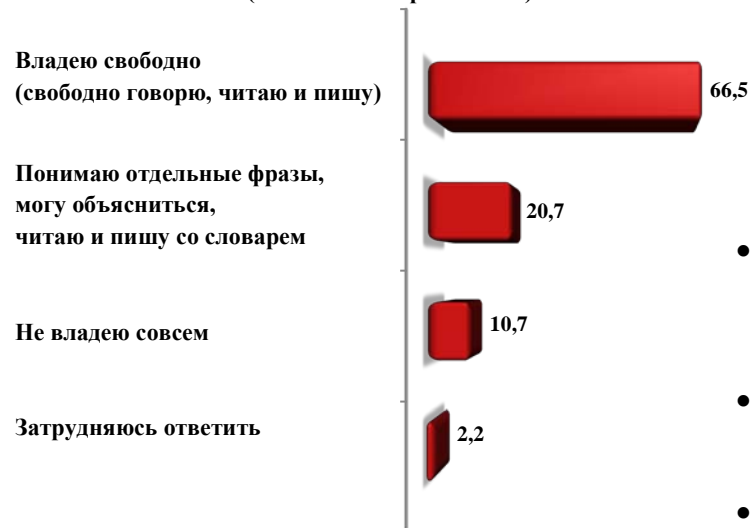
- Для недоминантного большинства приоритетом языковой политики является развитие трехязычия. Сторонники трехязычия наиболее активно представлены среди жителей севера, центра и юга; уроженцев сел; русских и русскоязычных казахов; женского пола; 20-24 лет.
- Более трети опрошенных – сторонники интенсивного развития казахского языка. Их больше всего на западе; среди казахоязычных казахов; уроженцев малых городов.
- Сторонников русского языка в качестве официального наряду с казахским и языка межнационального общения – пятая часть опрошенных. «Ядро» этой категории респондентов – русские (42,2%) и русскоязычные казахи (42,5%); мужского пола (51,2%); 20-29 лет (70,1%); уроженцы сел (70,8%); юга (42,5%) и севера (26,6%).

Распределение показателей языковых предпочтений в группах региональной молодежи (%):

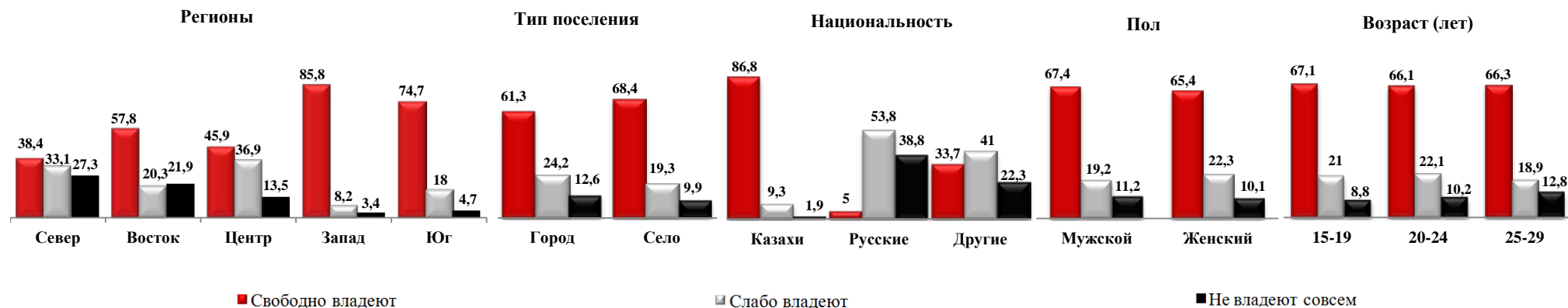
Знание государственного языка

В какой степени Вы владеете казахским языком?
(% от числа опрошенных)

- Две трети в составе региональной молодежи свободно владеют казахским языком. Преимущественно казахоязычные регионы – запад и юг республики. Это, прежде всего, казахи; уроженцы сел. Показатели свободного владения выше среднего значения – среди юношей/мужчин; 15-19 лет.
- Каждый 5-й опрошенный слабо владеет казахским языком – главным образом русскоязычные казахи и неказахи; женского пола; от 15 до 24 лет; уроженцы малых городов; севера и центра республики.
- Каждый 9-й респондент – совсем не владеет казахским языком. Это касается в первую очередь неказахов; мужского пола; 25-29 лет; горожан; жителей севера и востока страны.

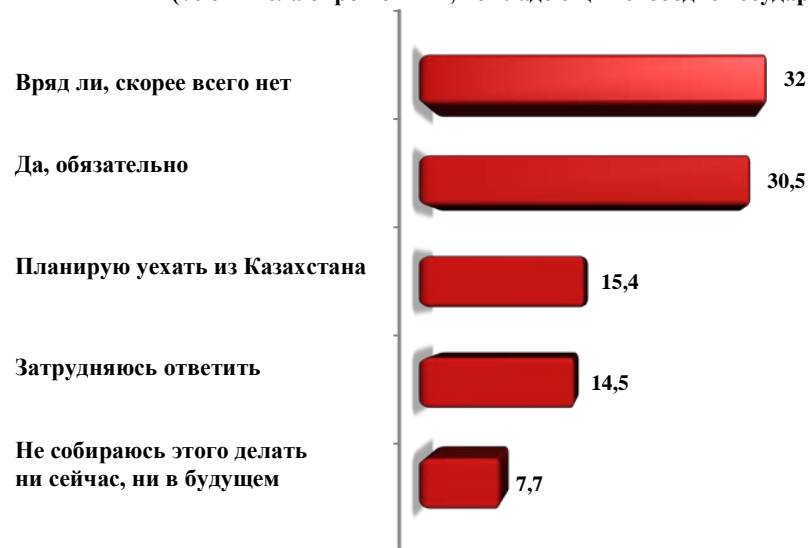
Распределение показателей степени владения казахским языком в группах региональной молодежи (%):

Коллизии государственного языка

Можете ли Вы сказать о себе, что обязательно освоите государственный язык, чтобы понимать и говорить на нем?

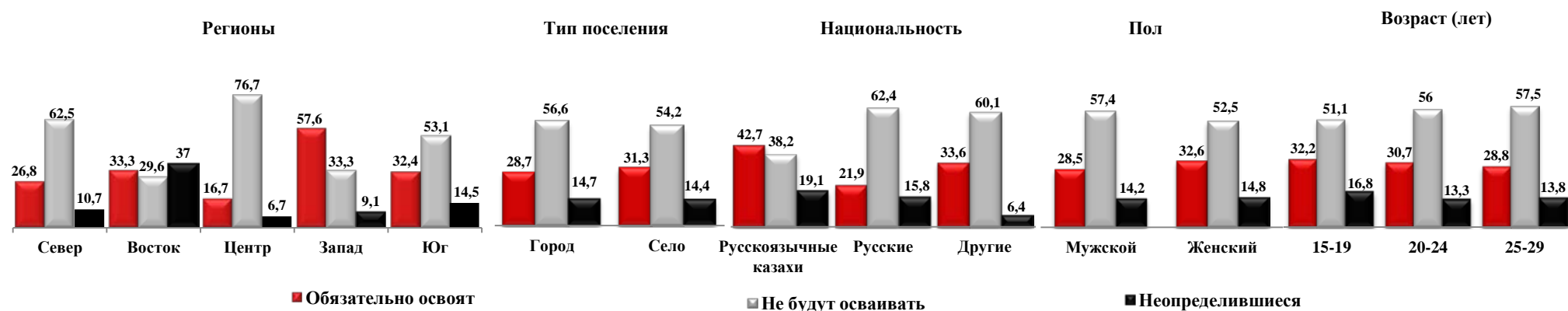
(% от числа опрошенных, не владеющих свободно государственным языком*)

- Слабое знание и незнание государственного языка, как и отсутствие определенности относительно степени владения им, не актуализируются в потребность знать государственный язык у большей части этих категорий респондентов. 55,1% из их общего числа не собираются его осваивать.
- В первую очередь речь идет о неказахах; мужского пола; 20-29 лет; уроженцев малых городов; центра и севера республики.
- Планируют освоить государственный язык активнее всего русскоязычные казахи; женского пола; 15-19 лет; уроженцы сел; запада, востока и юга страны.

Примечание: *В группу не владеющих свободно государственным языком включены и неопределившиеся

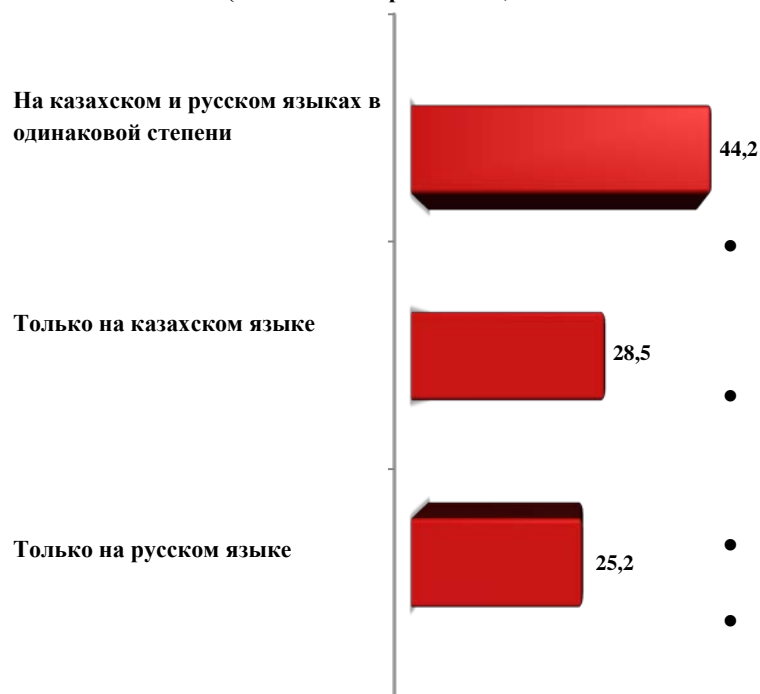
Распределение показателей ответов в группах не владеющих свободно государственным языком (%):

Основной язык общения

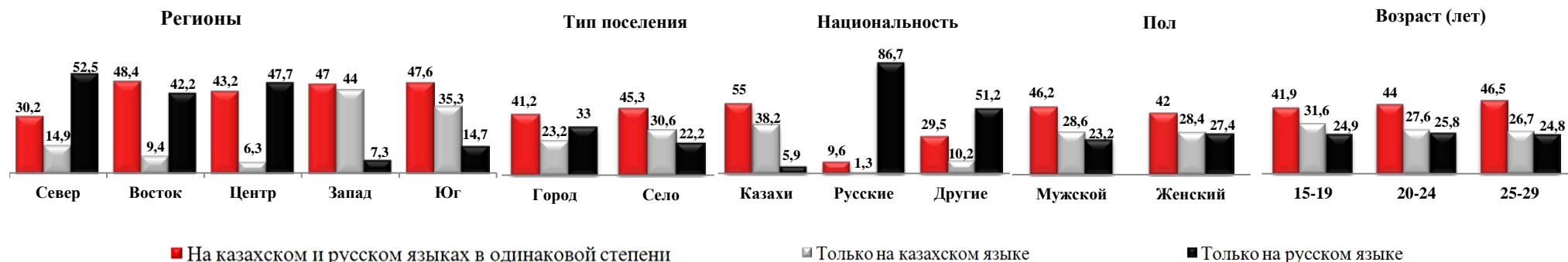
На каком языке Вы в основном общаетесь?

(% от числа опрошенных)

- Недоминантное большинство опрошенных общается на двух языках – казахском и русском в одинаковой степени; каждые 3-4-й – только на казахском языке; каждый 4-й – только на русском языке. Двухязычное общение преобладает на востоке, западе и юге независимо от типа поселения (город-село).
- В составе казахоязычных казахов 97,3% общаются на двух языках либо только на казахском языке и лишь единицы – на русском языке. Среди русскоязычных казахов – 88,5% общаются на русском либо на двух языках и только каждый 13-й – на казахском языке.
- Преимущественно русскоязычными регионами являются север и центр. В составе русских лишь 10,9% общаются на двух языках либо только на казахском.
- Представители других национальностей общаются в большинстве случаев только на русском языке, однако их репрезентативная часть (39,7%) – на двух языках либо только на казахском.

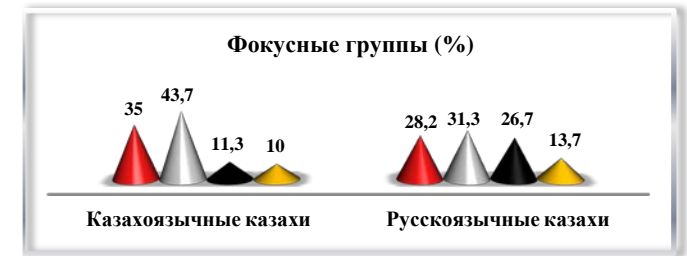
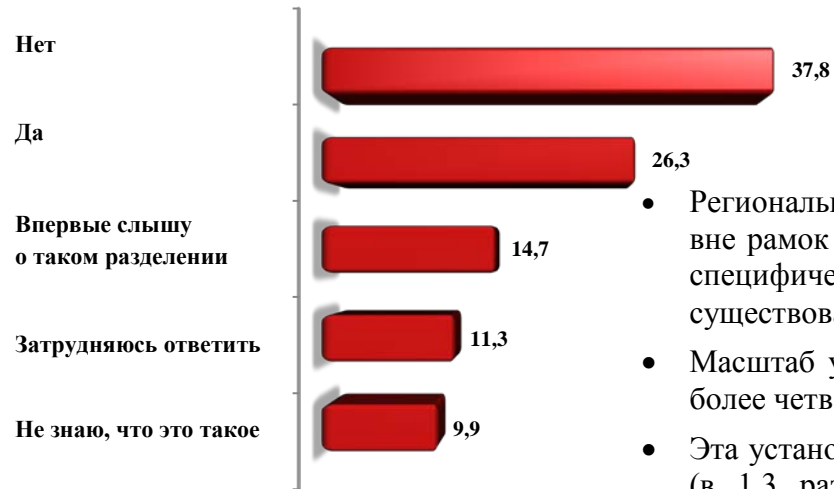
Распределение показателей ответов в группах региональной молодежи (%):

Проблемы этноконсолидации казахской молодежи

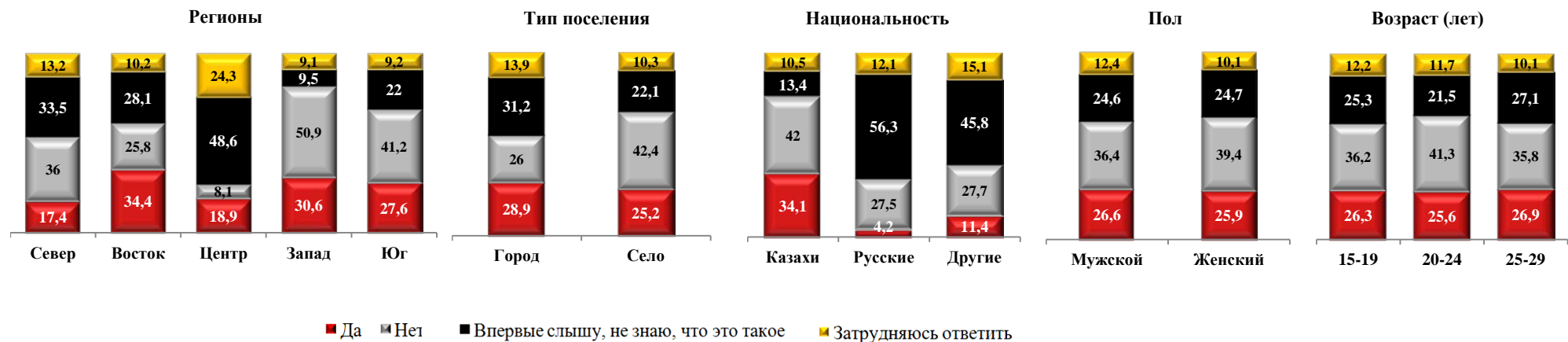
Размежевание по линии «шала» и «нагыз» казахи

Существует ли для Вас разделение на «шала» и «нагыз» казахов?
(% от числа опрошенных)

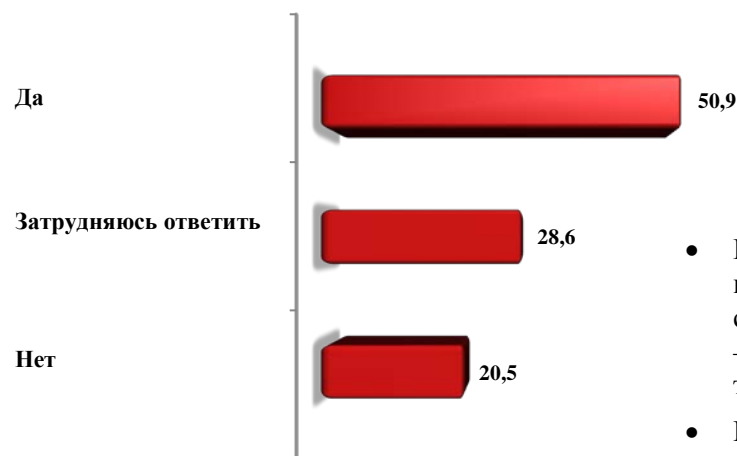
- Региональная молодежь от 15 до 29 лет (включительно) в основной своей массе (73,3%) – вне рамок негласно существующего разделения на «шала» и «нагыз» казахов. Последнее – специфически этноказахский маркер, учитывая, что большинство неказахов – не в курсе существования подобного разделения.
- Масштаб установки на разделение казахов на «шала» и «нагыз» имеет охватом немногим более четверти опрошенных.
- Эта установка получила распространение преимущественно среди казахоязычной молодежи (в 1,3 раза чаще, чем в среднем по массиву, и в 1,2 раза чаще по сравнению с русскоязычными казахами); на востоке, западе и юге республики.
- В поселенческих и половозрастных группах показатели размежевания на «шала» и «нагыз» казахов колеблются в пределах средней тенденции, что подтверждает его этноказахскую специфику.

Распределение показателей ответов в группах региональной молодежи (%):

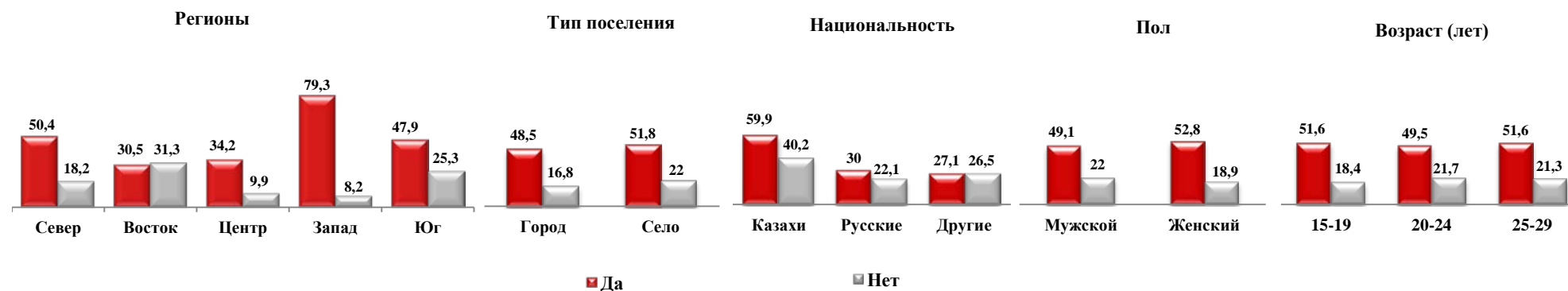
Внутриказахское единство: конфликт мнений

Как Вы считаете, существует ли внутриказахское единство?
(% от числа опрошенных)

- В составе опрошенной региональной молодежи сторонников мнения о внутриказахском единстве в 2,5 раз больше, чем сторонников прямо противоположного мнения и в 1,8 раз больше по сравнению с неопределившимися. Но вместе последние составляют «весомый» сегмент молодежи – 49,1%, что говорит о неоднозначности молодежных представлений о консолидированности титульной нации.
- Конфликт мнений наиболее выражен среди самих казахов и имеет как регионально-поселенческий (особенно на севере и юге республики), так и половозрастной характер. Среди сторонников наличия внутриказахского единства наиболее активно представлены казахоязычные казахи; жители западного региона; среди противников этого мнения – русскоязычные казахи, русские и другие; уроженцы востока и юга страны.

Распределение показателей контрастных ответов в группах региональной молодежи (%):

Факторы бифуркации

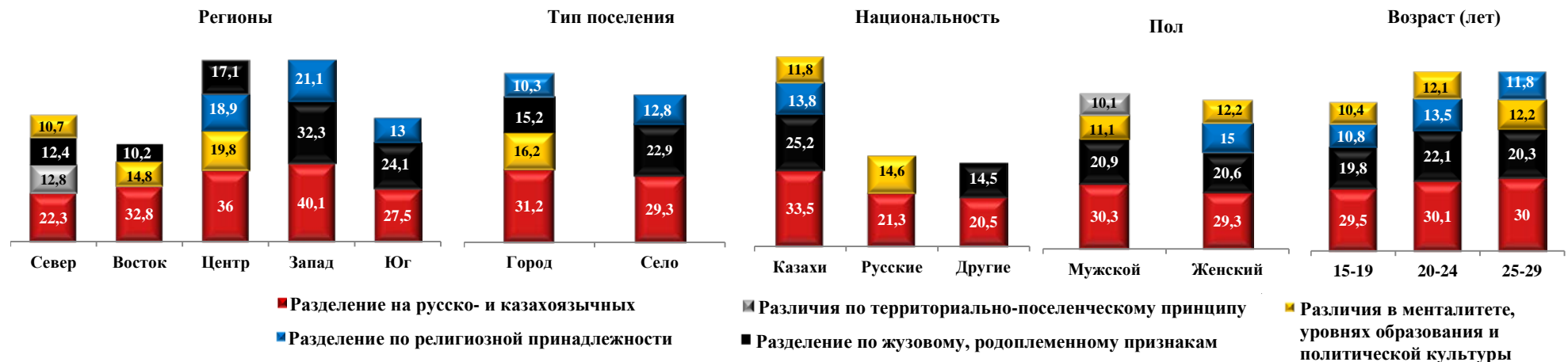
Что мешает или препятствует объединению казахов в единую национальную общность?
(% от числа опрошенных)

- Главный фактор, препятствующий консолидации казахов в единую национальную общность – языковой барьер. Значимость указанного фактора особенно высока на западе республики.
- В число основных также входит статистически менее значимый в республиканском разрезе фактор, приоритетность которого имеет региональную и этническую специфику:
- ✓ Разделение по жузовому, родоплеменному признакам (максимальные значения – на западе; среди казахоязычных казахов)
- Оба указанных фактора отражают устойчивость группового мнения казахской молодежи, прежде всего казахоязычной (более 25% совпадений).

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа.

Показатели основных разделительных факторов в группах региональной молодежи (%):

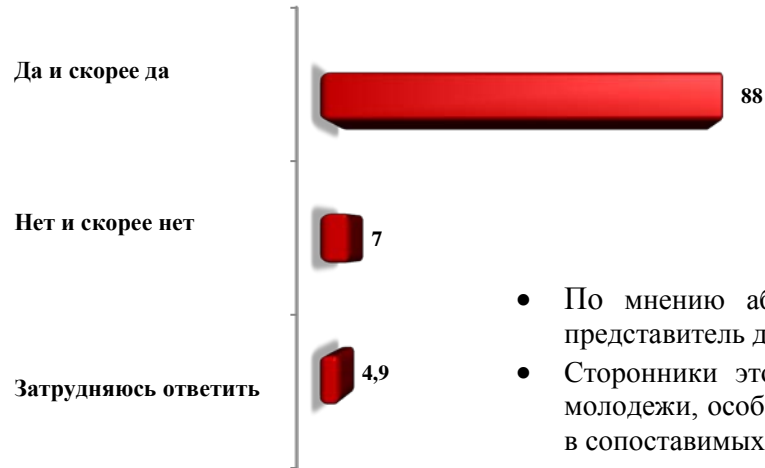

Примечание: На графиках в разрезе регионально-поселенческих, демографических и фокусных групп представлены показатели ответов не менее 10%

Кровнородственный фактор этнической идентификации

Значимый параметр этничности

Как Вы считаете, надо ли современному человеку (казаху, русскому, др.)
знать свою родословную (шежіре)?
(% от числа опрошенных)

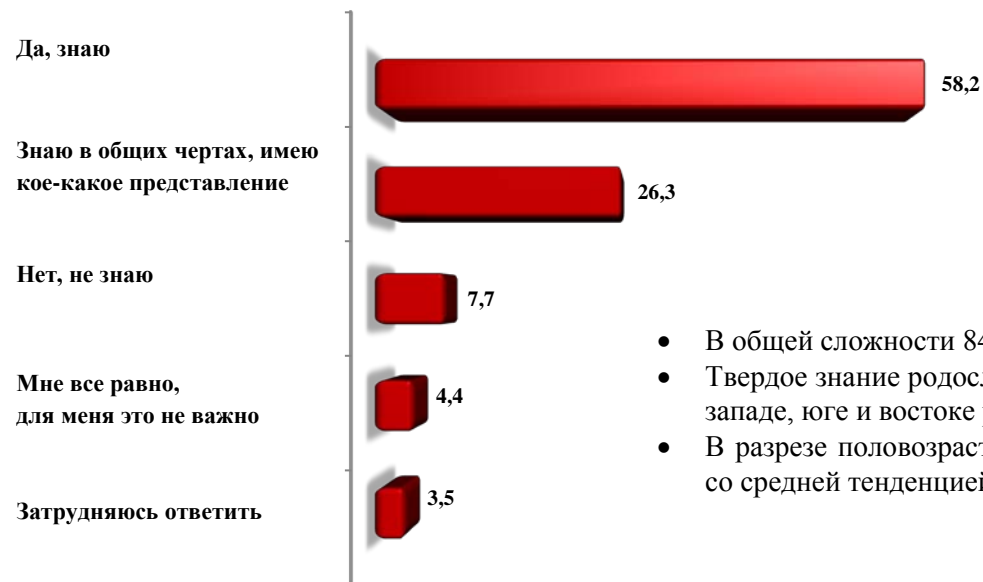
- По мнению абсолютного большинства опрошенных, современный человек, будь то казах, русский или представитель другой национальности, должен знать свою родословную.
- Странники этого мнения наиболее активно представлены на западе и юге страны; среди казахоязычной молодежи, особенно сельской. В разрезе поселенческих и половозрастных групп показатели мнения соотносятся в сопоставимых пределах со средней тенденцией.

Распределение показателей полярных мнений в группах региональной молодежи (%):

Знание своей родословной (шежіре)

Знаете ли Вы, к какому жузу, роду/семейной династии, фамильному роду относитесь?
(% от числа опрошенных)

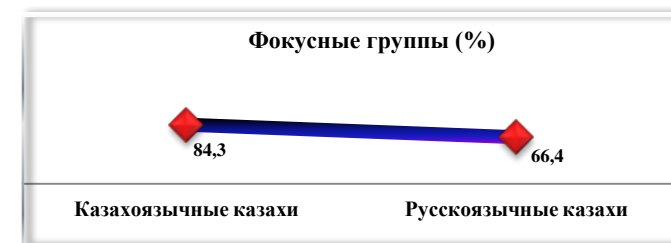
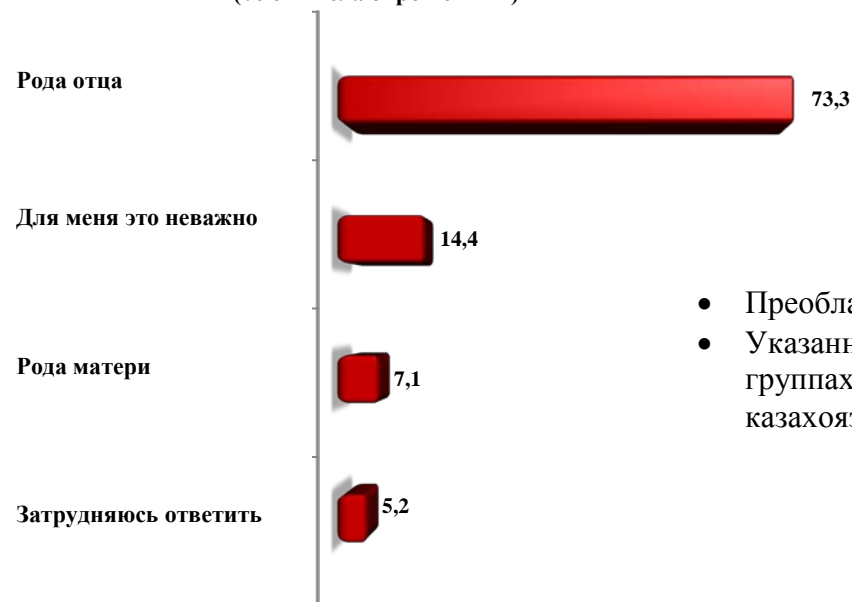
- В общей сложности 84,5% в большей или меньшей степени знают свою родословную.
- Твердое знание родословной характеризует главным образом казахоязычную, сельскую молодежь; на западе, юге и востоке республики.
- В разрезе половозрастных групп показатели твердого знания соотносятся в сопоставимых пределах со средней тенденцией.

Доли твердо знающих свою родословную в группах региональной молодежи (%):

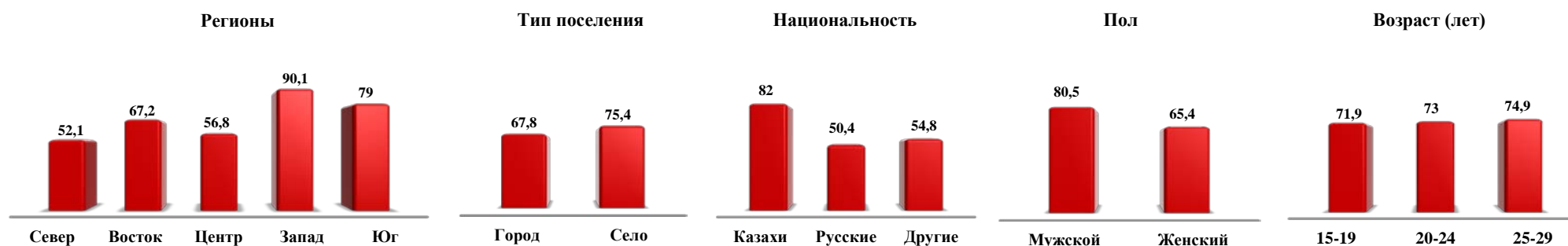
Генеалогические приоритеты

Продолжателем чьего рода Вы себя считаете?
(% от числа опрошенных)

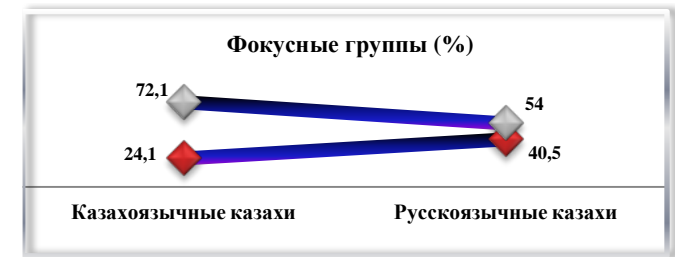
- Преобладающее большинство идентифицирует свое происхождение с отцовской линией.
- Указанная тенденция имеет универсальный характер (доминирует во всех обследованных группах региональной молодежи), но наиболее выражена на западе республики; среди казахоязычных казахов; мужского пола; 20-29 лет.

Доли идентифицирующих свою родословную по мужской линии в группах региональной молодежи (%):

Формы кооптации

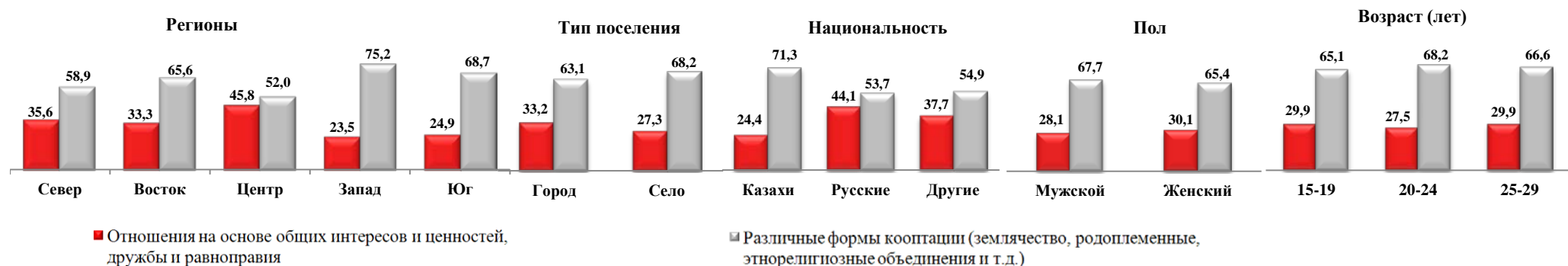
Какие виды отношений преобладают в Вашем кругу общения?
(% от числа ответивших)

- В среднем 66,7% ответивших на вопрос (или 91,6% от числа опрошенных) вовлечены в неформальные объединения по типу землячества, кровнородственной близости, соподчинения по принципу «старший-младший» и другие жестко иерархизированные структуры.
- Преобладание традиционалистских форм общения в молодежной среде имеет универсальный характер (отмечается во всех обследованных группах).
- Общение по признаку этнической (включая кровнородственные узы) и религиозной принадлежности – 16,4%: среди казахоязычных казахов – 26,9%, русскоязычных казахов – 11,1%, русских – 10,5%, лиц другой национальности – 15%.
- Традиционалистские формы отношений преобладают в кругу казахоязычных казахов; мужского пола; 20-24 лет; на западе и юге республики.

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа.

Распределение показателей наиболее распространенных видов неформальных отношений в группах региональной молодежи (%):

Национал-патриотизм этнического плана

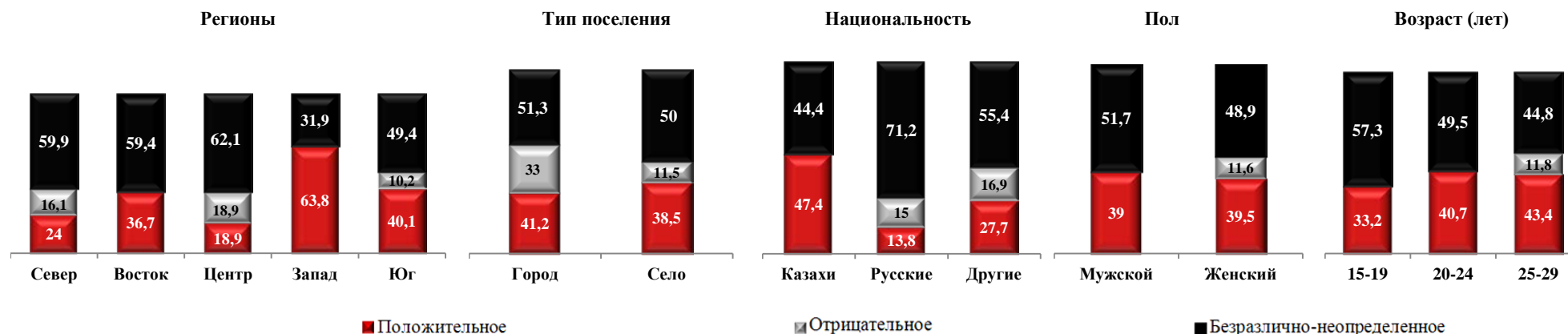
Отношение к национал-патриотам

Как Вы относитесь к национал-патриотам?
(отстаивают интересы своей национальной группы)
(% от числа опрошенных)

- Характер отношения к национал-патриотам – неоднозначный:
- Доминанта – безразлично-неопределенное отношение (50,4%). Преобладает во всех регионально-поселенческих и демографических группах, исключение – казахоязычные казахи; запад.
- Положительное отношение – у более трети в составе выборки. Преобладает на западе, среди казахоязычных казахов, большинство из которых считает себя национал-патриотами. «Ядро» казахских национал-патриотов: преимущественно юноши/мужчины (52,1%); 20-29 лет (84,1%); уроженцы сел (70,9%); жители востока (50,1%) и запада (27%).
- Отрицательное отношение – у каждого 10-го опрошенного. Показатели отрицательного отношения выше среднего значения – в центре; сельской местности; среди русскоязычных казахов; женского пола; 20-29 лет.

Распределение показателей отношения в группах региональной молодежи (%):

Примечание: На графиках в разрезе регионально-поселенческих, демографических и фокусных групп представлены показатели ответов не менее 10%.

Оценка роли и влияния национал-патриотических объединений на молодежь

Как бы Вы оценили роль и влияние объединений/движений национал-патриотов на гражданское сознание и поведение молодежи в Казахстане в настоящее время?

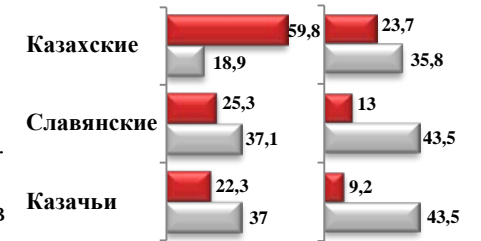
(% от числа опрошенных)

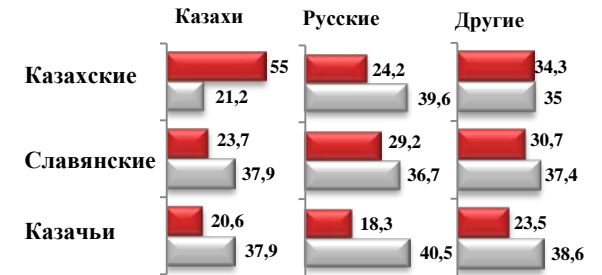
- *Национал-патриотические объединения казахского этнического плана:*
 - ✓ Преобладающая оценка роли и влияния на молодежь – положительная. Главным образом среди казахоязычных казахов; на западе республики.
 - ✓ Суммарная отрицательная оценка – 26%. Преобладает среди русских; в центре страны.
- *Славянские объединения:*
 - ✓ Решающая оценка – отрицательная (совокупный показатель – 37,7%). Отражает мнение в основном русскоязычных казахов; в западном регионе.
 - ✓ Положительная оценка в 1,5 раз ниже отрицательной. За ней стоят преимущественно представители других национальностей; северный регион.
- *Казачьи объединения:*
 - ✓ Преобладает неопределенная оценка. На этом фоне совокупная отрицательная оценка превышает положительную в 1,9 раз (37,7%). Максимальные показатели отрицательных оценок – среди русскоязычных казахов; на западе страны.
 - ✓ Положительную оценку чаще всего дают русские; южане.

Примечание: Совокупная отрицательная оценка – «не играют никакой роли» и «разъединяют молодежь» ✓

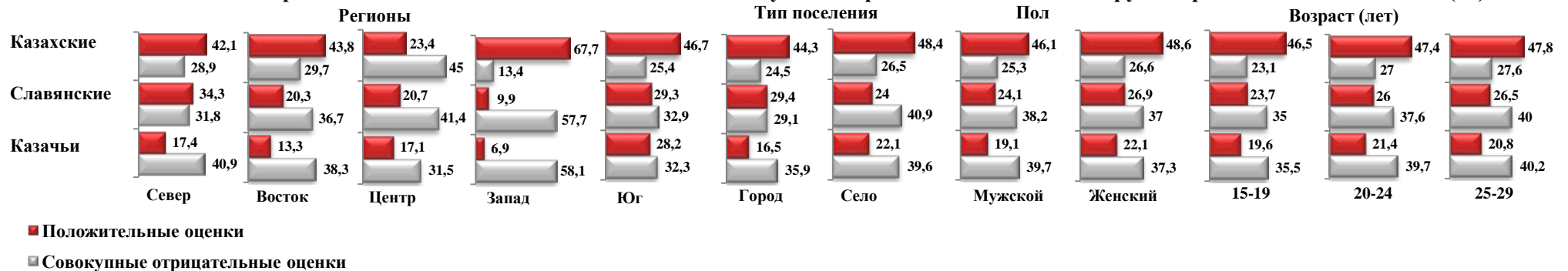
Фокусные группы (%)
Казахоязычные казахи / Русскоязычные казахи

Национальность (%)
Казахи / Русские / Другие

Распределение показателей положительных и совокупных отрицательных оценок в группах региональной молодежи (%):

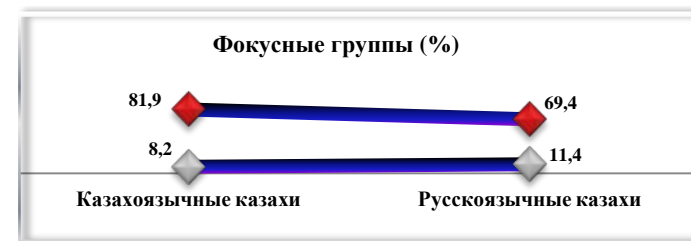
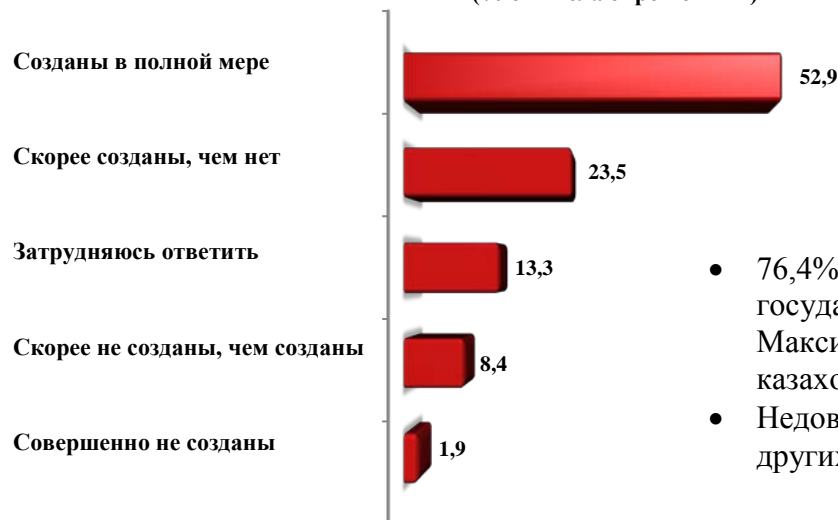

■ Положительные оценки
■ Совокупные отрицательные оценки

Характер этничности

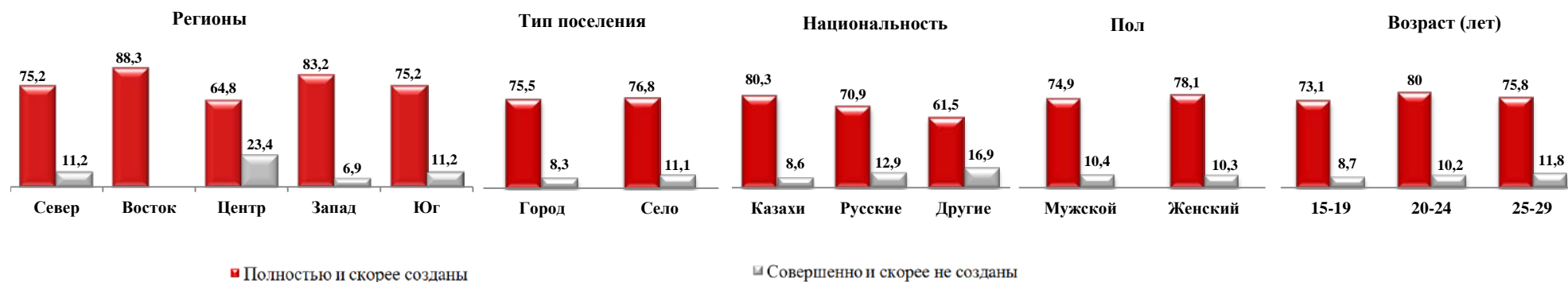
Степень удовлетворенности условиями реализации этнокультурных и языковых потребностей

В какой мере, на Ваш взгляд, государством созданы условия для удовлетворения Ваших этнокультурных и языковых потребностей?
(% от числа опрошенных)

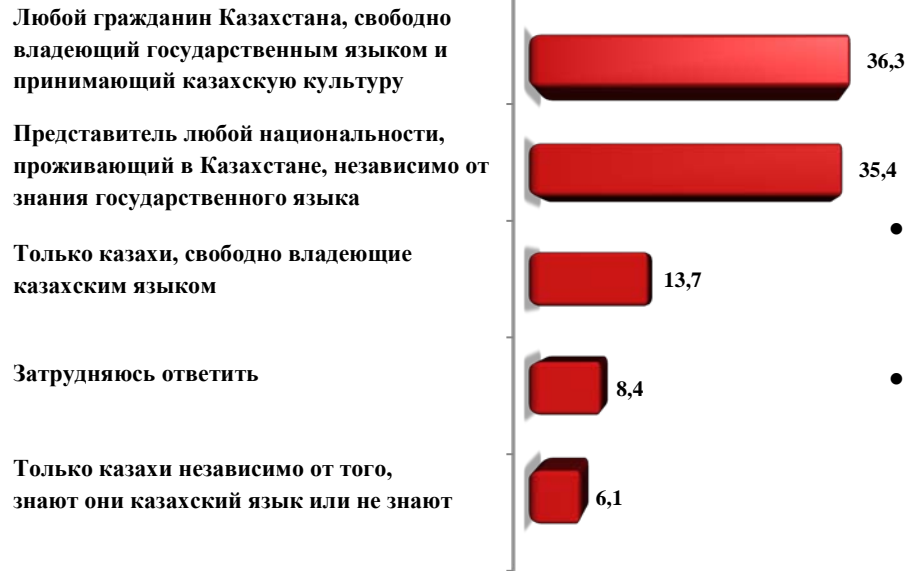
- 76,4% полностью и скорее удовлетворены этнокультурной и языковой политикой государства. Это доминантная тенденция во всех группах региональной молодежи. Максимальные показатели удовлетворенности – на востоке и западе; среди казахоязычных казахов; 20-24 летних.
- Недовольные – в меньшинстве (10,3%). Больше всего недовольны – представители других национальностей; 25-29 лет; жители центра республики.

Распределение совокупных показателей удовлетворенности/неудовлетворенности условиями реализации этнокультурных и языковых потребностей в группах региональной молодежи (%):

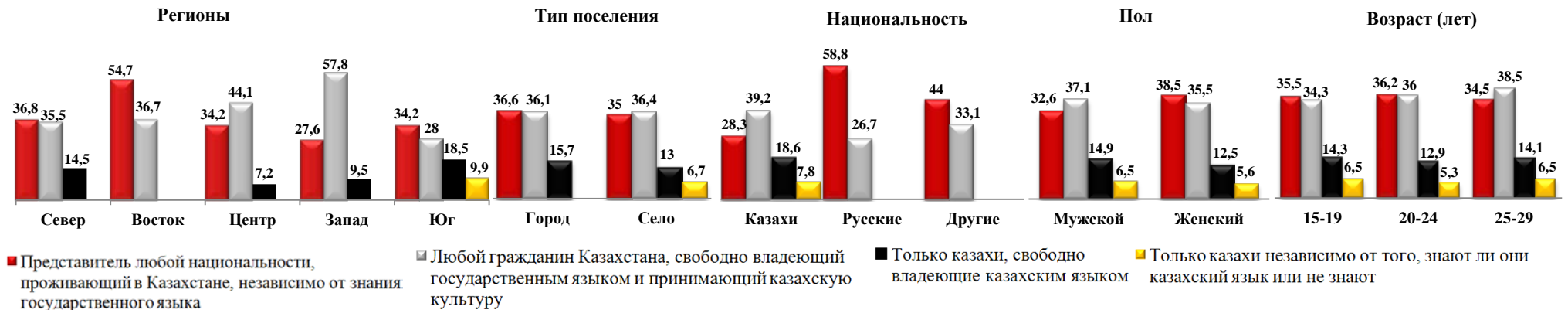
Состав власти: этноязыковой критерий

Представители каких этнических групп, по Вашему мнению, должны занимать высшие государственные должности в Казахстане? (% от числа опрошенных)

- Для 71,7% региональной молодежи этническая принадлежность при формировании государственной элиты страны не важна. При этом для более трети приоритетным является свободное владение государственным языком и принятие казахской культуры (на западе – для более половины).
- Для 19,8% основным критерием при занятии государственной должности является этнический – «быть казахом». При этом каждый 7-й опрошенный (среди казахоязычных казахов – каждый 5-ый) подчеркивает как необходимое условие свободное владение казахским языком. Масштаб этноустановок выше, чем в среднем по массиву – на юге; среди юношей/мужчин; 25-29 летних.

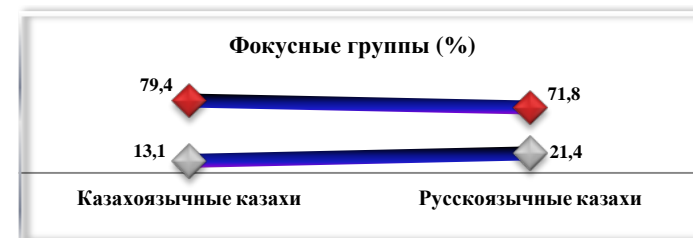
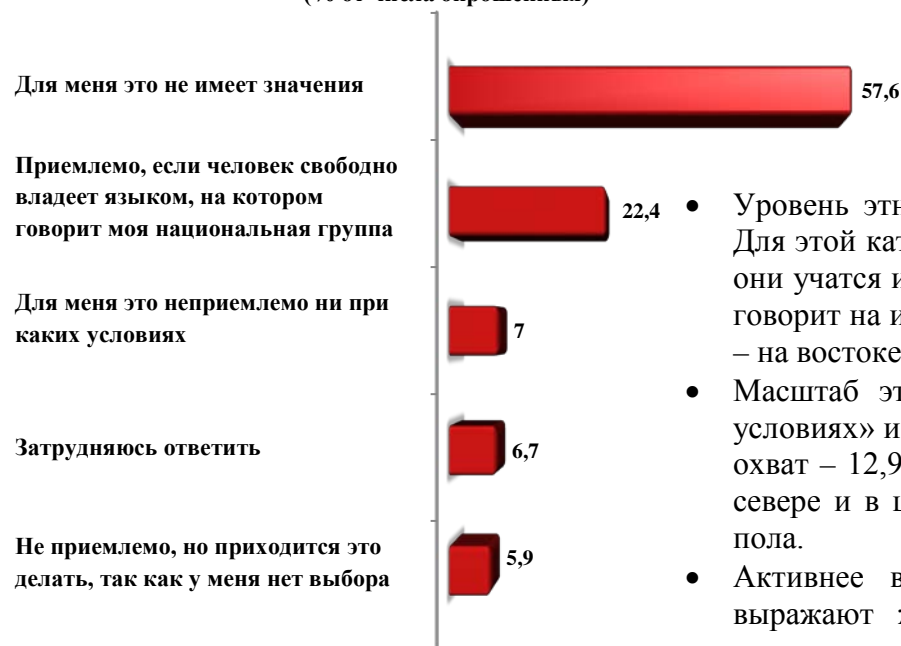
Этноязыковые критерии в группах региональной молодежи (%):

Примечание: На графиках в разрезе групп региональной молодежи представлены показатели ответов не менее 5%.

Этнический фактор в иерархии «начальник-подчиненный»

Считаете ли Вы приемлемым для себя учиться/работать под руководством человека другой национальности? (% от числа опрошенных)

- Уровень этнической толерантности молодежи с некоторой натяжкой составляет 80%. Для этой категории респондентов национальность человека, под руководством которого они учатся или работают, не имеет значения или почти не имеет, если человек свободно говорит на их родном языке. Показатели толерантности выше, чем в среднем по массиву – на востоке и западе; среди неказахов; 15-19 летних; респондентов женского пола.
- Масштаб этнической отчужденности, в т.ч. неявной («неприемлемо ни при каких условиях» и «приходится это делать, т.к. у меня нет выбора»), имеет в 6,2 раза меньший охват – 12,9%. Величина этого показателя отклоняется в сторону увеличения – на юге, севере и в центре; в группах горожан; казахов; 25-29 летних; респондентов мужского пола.
- Активнее всего радикальный настрой («неприемлемо ни при каких условиях») выражают жители юга (в 1,5 раз чаще, чем в среднем по массиву – 10,4%); казахоязычные казахи (в 1,4 раза соответственно – 9,8%).

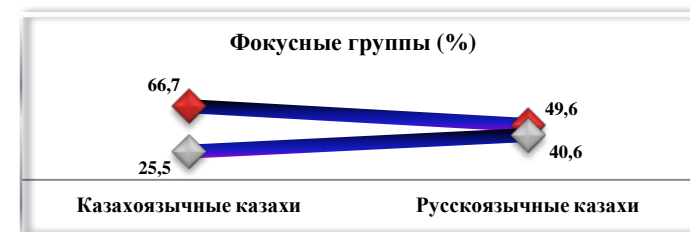
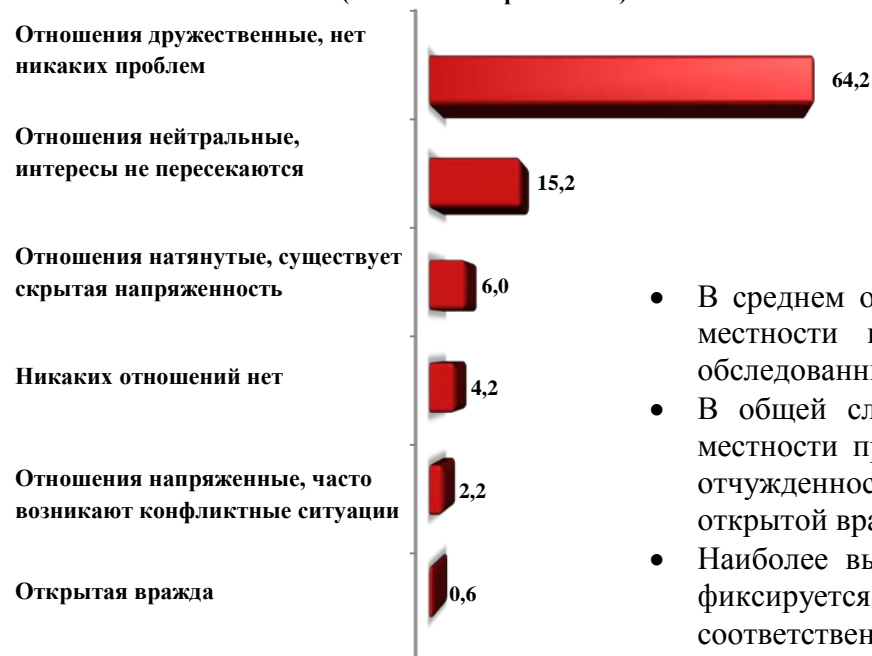
Распределение показателей степени этнической толерантности в группах региональной молодежи (%):

Межэтнические отношения

Оценка состояния межэтнических отношений

Как бы Вы охарактеризовали отношения между молодыми людьми разных этнических групп в местности, где Вы проживаете? (% от числа опрошенных)

- В среднем около двух третей респондентов характеризуют межэтнические отношения в местности проживания как дружелюбные. Это доминантная тенденция во всех обследованных группах региональной молодежи.
- В общей сложности 28,2% оценивают межэтнические отношения среди молодежи в местности проживания с разной степенью жесткости: от констатации межнациональной отчужденности («интересы не пересекаются», «никаких отношений нет») до признания открытой вражды.
- Наиболее высокий уровень критического настроя в оценке межэтнических отношений фиксируется в центре; среди русскоязычных казахов (показатели в 1,6-1,4 раза соответственно выше, чем в среднем по массиву).

Распределение показателей положительных и совокупных отрицательных оценок в группах региональной молодежи (%):

Основные линии напряженности

С молодыми людьми какой национальности у Вас и молодых людей Вашей национальной группы наиболее напряженные отношения? (% от числа опрошенных)

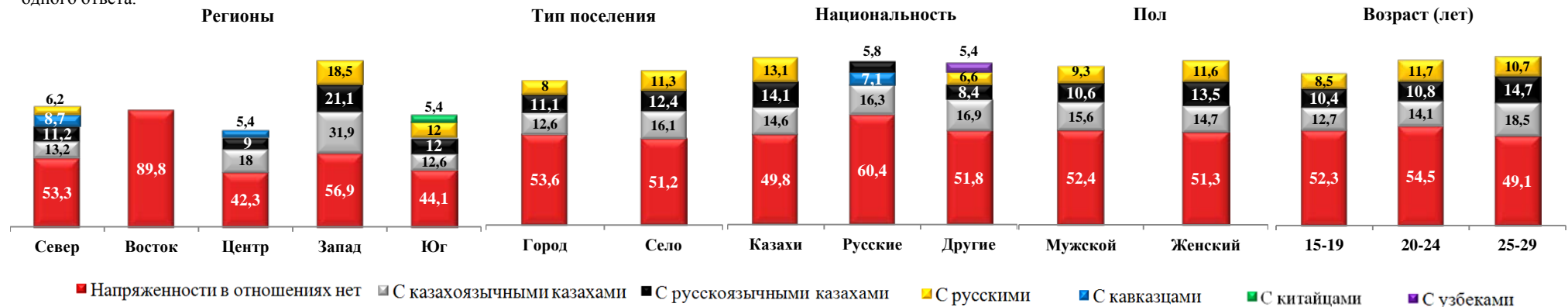

- По признанию доминантного большинства респондентов, у них нет напряженных отношений с представителями иноэтнических групп. Это преобладающий тренд во всех обследованных группах молодежи.
- Наиболее напряженными являются отношения внутри казахской группы – между казахо- и русскоязычными казахами; 25-29 лет; на западе республики; в сельской местности.
- Русские и представители других национальностей в более частых случаях отмечают напряженность отношений с казахоязычными казахами. Среди последних каждый 7-й также указывает на напряженные отношения с русскими, что в 1,6 раз больше, чем среди русскоязычных казахов. На напряженные отношения между казахами и русскими чаще других указывают 20-24 летние; респонденты женского пола; сельчане; на западе и юге республики.

Распределение показателей наиболее часто упоминаемых ответов в группах региональной молодежи (%):

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа.

Примечание: На графиках в разрезе регионов, типов поселения, демографических и фокусных групп представлены показатели ответов не менее 5%

Степень открытости для межэтнических отношений

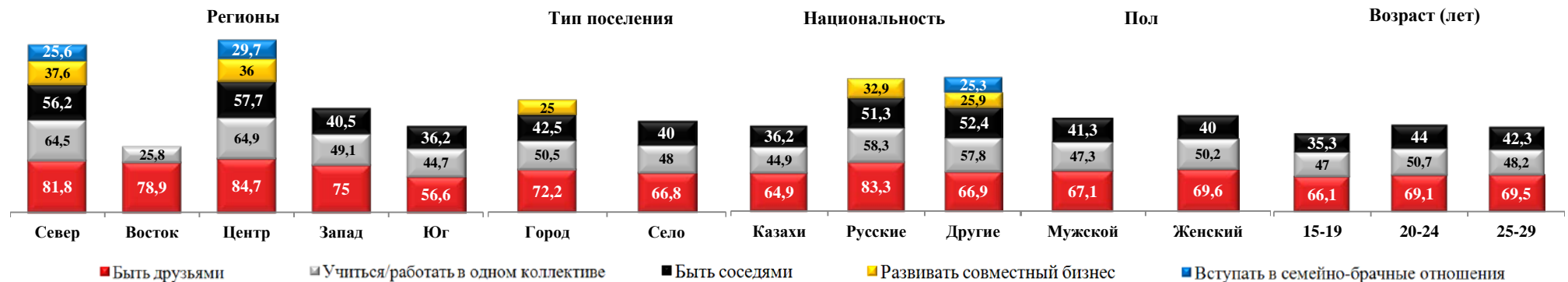
Какие отношения Вы готовы иметь с представителями другой этнической группы?
(% от числа опрошенных)

- Преобладающее большинство опрошенных не имеет этнических предрассудков по отношению к иноэтническим группам – готовы быть друзьями, коллегами/однокурсниками, соседями.
- Каждые 4-5-й респонденты готовы развивать совместный бизнес с представителями других этнических групп (главным образом северяне и жители центра; горожане; русскоязычные казахи и неказахи).
- Однако, молодежь в массе своей против ассимиляции – в среднем лишь каждый 7-й респондент готов вступать в семейно-брачные отношения с представителями других этносов – преимущественно северяне и жители центра; горожане (16,8%); 15-19 летние (16,8%); русскоязычные казахи (24,1%); русские (22,5%) и другие представители нетитульной нации.
- Наиболее радикально настроенная молодежь («не хочу иметь никаких отношений») представлена чаще всего среди южан (10,7%); казахоязычных казахов (9,1%); горожан (8,2%); 25-29 летних (7,6%).

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа.

Распределение показателей наиболее предпочтительных видов межэтнических отношений в группах региональной молодежи (%):

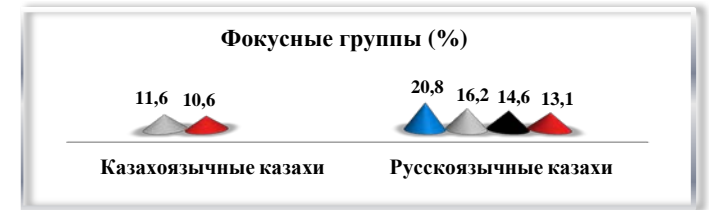
Примечание: На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов не менее 25%, что отражает устойчивость группового мнения молодежи.

Конфликтогенный потенциал на этнической почве

Факторы недовольства

Какие факторы нарушения этнических прав, с которыми Вы и/или члены Вашей семьи сталкивались, вызывают у Вас недовольство и желание защищать свои права?

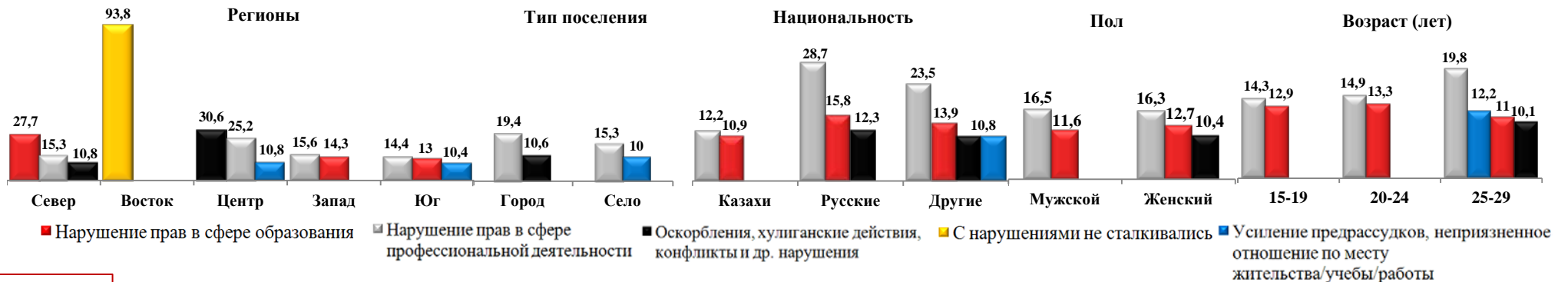
(% от числа опрошенных)

- Наиболее часто упоминаемые факторы, провоцирующие этноконфликтные настроения:
- ✓ Прием/увольнение с работы, назначение на должность, продвижение по профессиональной лестнице. Превышение среднего показателя по массиву – в центре; среди горожан; русских и представителей другой национальности; 25-29 летних.
- ✓ Поступление в учреждения образования, проблемы в ходе учебного процесса. Максимальные показатели – на севере; среди русских; 20-24 летних.
- ✓ Оскорбления, унижение человеческого достоинства, хулиганские действия, конфликты и другие нарушения. Максимальные показатели – в центре (в 3,2 раза выше среднего по массиву); в группе русскоязычных казахов (в 1,5 раз выше соответственно).
- ✓ Усиление этнических предрассудков, неприязненное отношение по месту жительства/учебы/работы. В более частых случаях на этот фактор указывают – в центре и на юге; сельчане; русскоязычные казахи (максимальный показатель) и лица другой национальности; 25-29 летние.

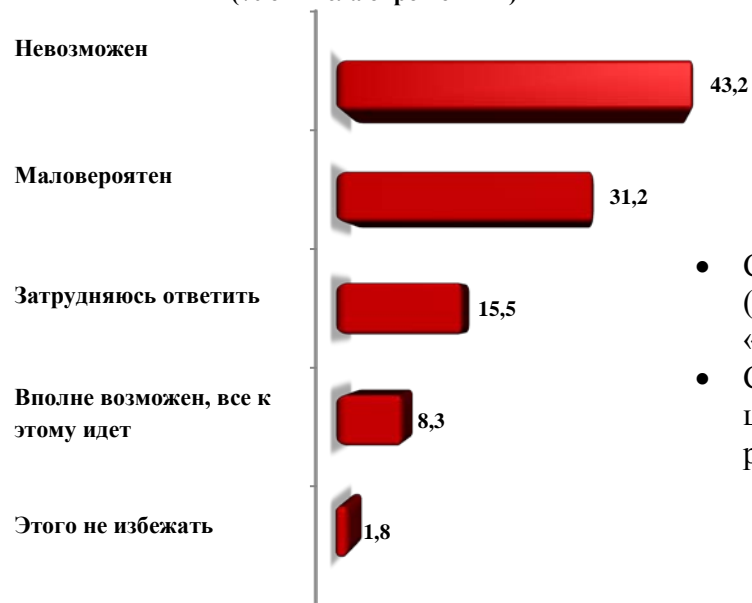
Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа. На графиках в разрезе групп представлены показатели не менее 10%.

Основные конфликтогенные факторы в группах региональной молодежи (%):

Уровень ожиданий молодежного межэтнического конфликта

Как Вы считаете, возможен ли в Казахстане массовый молодежный межэтнический конфликт?
(% от числа опрошенных)

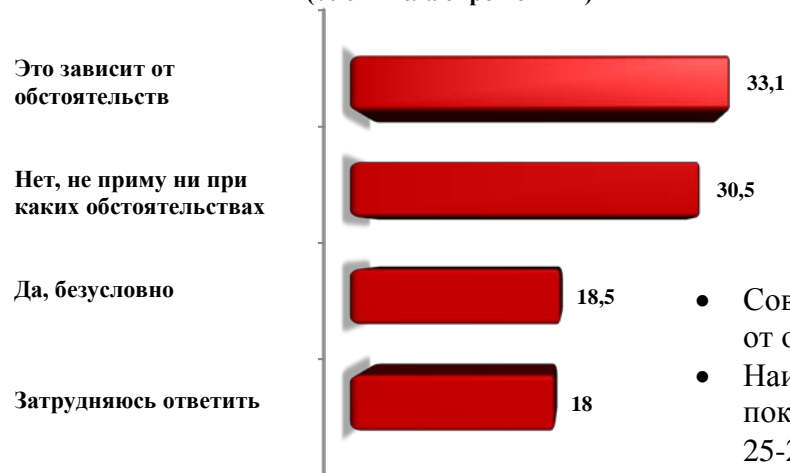
- Совокупная доля ожидающих массового межэтнического конфликта в молодежной среде («вполне возможен» и «этого не избежать») – 10,1%; не ожидающих («невозможен» и «маловероятен») – 74,4%.
- Среди допускающих вероятность конфликта наиболее активно представлены жители центра (показатель ожиданий в 2,4 раза выше, чем в среднем по массиву); горожане; русские и русскоязычные казахи; 20-24 летние; респонденты женского пола.

Совокупные доли ожидающих межэтнический конфликт в группах региональной молодежи (%):

Потенциал участия в конфликте

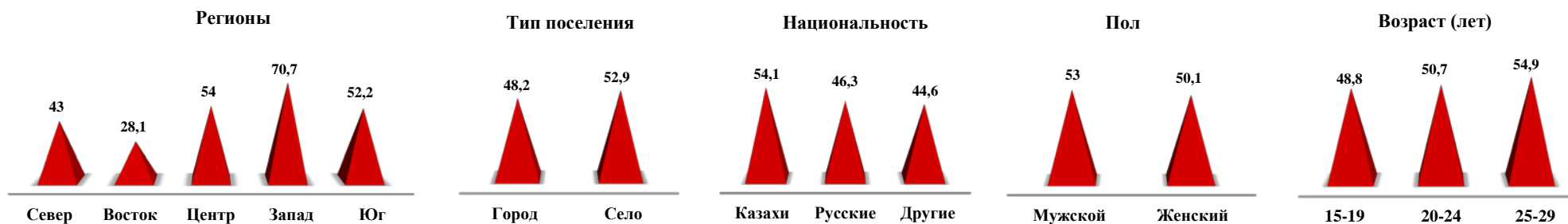
Примете ли Вы участие в конфликте, если это коснется интересов Вашей этнической группы?
(% от числа опрошенных)

- Совокупный показатель этноконфликтного потенциала («да, безусловно» и «это зависит от обстоятельств») – 51,6%.
- Наиболее высокие показатели этноконфликтного потенциала – на западе (максимальный показатель – в 1,4 раза выше среднего по массиву); среди сельчан; казахоязычных казахов; 25-29 летних; респондентов мужского пола.

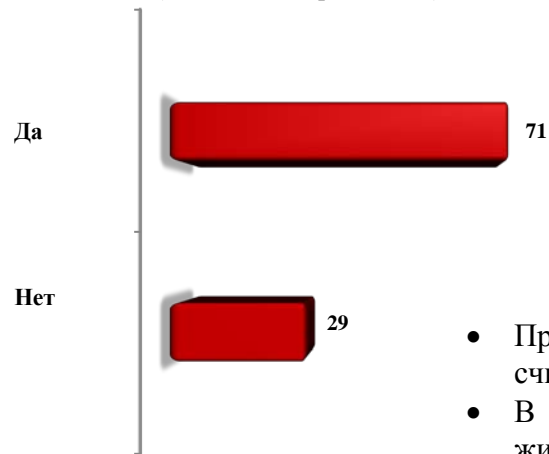
Совокупные доли потенциальных участников конфликта в группах региональной молодежи (%):

Религиозная идентификация

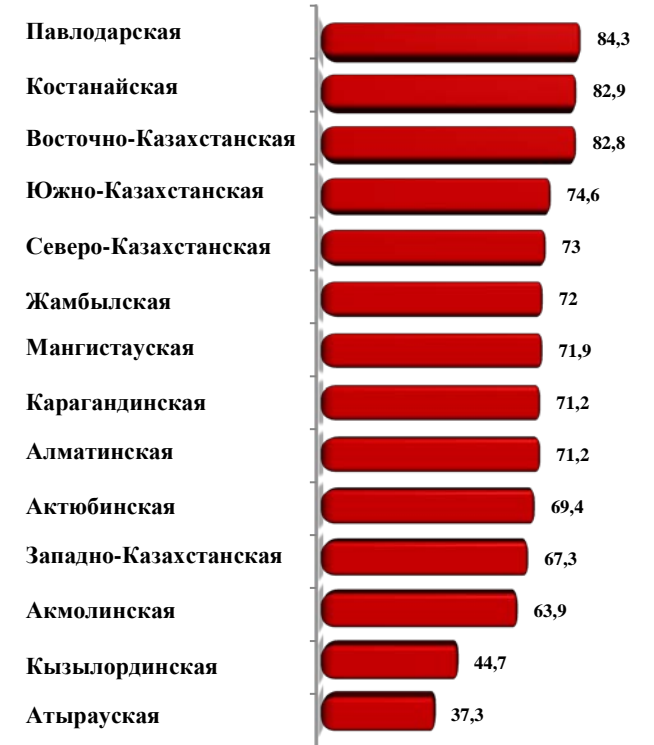
Уровень религиозности молодежи

Считаете ли Вы себя верующим(ей)?
(% от числа опрошенных)

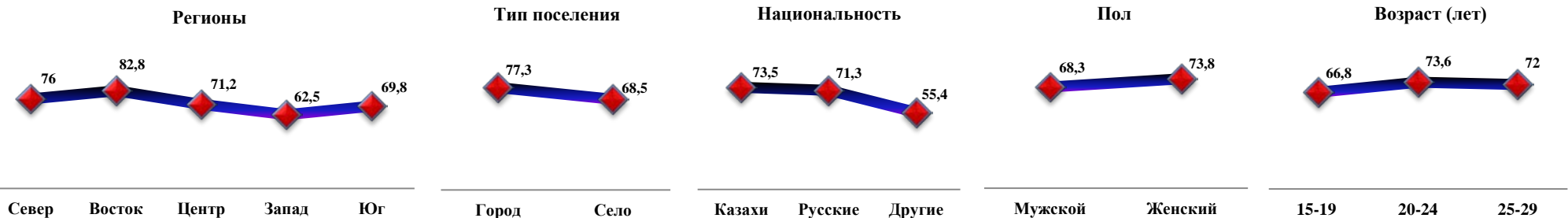

- Преобладающее большинство опрошенной молодежи считает себя верующим.
- В составе верующих наиболее активно представлены жители востока и севера (особенно Павлодарской, Костанайской областей) республики; уроженцы малых городов; казахоязычные казахи; 20-29 летние; респонденты женского пола.

В разрезе областей (%)

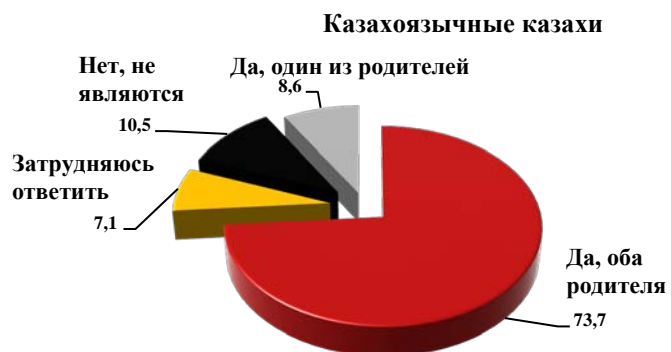
Доли верующих в группах региональной молодежи (%):

Истоки религиозности

Являются ли Ваши родители верующими?

(% от числа верующих)

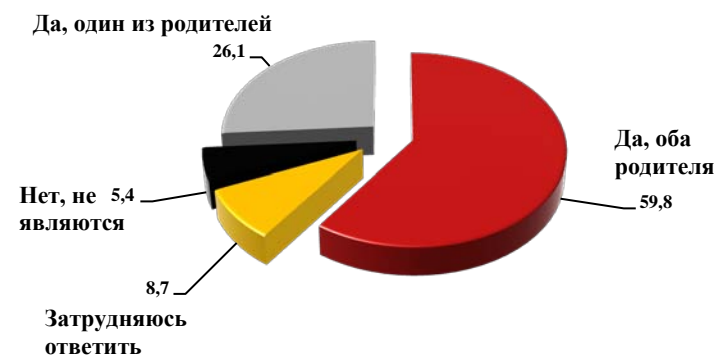

- Абсолютное большинство верующей молодежи – выходцы из религиозных семей, где оба родителя либо один из родителей - верующие. Их доли в разрезе этноконфессиональных групп: в группе казахоязычных казахов – 82,3%, русскоязычных казахов – 81,4%, русских – 85,4%, представителей других национальностей – 85,9%.
- Поддается фиксации тенденция снижения социальной применимости религии в семьях верующих: в группе казахоязычных казахов уровень религиозности детей в 1,1 раз ниже, чем родителей; русскоязычных казахов – в 1,5 раз ниже; русских – в 1,2 раза ниже; представителей других национальностей – в 1,6 раз ниже соответственно.

Русские

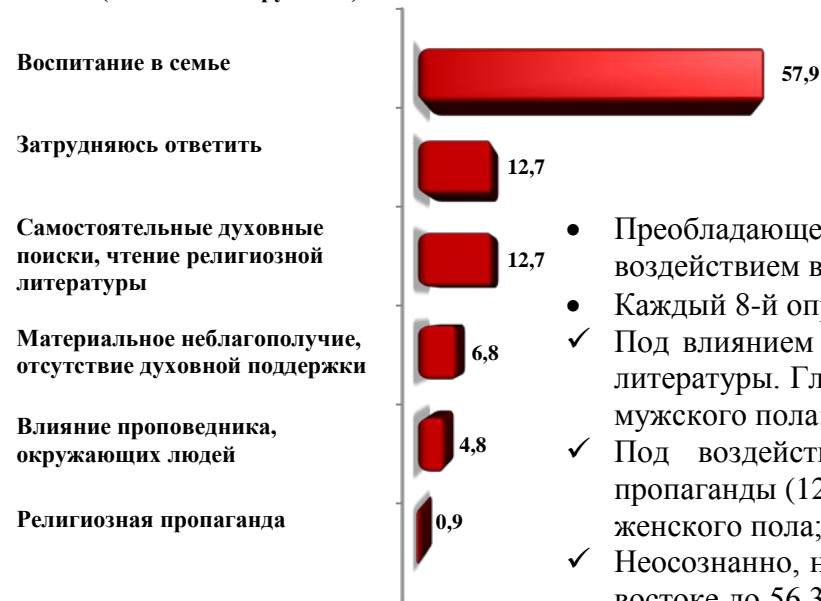

Представители других национальностей

Мотивы обращения к вере

Что привело Вас к вере?
(% от числа верующих)

- Преобладающее большинство, идентифицирующее себя в качестве верующих, пришло к вере под воздействием воспитания в семье. Это доминантная тенденция во всех обследованных группах.
- Каждый 8-й опрошенный оказался приобщенным к вере под воздействием разных причин:
 - ✓ Под влиянием внутренних факторов, сопряженных с духовными поисками и чтением религиозной литературы. Главным образом это молодые люди другой (неказахской и нерусской) национальности; мужского пола; 20-29 лет; несколько чаще уроженцы сел; севера и центра республики.
 - ✓ Под воздействием внешних факторов – окружения и обстоятельств, в меньшей степени пропаганды (12,5%). Наиболее активно они представлены среди верующих русской национальности; женского пола; 20-29 лет; уроженцев севера и юга республики.
 - ✓ Неосознанно, не имея явных побудительных причин. Доли неопределившихся варьируют от 7,1% на востоке до 56,3% на юге. Чаще всего они встречаются среди русскоязычных казахов; мужского пола; 15-19 лет.

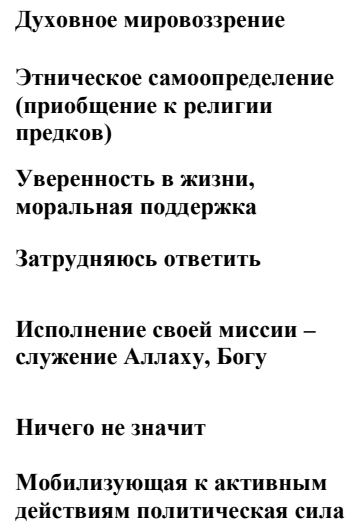
Основные мотивы обращения к вере в группах верующих (%):

Религия в восприятии верующих

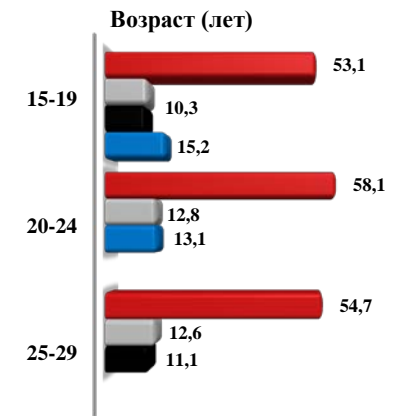
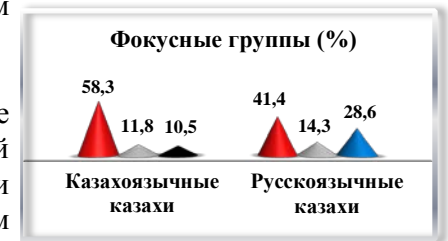
Что значит для Вас религия?

(% от числа верующих)

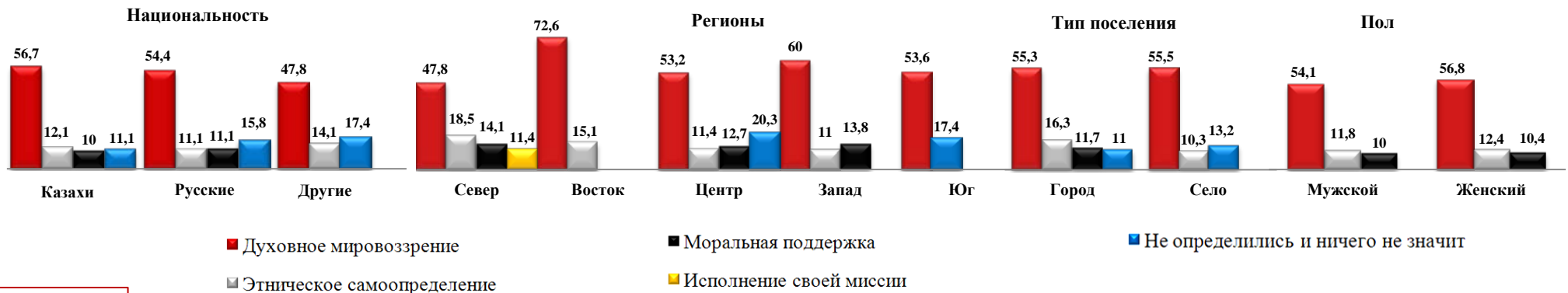

- Приоритетное восприятие религии в составе верующих – духовное мировоззрение. Указанный приоритет доминирует во всех срезах главным образом у представителей основных религиозных групп в Казахстане.
- Из статистически менее значимых приоритетов восприятия выделяются:
 - ✓ Этноидентификация (приобщение к религии предков) – на уровне восприятия каждого 8-ого из числа верующих. Показатели этнорелигиозной идентификации выше среднего значения – среди русскоязычных казахов и представителей иноэтнических групп; относящихся к религиозным меньшинствам; 20-29 лет; уроженцев сел; севера и востока республики.
 - ✓ Уверенность в жизни, моральная поддержка – ассоциативное восприятие каждого 10-ого. Главным образом русской национальности; 20-29 лет; уроженцев малых городов; севера и востока страны.
 - 12,5% идентифицирующих себя в качестве верующих не определились в своем восприятии религии либо никак не воспринимают ее. В большей степени они присутствуют среди русскоязычных казахов и неказахов; исповедующих другие религиозные направления; юношей; 15-19 лет; уроженцев сел; центра и юга республики. Имеют среднее специальное и общее среднее образование; наемные рабочие.

Примечание: На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов не менее 10%.

Распределение показателей восприятия религии в группах верующих (%):

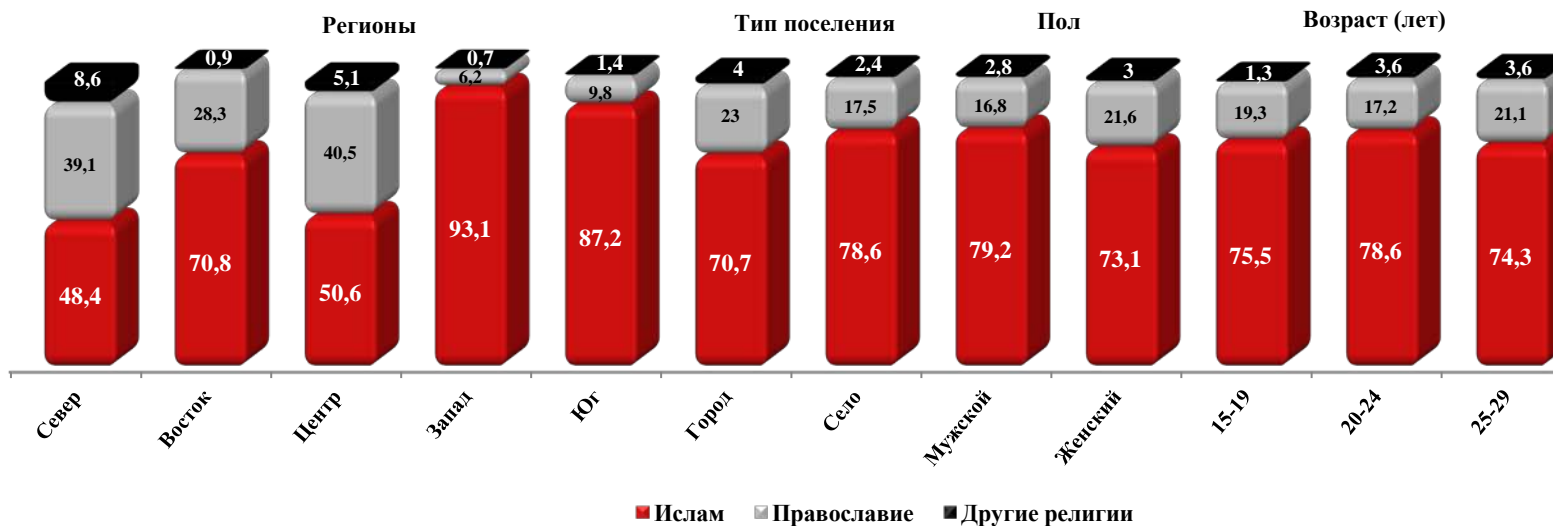
Конфессиональная принадлежность

Какую религию исповедуете Вы и Ваши родители?
(% от числа верующих)

- Выходцы из религиозных семей, как правило, исповедуют ту же религию, что и их родители: казахи в абсолютном большинстве – ислам, русские – православное христианство, представители других национальностей – ислам и православие.
- Состав выборки – преимущественно казахоязычные казахи. Соответственно в массе опрошенных верующих приоритетная религия – ислам, особенно на западе и юге.
- Православных христиан – каждый 5-й из числа верующих. Регионы их концентрации – север, центр и в меньшей степени восток.
- Другие религии не получили сколько-нибудь существенного распространения в казахско-русской среде. Их приверженцами в большей степени являются представители других национальностей – каждый 8-й в составе последних. Наиболее активно последователи других религий представлены на севере и в центре.

Примечание: Другие религии – католицизм, протестантизм, буддизм, нетрадиционное религиозное направление

Этноконфессиональные группы (%)

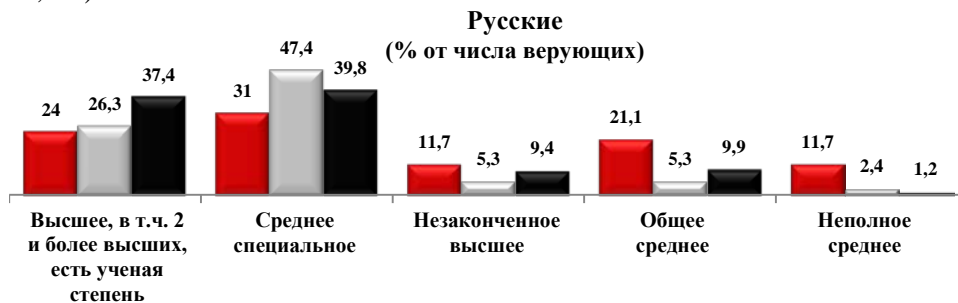
Статусные позиции верующих

Социальная применимость образования в семьях верующих

Примечание: Не имеют отца/матери 3,9%.

- В составе казахоязычных казахов, идентифицирующих себя в качестве верующих, 58,4% – дипломированные специалисты с высшим и среднеспециальным образованием. Из них 0,8% имеют несколько высших образований и ученую степень.
- Более двух третей – выходцы из семей, где оба родителя с высшим и среднеспециальным образованием (67,2% - отцы, 69,6% - матери, из них имеют несколько высших образований и ученую степень – 2,6% и 1,7% соответственно).
- Из числа верующих русской национальности 55% - дипломированные специалисты с высшим и среднеспециальным образованием.
- В пределах трех четвертей – из семей дипломированных специалистов с высшим и среднеспециальным образованием (отцы – 73,7%, матери – 77,2%, имеют несколько высших образований и ученую степень – по 3,5%).

Примечание: Не имеют отца/матери 14%.

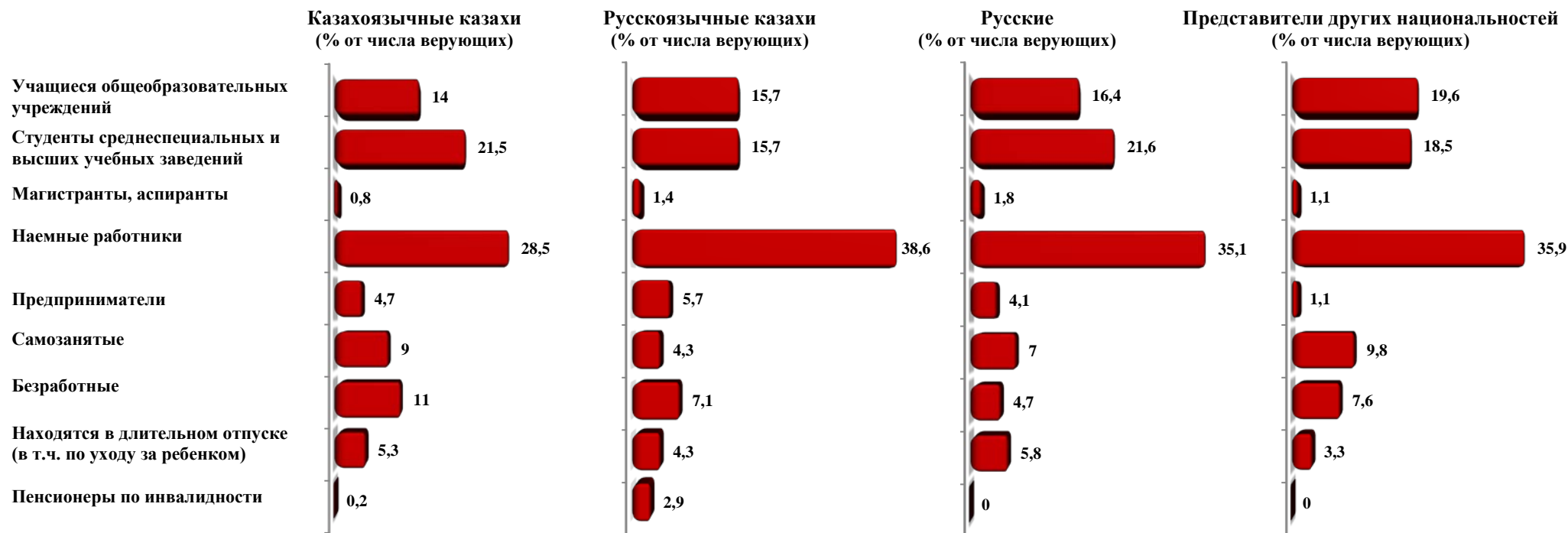
Примечание: Не имеют отца/матери 7,1%.

- Среди русскоязычных казахов-верующих 48,7% – дипломированные специалисты с высшим и среднеспециальным образованием. Из них 2,8% – с несколькими высшими образованиями и ученой степенью.
- В пределах двух третей – выходцы из семей дипломированных специалистов с высшим и среднеспециальным образованием: отцы – 57,1%, матери – 65,7%, из них соответственно 2,9% и 4,3% - с несколькими высшими образованиями и ученой степенью.
- 59,8% верующих других национальностей – дипломированные специалисты с высшим и среднеспециальным образованием.
- Две трети – выходцы из семей дипломированных специалистов с высшим и среднеспециальным образованием (65,2% – отцы, 66,3% – матери, из них имеют несколько высших образований и ученую степень – 2,2% отцов и 1,1% матерей).

Примечание: Не имеют отца/матери 8,7%.

Виды занятости

Казахоязычные казахи-верующие:

- Занятые в экономике – 42,2%
- Незанятые в экономике – 52,8%.
- Из них:
- ✓ Учащиеся – 36,3%
- ✓ Безработные – каждый 9-й
- ✓ Неклассифицируемые категории – 5,5%

Русскоязычные казахи-верующие:

- Занятые в экономике – 48,6%
- Незанятые в экономике – 47,1%.
- Из них:
- ✓ Учащиеся – 32,8%
- ✓ Безработные – каждый 14-й
- ✓ Неклассифицируемые категории – 7,2%

Русские-верующие:

- Занятые в экономике – 46,2%
- Незанятые в экономике – 50,3%.
- Из них:
- ✓ Учащиеся – 39,8%
- ✓ Безработные – каждый 21-й
- ✓ Неклассифицируемые категории – 5,8%

Другие-верующие:

- Занятые в экономике – 46,8%
- Незанятые в экономике – 50,1%.
- Из них:
- ✓ Учащиеся – 39,3%
- ✓ Безработные – каждый 13-й
- ✓ Неклассифицируемые категории – 3,3%

Примечание: Учащиеся – школьники, студенты, аспиранты, магистранты.
Неклассифицируемые категории – находятся в длительном отпуске, пенсионеры по инвалидности.

Религиозное самообразование

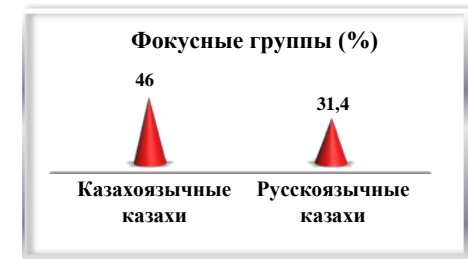
Уровень религиозных знаний верующих

Получали ли Вы религиозные знания?

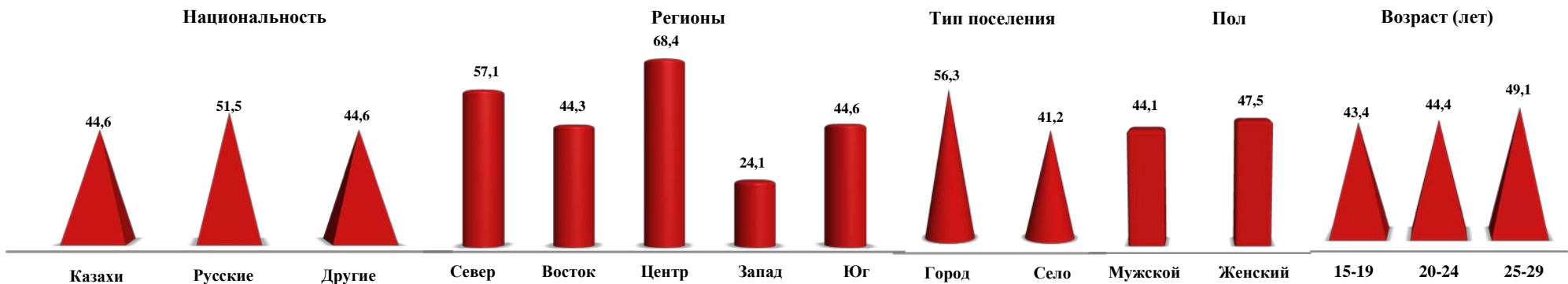
(% от числа верующих)

- Немногим менее половины опрошенных из числа верующих считают, что обладают религиозными знаниями. На этот факт чаще всего указывают представители религиозных меньшинств; русской национальности; женского пола; 25-29 лет; уроженцы малых городов; центра и севера республики.
- Показатели наличия и отсутствия религиозных знаний соотносятся в сопоставимых пределах. Чаще всего отмечают отсутствие религиозных знаний – русскоязычные казахи (47,1%); юноши/мужчины (41,3%); 20-24 лет (40,8%); уроженцы сел (42,8%); запада республики (70,3%).
- В общем целом 14,2% (7-ая часть верующих) не определились в наличии/отсутствии религиозных знаний либо не проявляют к ним интереса.

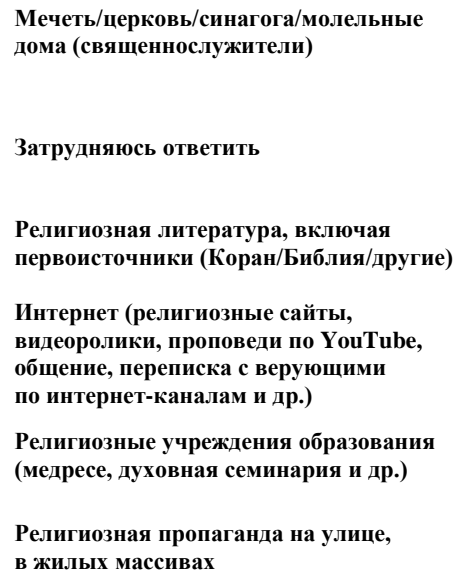

Показатели охвата верующей молодежи религиозными знаниями в группах верующих (%):

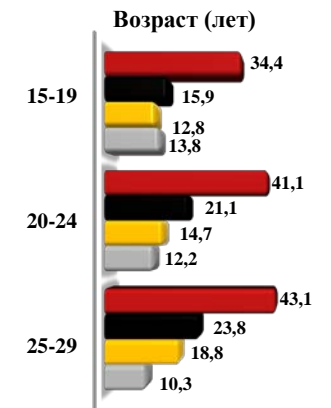
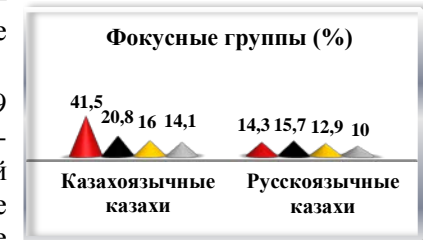
Источники религиозных знаний

Из каких источников Вы получали религиозные знания?
(% от числа верующих)

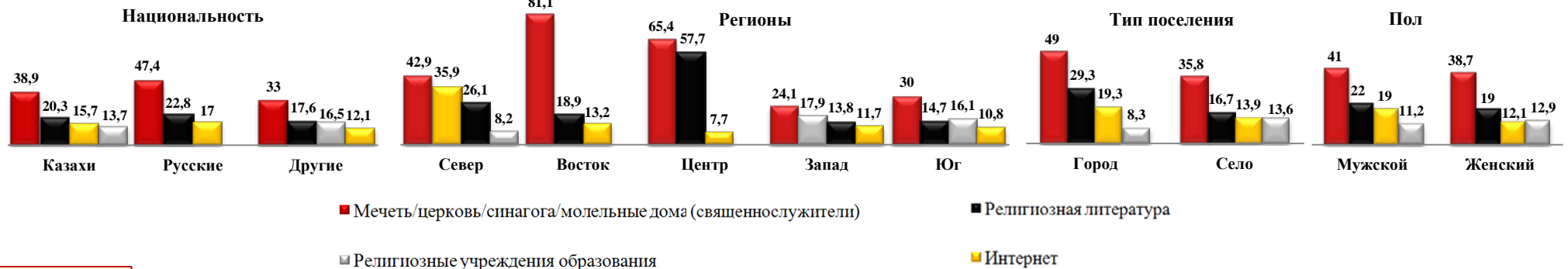

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа. На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов не менее 5%.

- Основной источник религиозных знаний для верующей молодежи – священнослужители в религиозных учреждениях. Отдельные респонденты пользуются несколькими источниками.
- Обращаемость к религиозной литературе, включая первоисточники, в 1,9 раз меньше по сравнению с основным источником – на уровне каждого 5-ого из числа верующих. Наиболее активные потребители религиозной литературы – верующие русской национальности; исповедующие православное христианство; мужского пола; 25-29 лет; имеющие неполное среднее (46,2%), среднее специальное (26,7%) и высшее образование (20,4%); безработные (42,9%); уроженцы малых городов; центра и севера республики.
- Интернет пользуется популярностью у каждого 6-ого верующего в составе выборки. Чаще всего этим источником пользуются представители религиозных меньшинств; русской национальности; мужского пола; 25-29 лет; имеющие среднее специальное (16%) и высшее образование (22,1%); предприниматели (32,6%); уроженцы малых городов; северного региона.
- Религиозные учреждения образования – источник знания в среднем для каждого 8-ого в составе верующих. Речь идет, прежде всего, о представителях религиозных меньшинств, иноэтнических групп; несколько чаще женского пола; 15-19 лет; уроженцах сел; запада и юга республики.

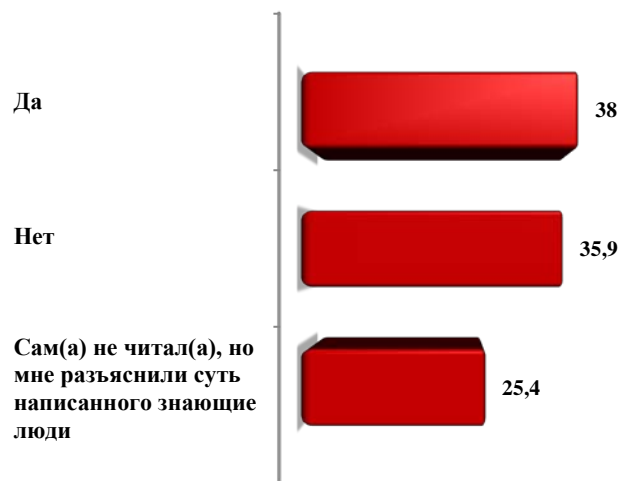

Основные источники религиозных знаний в группах верующих (%):

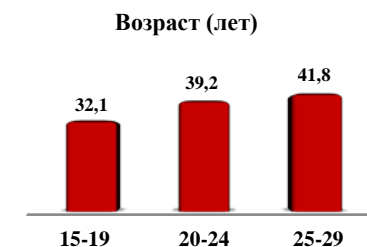

Чтение религиозных первоисточников

Читали ли Вы Коран/Библию/Другие первоисточники?
(% от числа верующих)

- Знакомы с религиозными первоисточниками непосредственно (самостоятельно читали) либо опосредованно (благодаря разъяснениям знающих людей) – 63,4% верующих.
- Активность самостоятельного чтения религиозных первоисточников выше всего – среди верующих православно-христианского исповедания; неказахов; женского пола; 25-29 лет; уроженцев малых городов; центрального региона.
- Не читали Коран/Библию/Другие первоисточники более трети опрошенных верующих. Как правило, это – русскоязычные казахи (42,9%); исповедующие ислам (38,5%); мужского пола (36,9%); 15-19 лет (40%); уроженцы сел (38,9%); востока республики (64,2%).

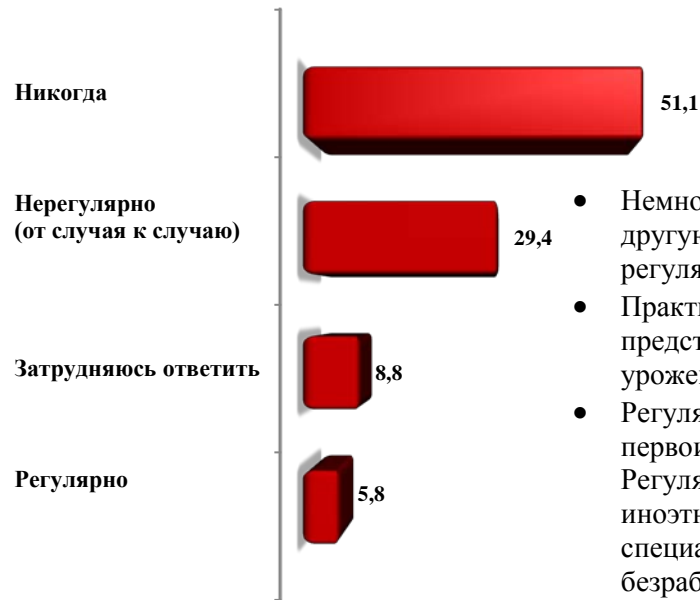

Показатели самостоятельного чтения религиозных первоисточников в группах верующих (%):

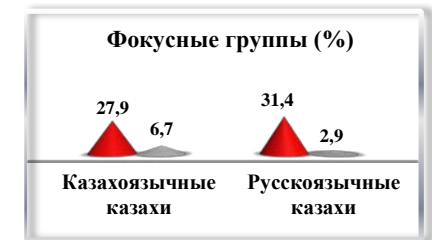

Регулярность чтения другой религиозной литературы

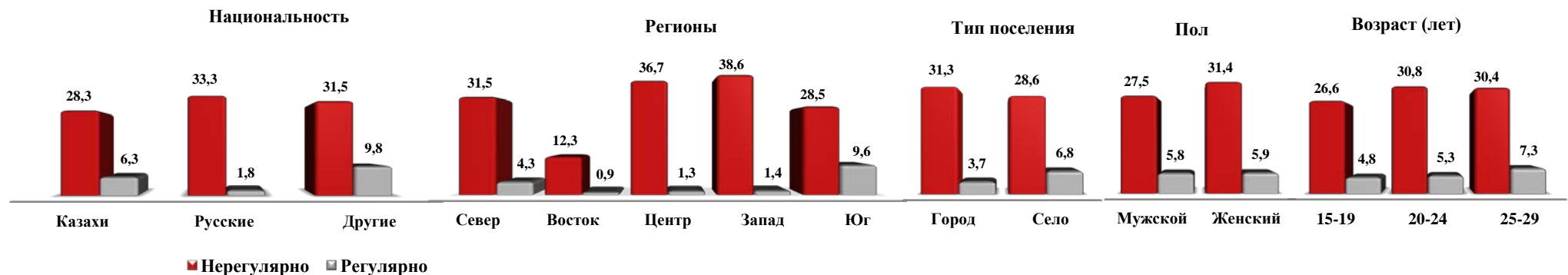
Как часто Вы читаете другую религиозную литературу?
(% от числа верующих)

- Немногим более половины опрошенных верующих вообще не читают другую религиозную литературу. 35,2% делают это с разной степенью регулярности.
- Практически каждый 3-й – нерегулярный читатель. В основном русские; представители религиозных меньшинств; девушки/женщины; 20-29 лет; уроженцы малых городов; запада, центра и севера республики.
- Регулярные читатели религиозной литературы (не включая первоисточники) – лишь каждый 17-й среди опрошенных верующих. Регулярность чтения характеризует в большей степени представителей иноэтнических групп; приверженцев ислама; 25-29 лет; имеющих среднее специальное (6,9%) и незаконченное высшее (7,9%) образование; безработных (14,3%); уроженцев сел; юга страны.

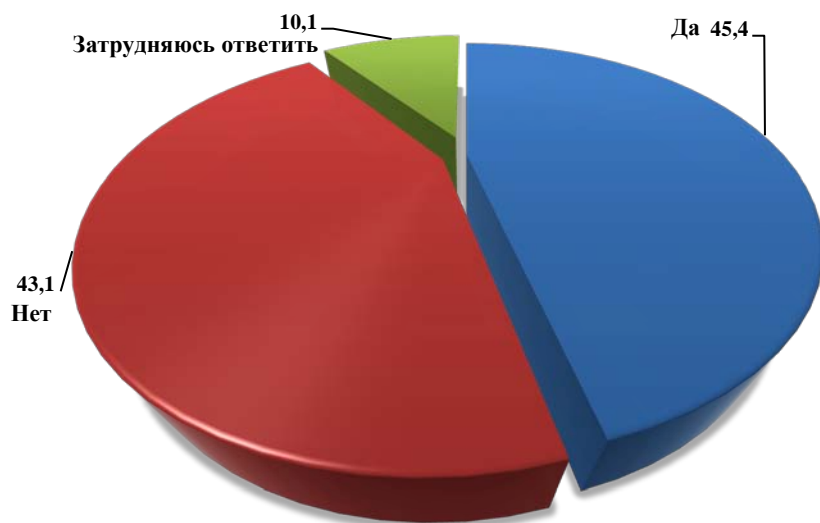
Показатели регулярности чтения религиозной литературы в группах верующих (%):

Религиозное поведение

Степень участия в жизни религиозной общины

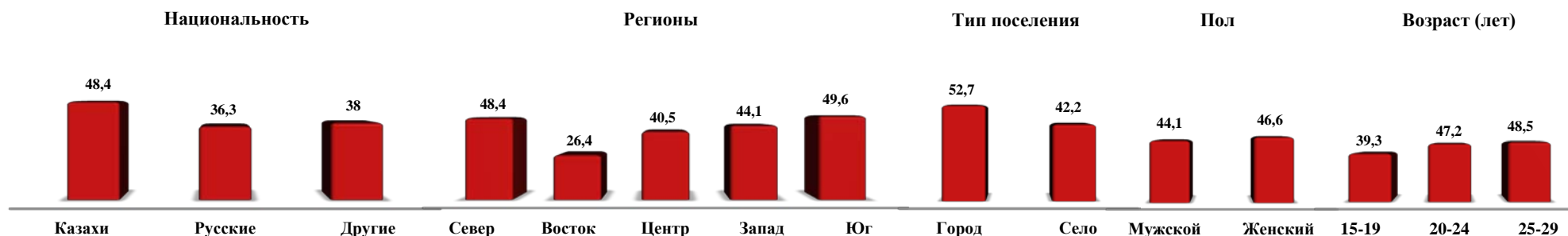
Принимаете ли Вы участие в жизни религиозной общины?
(% от числа верующих)

- Практически каждый 2-ой верующий молодой человек участвует в жизни своей религиозной общины. В основном это касается казахоязычных казахов; женского пола; 25-29 лет; уроженцев малых городов; юга и севера республики. С точки зрения конфессиональной принадлежности наиболее активно ведут себя приверженцы ислама и представители религиозных меньшинств.
- В 1,1 раз меньше – не участвуют. Пассивные верующие чаще встречаются среди русскоязычных казахов (68,6%); мужского пола (45,1%); 15-19 лет (45,2%); уроженцев сел (46,8%); востока страны (67%).

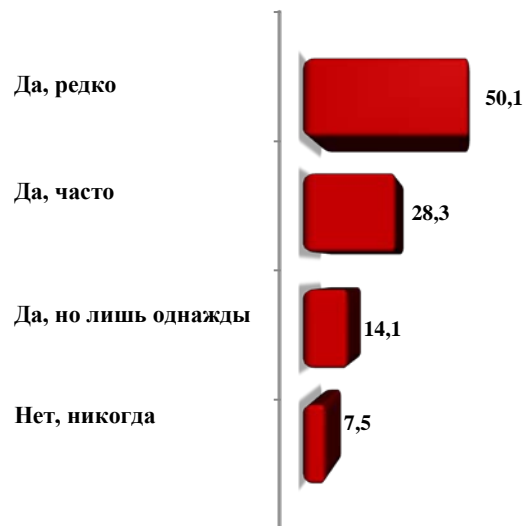

Показатели участия в религиозной жизни общины в группах верующих (%):

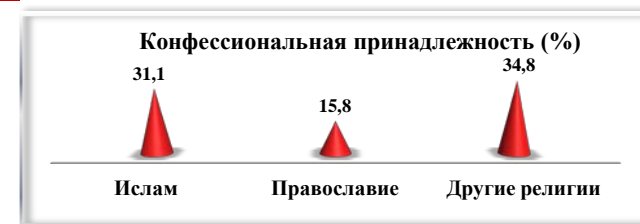

Регулярность посещения религиозных учреждений

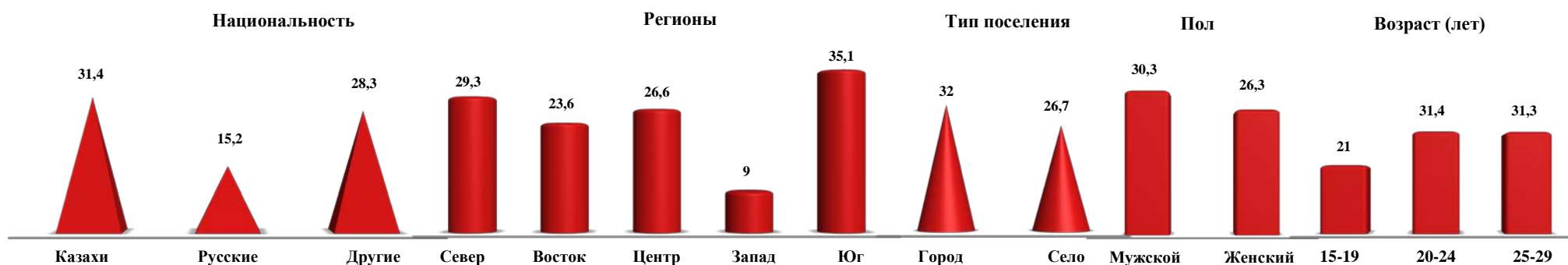
Посещаете ли Вы мечеть/церковь/синагогу/молельные дома и как часто?
(% от числа верующих)

- В общей сложности 92,5% из числа верующих хотя бы раз посещали религиозные учреждения (мечеть, церковь и др.). Из них 64,2% - редко либо однажды. Каждый 13-й никогда не делал этого. Вместе последние составляют 71,7%.
- Удельный вес часто посещающих в 2,5 раз меньше этой цифры. Активнее всего они представлены среди казахоязычных казахов; мужского пола; 20-29 лет; уроженцев малых городов; юга, севера и центра республики.
- Частота посещений религиозных учреждений выше среднего значения – в группах приверженцев ислама и религиозных меньшинств.

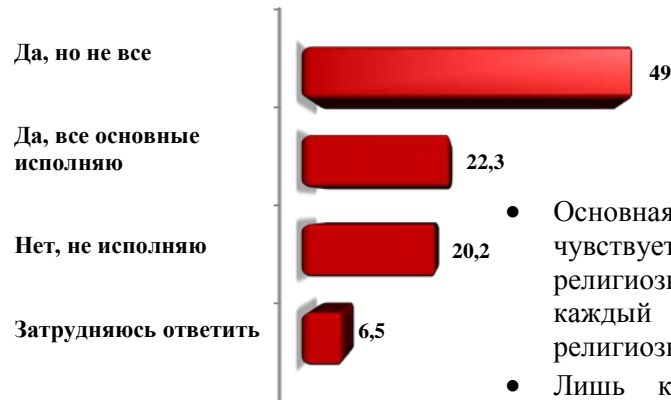

Показатели частого посещения религиозных учреждений в группах верующих (%):

Исполнение основных религиозных предписаний и обрядов

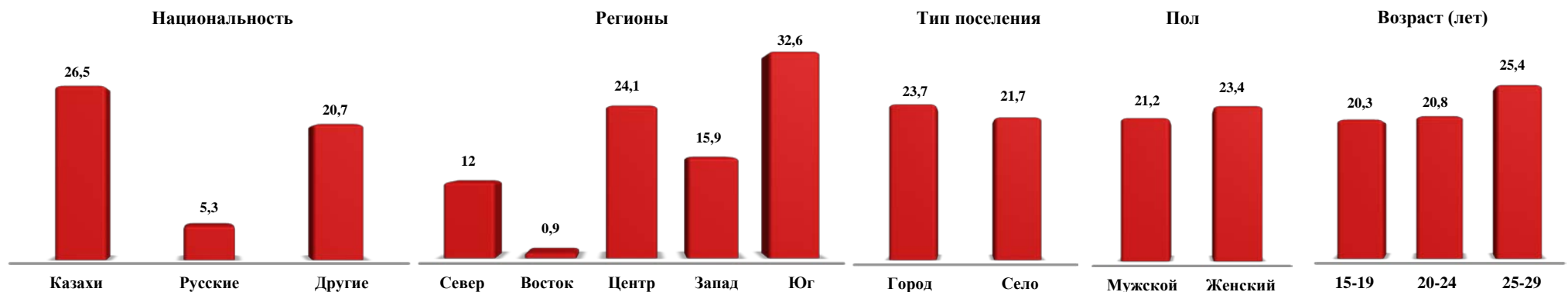
Исполняете ли Вы основные предписания и обряды?
(% от числа верующих)

- Основная масса опрошенных верующих (75,7%, включая неопределившихся) чувствует себя относительно свободной от исполнения всех основных религиозных предписаний и обрядов, выполняя лишь часть из них. При этом каждый 5-й, называющий себя верующим, вообще манкирует всяческие религиозные каноны и предписания.
- Лишь каждый 5-й в составе верующих является последовательным приверженцем религиозных предписаний и обрядовых традиций. Их удельный вес более существенен среди верующих исламского вероисповедания и представителей религиозных меньшинств; казахоязычных казахов; женского пола; 25-29 лет; уроженцев малых городов; юга и центра республики.

Доли исполняющих все основные религиозные предписания и обряды в группах верующих (%):

Паломничество к святым местам

Совершаете ли Вы паломничество к святым местам?
(% от числа верующих)

- Совокупная доля верующих, кто хотя бы раз совершил паломничество к святым местам – 42,1%. Из них 31% – частые паломники.
- Наиболее активные паломники – казахоязычные верующие; исламского вероисповедания; южане; сельские жители; 15-19 летние.
- Каждый 9-й верующий лишь однажды посетил святые места. Главным образом это – северяне (14,7%); жители малых городов (12%); русские (11,1%); 25-29 летние (11,7%).

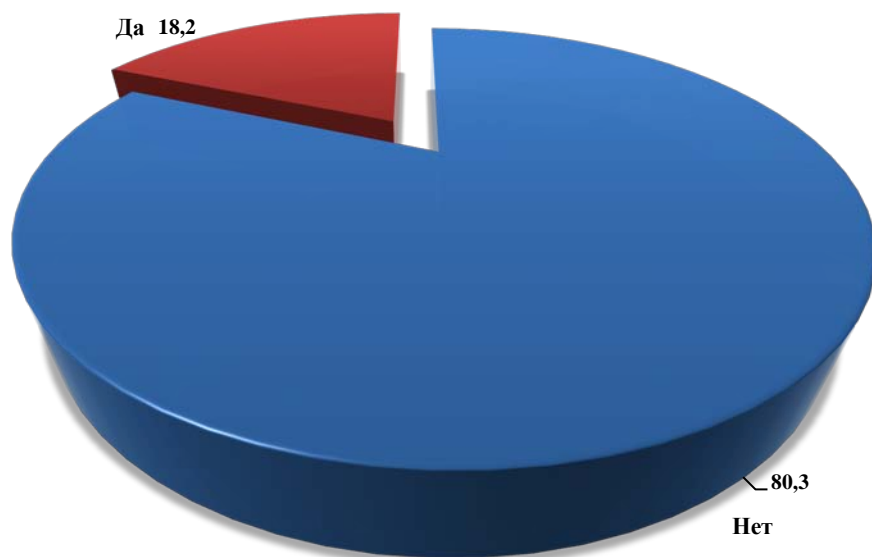
Совокупные доли часто совершающих паломничество к святым местам в группах верующих (%):

Степень методичности религиозного поведения верующих мусульман

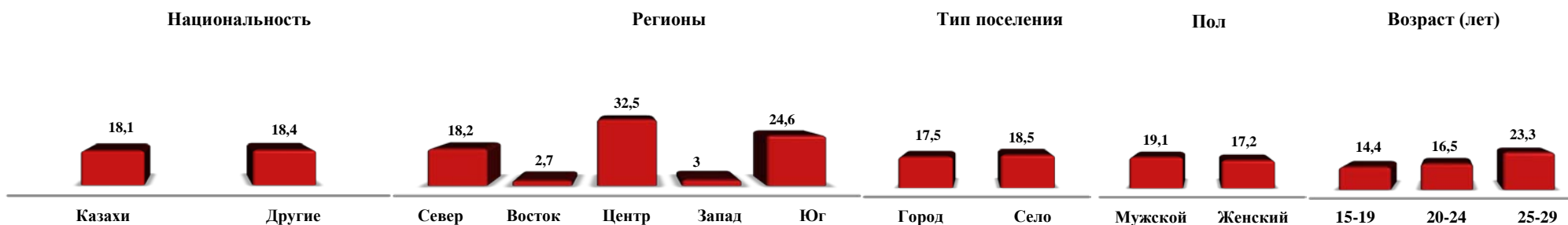
Совершение пятикратного намаза

Совершаете ли Вы ежедневно пятикратный намаз?
(% от числа верующих мусульман)

- В среднем лишь каждые 5-6-й регулярно совершают пятикратный намаз.
- «Ядро» этой категории респондентов составляют юноши/мужчины (55,1%); в возрасте 20-24 года (33,8%) и 25-29 лет (43,4%), средний возраст – 23 года; казахоязычные казахи (95,2%); уроженцы сел (72,8%), проживающие на юге республики (74,3%).
- Превышение среднего показателя регулярного совершения пятикратного намаза фиксируется: в разрезе регионально-поселенческих групп – в центре и на юге; среди сельской молодежи; в разрезе демографических групп – среди казахоязычных казахов; юношей/мужчин; 25-29 лет.

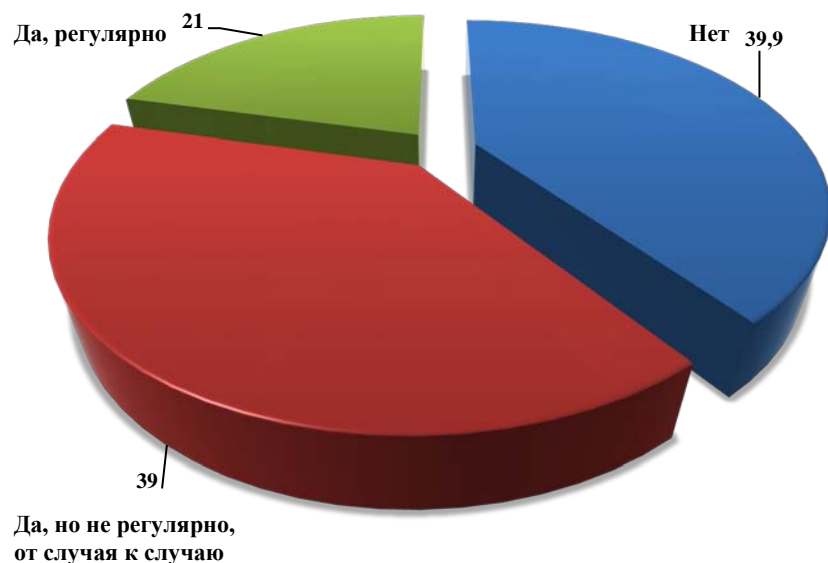
Доли ежедневно совершающих пятикратный намаз (%):

Примечание: На графике «национальность» не представлены показатели ответов респондентов русской национальности, исповедующих ислам, учитывая крайне малый объем их группы. Из 4 человек лишь 1 совершает пятикратный намаз.

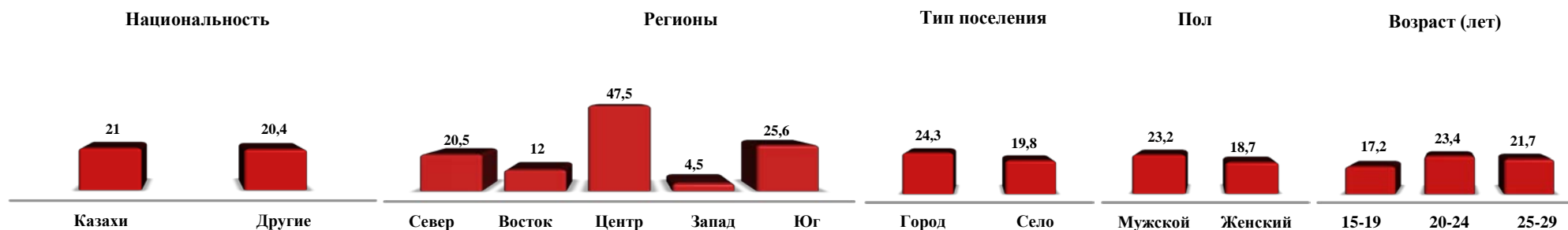
Участие в пятничной молитве

Участвуете ли Вы в пятничной молитве?
(% от числа верующих мусульман)

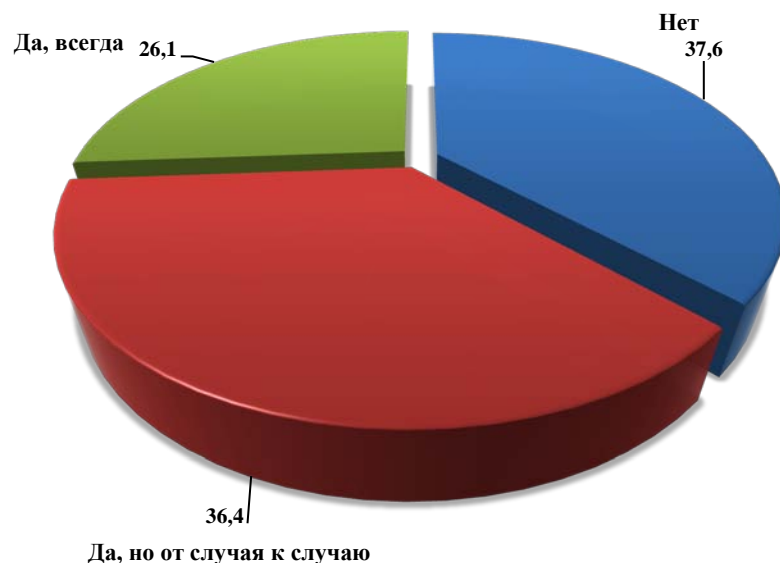
- Регулярное участие в пятничной молитве характеризует лишь 5-ую часть верующих мусульман. Величина этого показателя выше – в группе казахоязычных казахов; жителей центра; уроженцев малых городов; юношей/мужчин; 20-24 летних.
- «Ядро» регулярных участников пятничных молитв состоит из представителей мужского пола (58%); 20-24 лет (41,4%) и 25-29 лет (35%); казахоязычных казахов (96,6%); уроженцев сел (67,5%); южан (66,9%).
- В составе верующих мусульман доля регулярно участвующих в пятничной молитве в 1,2 раза больше доли регулярно совершающих пятикратный намаз.

Показатели регулярного участия в пятничной молитве (%):

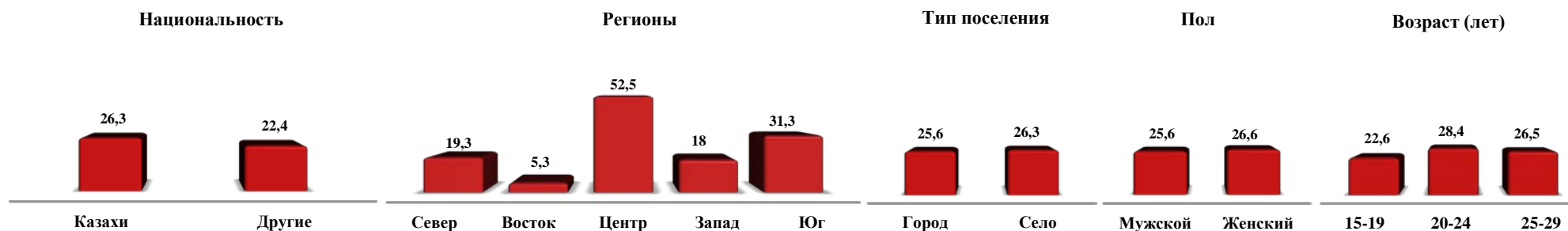
Соблюдение ураза

Соблюдаете ли Вы ураза в месяц Рамадан?
(% от числа верующих мусульман)

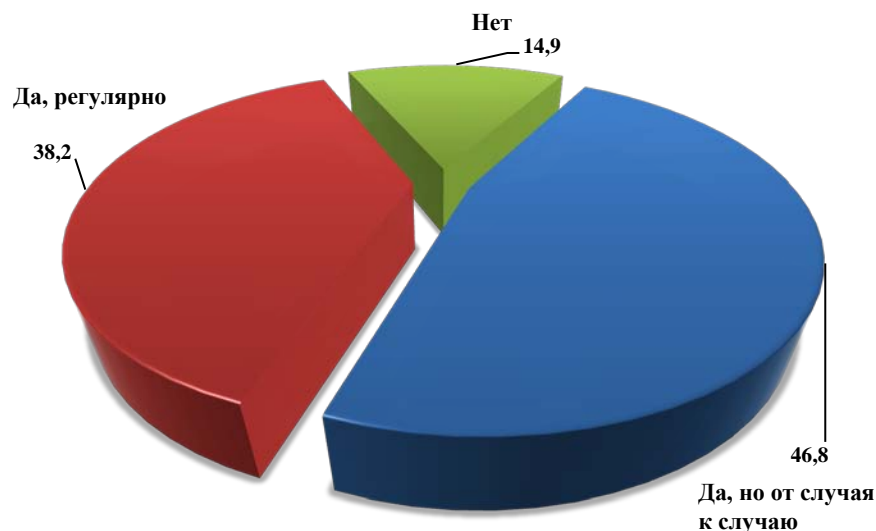
- Регулярно соблюдают ураза в месяц Рамадан – немногим более четверти опрошенных, идентифицирующих себя в качестве верующих мусульман. Максимальный показатель – в центре республики (в 2 раза выше среднего по массиву).
- «Ядро» регулярно соблюдающих ураза: юноши/мужчины (51,8%); 20-29 лет (74,9%); казахоязычные казахи (97,8%); уроженцы сел (72,3%); юга республики (66,2%).

Показатели регулярного соблюдения ураза (%):

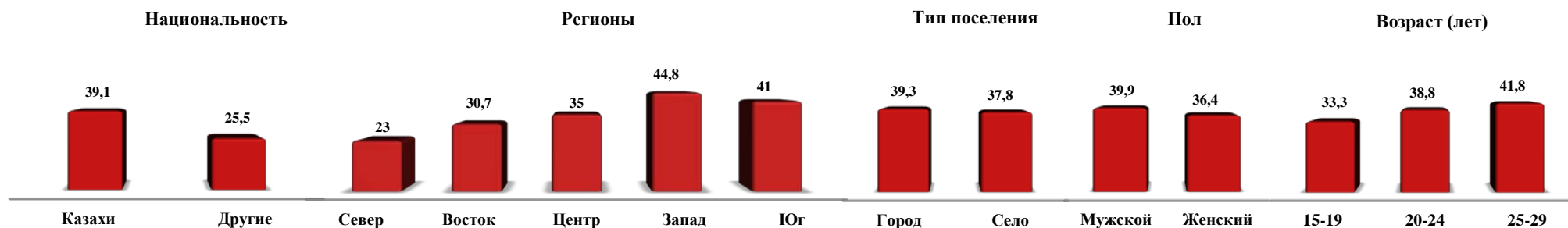
Раздача садака

Раздаете ли Вы садака?
(% от числа верующих мусульман)

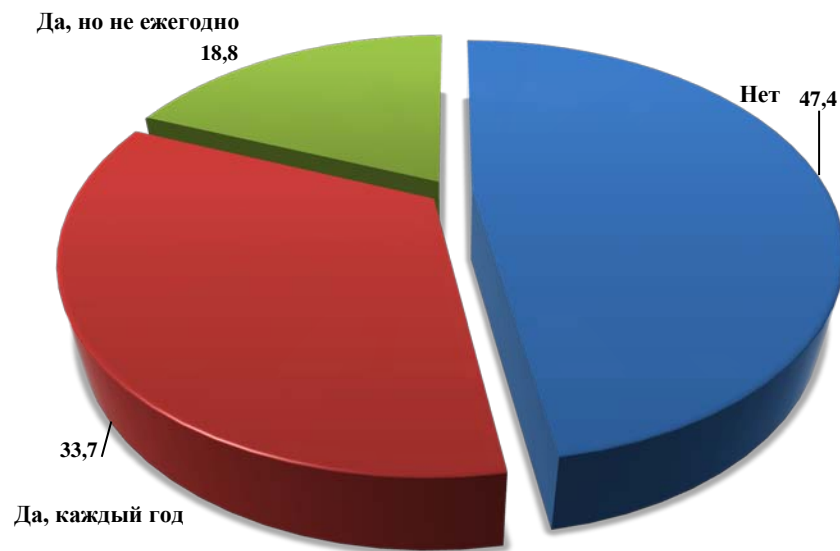
- Сравнительная социологическая статистика: в количественном отношении регулярно раздающих садака в 1,5 раз больше, чем регулярно соблюдающих ураза, в 1,8 раз – чем регулярно участвующих в пятничной молитве, в 2,1 раз – чем регулярно совершающих пятикратный намаз. В среднем немногим более трети строго соблюдают это религиозное требование.
- Максимальные значения показателя регулярной раздачи садака зафиксированы: среди казахоязычных казахов; на западе; в малых городах; среди юношей/мужчин; 25-29 летних.
- «Ядро» группы – юноши/мужчины (54,9%); 20-29 лет (74,6%); казахоязычные казахи (94,8%); сельчане (70,8%); уроженцы юга (58,8%).

Показатели регулярной раздачи садака (%):

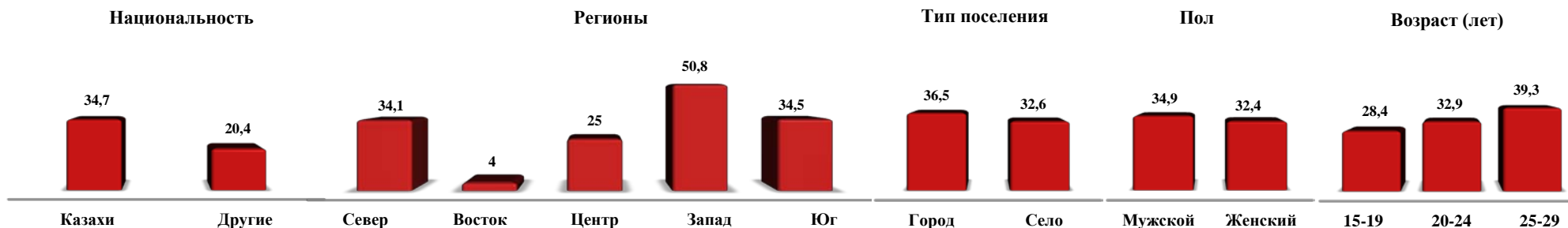
Уплата закята

Выплачиваете ли Вы каждый год закят?
(% от числа верующих мусульман)

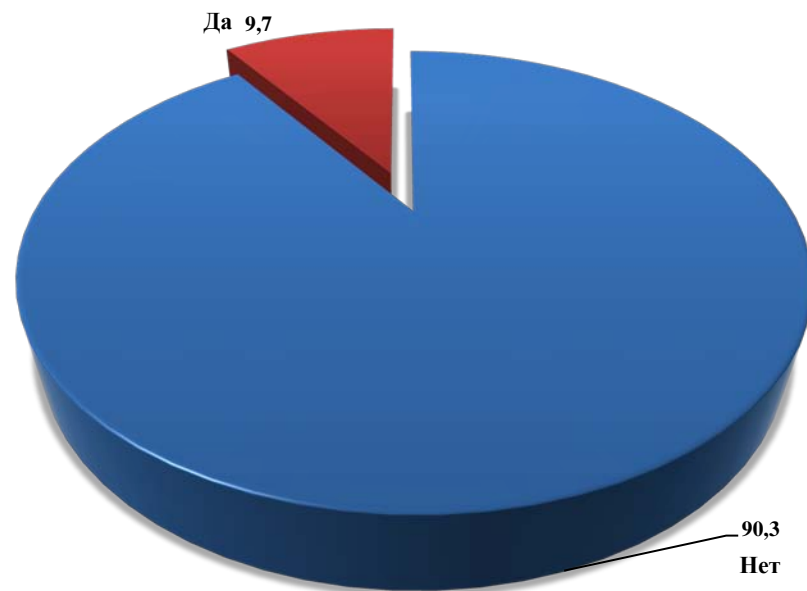
- Недоминантное большинство не платит закят. Из них 19,2% не имеют на это средств, а 28,2% никогда этого не делали.
- Среди верующих мусульман регулярная выплата закята производится в 1,1 раз реже по сравнению с регулярной раздачей садака. В среднем каждый 3-й строго соблюдает это требование.
- Интенсивность ежегодных выплат закята выше среднего показателя – на западе; в малых городах; среди казахоязычных казахов; представителей мужского пола; 25-29 летних.
- «Ядро» группы регулярных плательщиков закята – юноши/мужчины (54,6%); 20-29 лет (75,7%); казахоязычные казахи (93,8%); уроженцы сел (69,3%); южане (56,2%).

Показатели регулярной выплаты закята (%):

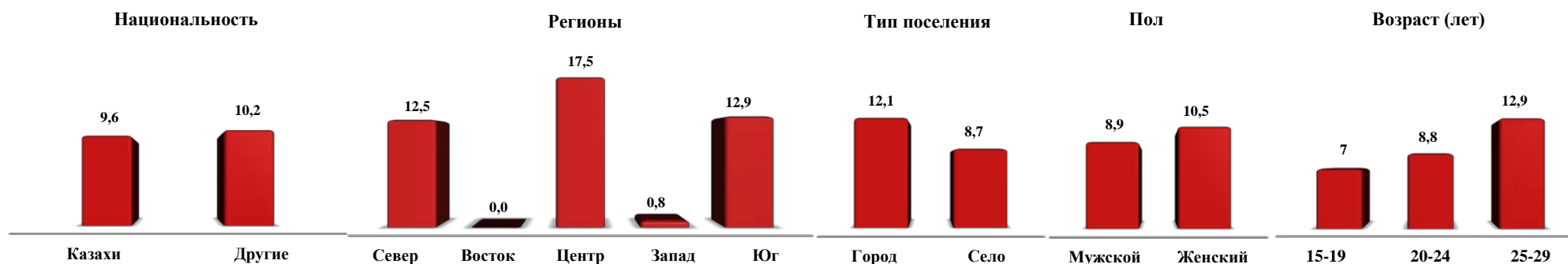
Ношение религиозной одежды

Носите ли Вы религиозную одежду?
(% от числа верующих мусульман)

- Каждый 10-й в группе верующих мусульман носит религиозную одежду.
- Частота упоминаний этого фактора выше, чем в среднем по группе – в центре (в 1,8 раз); среди уроженцев малых городов (в 1,2 раза); представителей других национальностей (в 1,1 раз); девушек/женщин (в 1,1 раз); 25-29 летних (в 1,3 раза).
- «Ядро» группы – девушки/женщины (52,1%); 20-29 лет (78,9%); казахоязычные казахи (95,5%); уроженцы сел (64,8%); южане (73,2%).

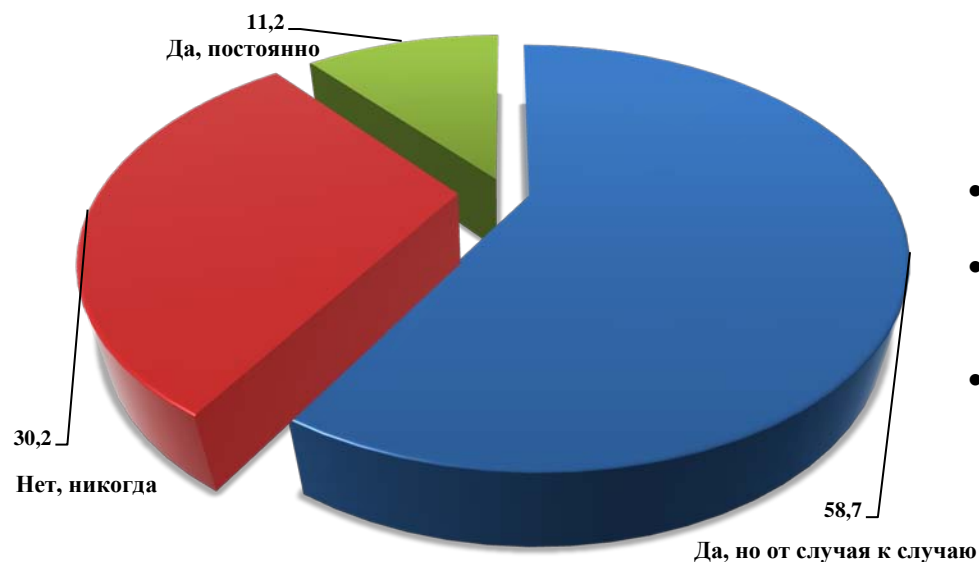
Показатели ношения религиозной одежды (%):

Степень методичности религиозного поведения православных христиан

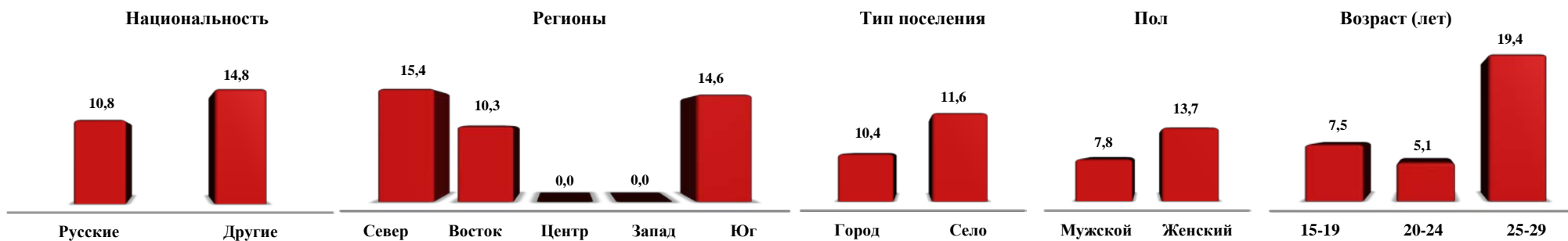
Творение молитвы

Совершаете ли Вы молитву?
(% от числа православных христиан)

- Совершают молитву – в общей сложности 69,9%, регулярно – лишь каждый 9-й в группе верующих христиан.
- Интенсивность совершения молитвы выше, чем в среднем по группе – на севере и юге (в 1,4-1,3 раза соответственно); среди уроженцев сел; представительниц женского пола (в 1,2 раза); 25-29 летних (в 1,7 раз).
- «Ядро» группы регулярно молящихся – девушки/женщины (70%); 20-29 лет (80%); русские (80%); уроженцы сел (65%); северяне (55%) и южно-казахстанцы (30%).

Показатели регулярного совершения молитвы (%):

Соблюдение христианских постов

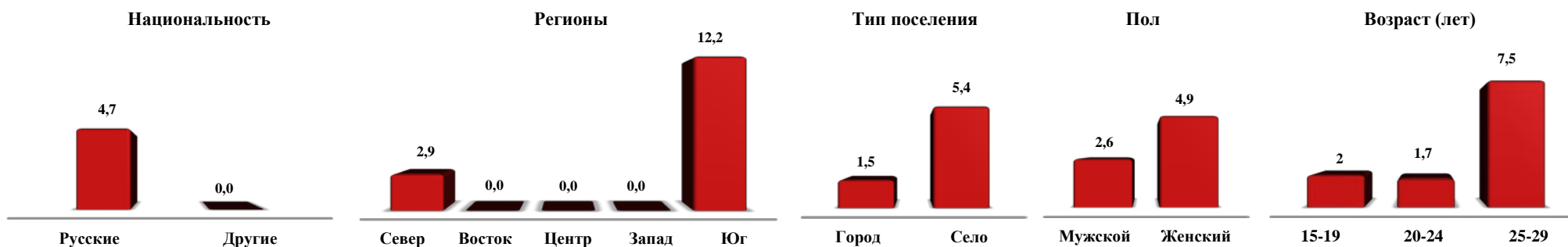
Соблюдаете ли Вы посты?

(% от числа православных христиан)

- В группе опрошенных, идентифицирующих себя в качестве православных христиан, лишь каждый 26-й строго соблюдает все христианские посты.
- Превышение среднего показателя по группе – на юге; среди уроженцев сел; представительниц женского пола; 25-29 летних.
- «Ядро» группы – девушки/женщины (71,4%); 20-29 лет (85,7%); русские (100%); сельчане (85,7%); жители юга республики (71,4%).
- Удельный вес строго соблюдающих все посты в 2,9 раз меньше, чем регулярно совершающих молитву.

Показатели строгого соблюдения всех постов (%):

Почитание христианских праздников

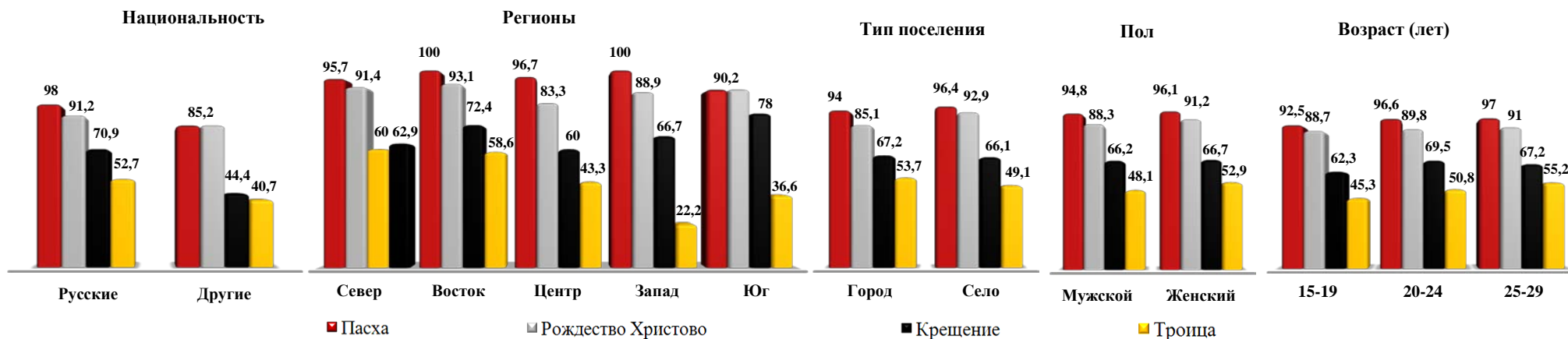
Какие из нижеуказанных христианских праздников
Вы в наибольшей степени почитаете и отмечаете?
(% от числа православных христиан)

- Наиболее почитаемые и отмечаемые христианские праздники:
 - ✓ Пасха
 - ✓ Рождество Христово
 - ✓ Крещение
 - ✓ Троица
- «Ядро» почитателей указанных христианских праздников состоит преимущественно из представительниц женского пола (более половины); 25-29 летних (более трети); русских (более 80%); сельчан (менее двух третей); северян (более трети).

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа.

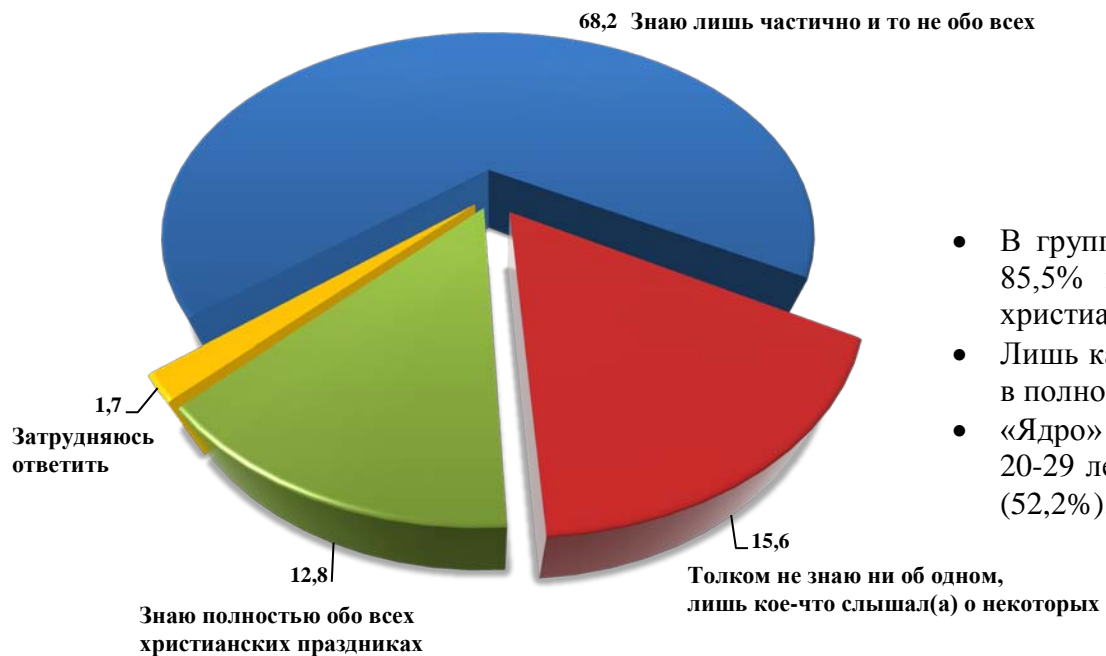
Наиболее часто упоминаемые христианские праздники (%):

Примечание: В составе верующих христиан 1,8% казахов (3 человека). Из них 2 отмечают Пасху и Рождество Христово, 1 – Троицу и Крещение.

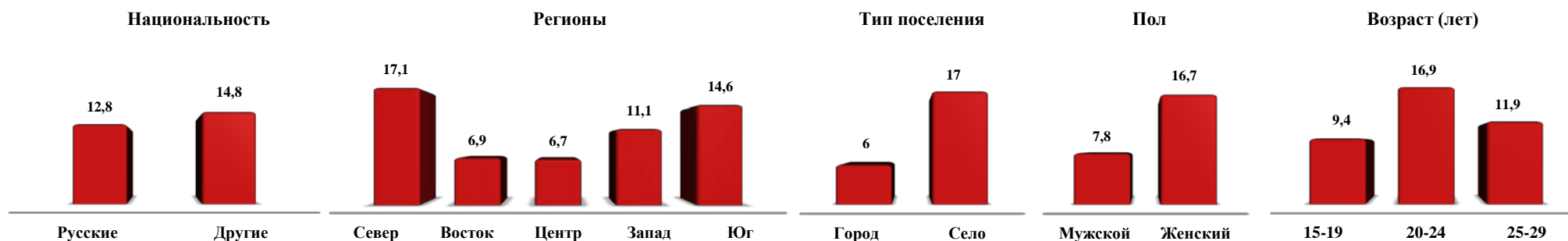
Знание сакрального содержания христианских праздников

Знаете ли Вы даты христианских праздников, кому и чему они посвящены?
(% от числа православных христиан)

- В группе респондентов, относящих себя к православным христианам, 85,5% не осведомлены ни о датах, ни о сакральном содержании христианских праздников.
- Лишь каждый 8-й в составе группы считает, что обладает этим знанием в полной мере.
- «Ядро» осведомленного меньшинства – девушки/женщины (73,9%); 20-29 летние (78,3%); русские (82,6%); уроженцы сел (82,6%); северяне (52,2%).

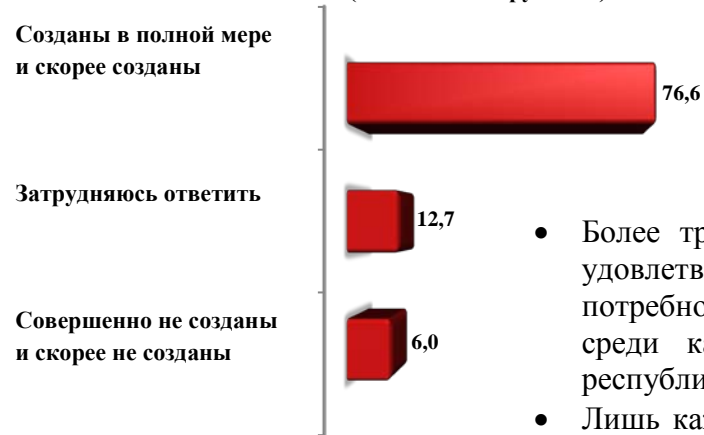
Распределение показателей ответов о полном знании всех христианских праздников (%):

Характер религиозности

Степень удовлетворенности условиями реализации религиозных потребностей

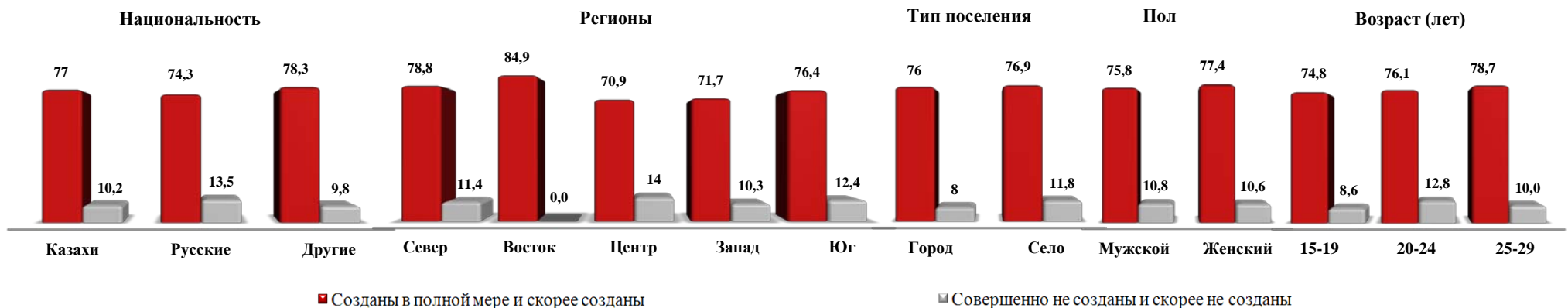
В какой мере, на Ваш взгляд, созданы условия для удовлетворения Ваших религиозных потребностей?
(% от числа верующих)

- Более трех четвертей верующих в большей или меньшей степени удовлетворены условиями реализации своих религиозных потребностей. Превышение среднего показателя удовлетворенности – среди казахоязычных казахов; 25-29 лет; на востоке и севере республики.
- Лишь каждый 17-й из числа верующих не совсем удовлетворен либо совершенно не удовлетворен. В составе указанной категории верующих наиболее активно представлены – русские; представители религиозных меньшинств; женского пола; 25-29 лет; уроженцы севера и востока республики.

Распределение совокупных показателей удовлетворительных и неудовлетворительных оценок в группах верующих (%):

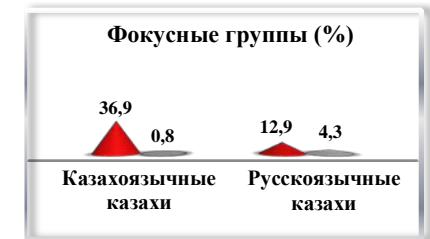

Состав власти: религиозный критерий

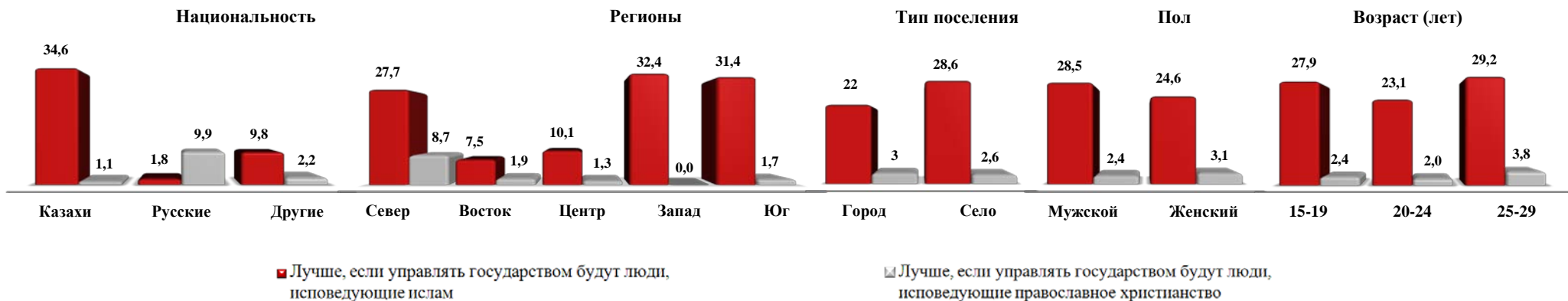
Кого бы Вы хотели видеть на высших государственных должностях с точки зрения их вероисповедания?
(% от числа верующих)

- В общем целом 57% из числа верующих не имеют религиозных установок относительно формирования государственной элиты страны. При этом практически для каждого 2-ого верующего характер вероисповедания назначенца на высшую государственную должность не имеет значения, а каждый 9-й – вообще противник религиозной принадлежности высших должностных лиц. Совокупные доли указанных категорий верующих варьируют от 51,6% на севере до 71,7% на востоке республики.
- Наличие религиозных установок характеризует 29,3% верующих в составе случайной выборки, главным образом исповедующих ислам.
- «Ядро» исламистов, желающих видеть на высших государственных должностях людей своего вероисповедания – казахоязычные казахи (96,4%); мужского пола (54,2%); 20-29 лет (69,3%); уроженцы сел (75%); южане (56,8 %).

Показатели религиозных предпочтений в группах верующих (%):

Религиозный фактор в иерархии «начальник-подчиненный»

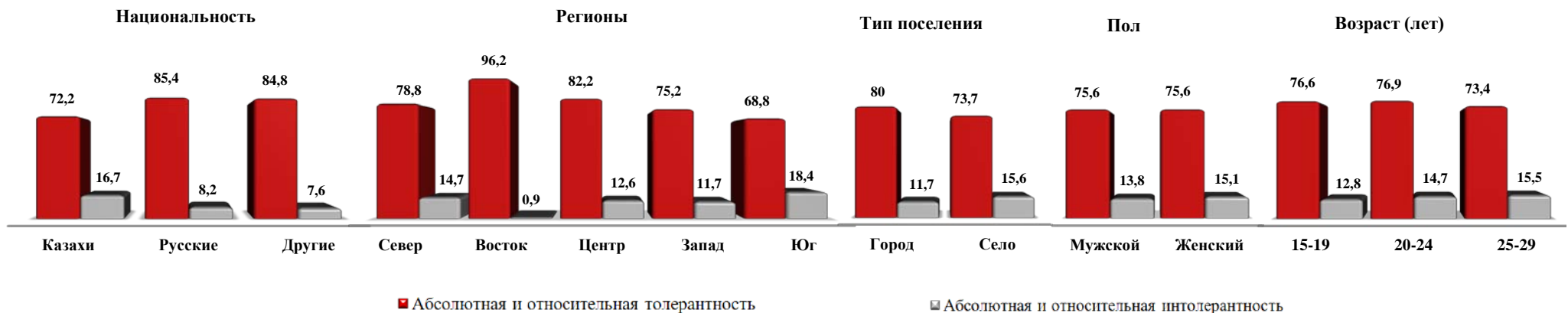
Считаете ли Вы приемлемым для себя учиться/работать под руководством человека другого вероисповедания? (% от числа верующих)

- Для большинства опрошенных верующих (75,6%) не имеет значения, какого вероисповедания человек, под началом которого им приходится учиться/работать, в том числе если он не имеет религиозных предрассудков.
- Наиболее высокие показатели религиозной толерантности – на востоке, севере и в центре; среди верующих неказахской национальности; исповедующих православное христианство и другие религии; уроженцев малых городов.
- Уровень религиозной интолерантности – в общей сложности 14,4%. Превышение среднего показателя – на юге; среди уроженцев сел; казахов; женского пола; 20-29 лет; исповедующих ислам.
- «Ядро» религиозных радикалов («неприемлемо ни при каких условиях») – казахоязычные казахи (93,6%); исповедующие ислам (87,1%); мужского пола (57,6%); 20-29 лет (69,4%); уроженцы сел (75,3%); южане (68,2%).

Показатели степени религиозной толерантности в группах верующих (%):

Отношение к инаковерующим

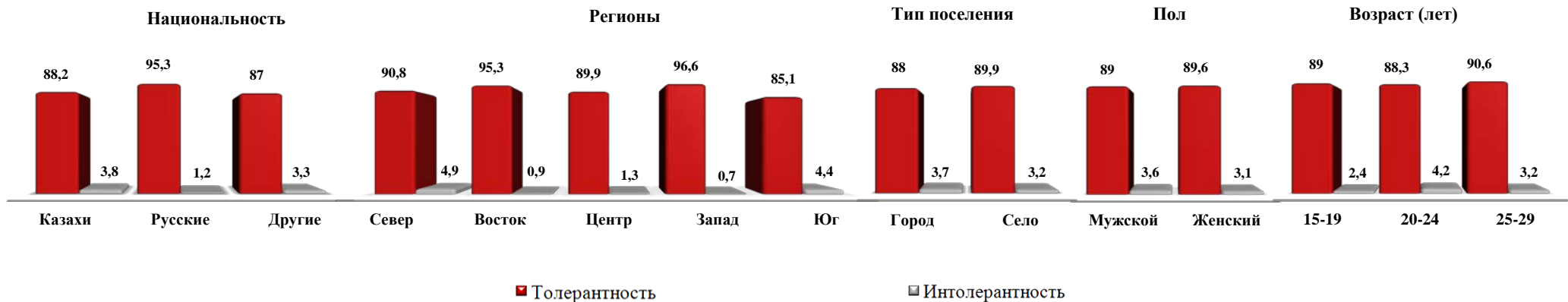
Как Вы относитесь к людям, не разделяющим Ваши религиозные взгляды?
(% от числа верующих)

- Уровень толерантности молодых верующих разных конфессий – в среднем 89,3%. Наиболее высокие показатели толерантности – в группах верующих, исповедующих православное христианство; на западе, востоке и севере; уроженцев сел; русской национальности; 25-29 лет.
- Уровень интолерантности – в среднем 3,3%. «Ядро» этой малочисленной группы – казахоязычные казахи (71,4%), среди которых абсолютное большинство исповедует ислам (90,9%); 20-29 летние (78,7%); юноши/мужчины (54,5%); уроженцы сел (66,7%); юга республики (63,6%).

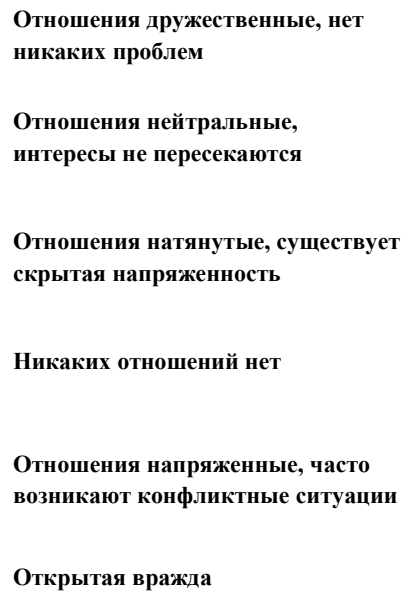
Распределение совокупных показателей толерантности/интолерантности в группах верующих (%):

Межрелигиозные отношения

Оценка состояния межрелигиозных отношений

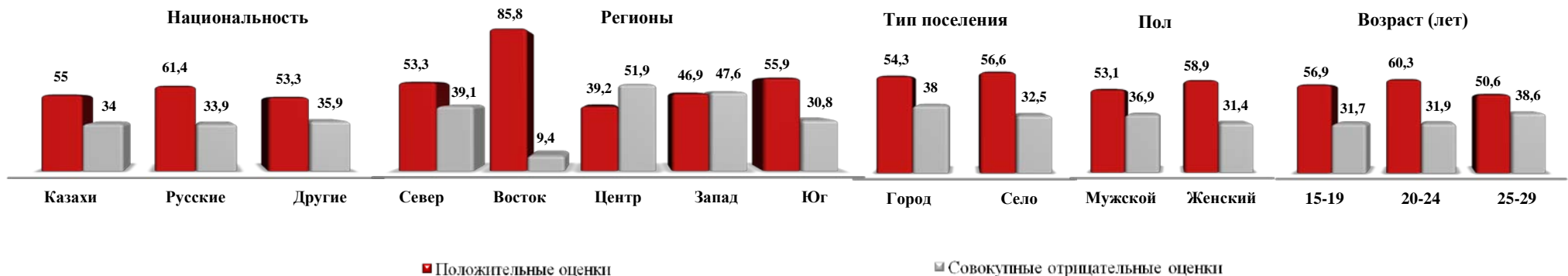
Как бы Вы охарактеризовали отношения между молодыми людьми разных религиозных групп в местности, где Вы проживаете? (% от числа верующих)

- Более половины верующих респондентов (определяющих себя таковыми) характеризуют межрелигиозные отношения молодежи в местности проживания как дружественные. Это доминантная тенденция в большинстве обследованных групп верующих независимо от конфессиональной принадлежности.
- В общей сложности 33,2% негативно оценивают межрелигиозные отношения с разной степенью жесткости: от констатации межрелигиозной отчужденности до признания открытой вражды. Наиболее высокий уровень критического настроения в оценке межрелигиозных отношений – в группах верующих в центре, на западе и севере; русскоязычных казахов; представителей религиозных меньшинств.
- «Ядро» критично оценивающих межрелигиозные отношения в молодежной среде – казахоязычные казахи (87,3%); мужского пола (55,5%); 20-29 лет (74,6%); уроженцы сел (63,7%); юга (38,7%), запада (22,5%) и севера (22,2%); исповедующие ислам (75,4%).

Распределение показателей положительных и совокупных отрицательных оценок в группах верующих (%):

Степень открытости для межрелигиозных отношений

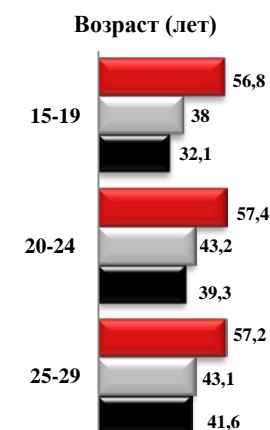
Какие отношения Вы готовы иметь с представителями другой религиозной группы?

(% от числа верующих)

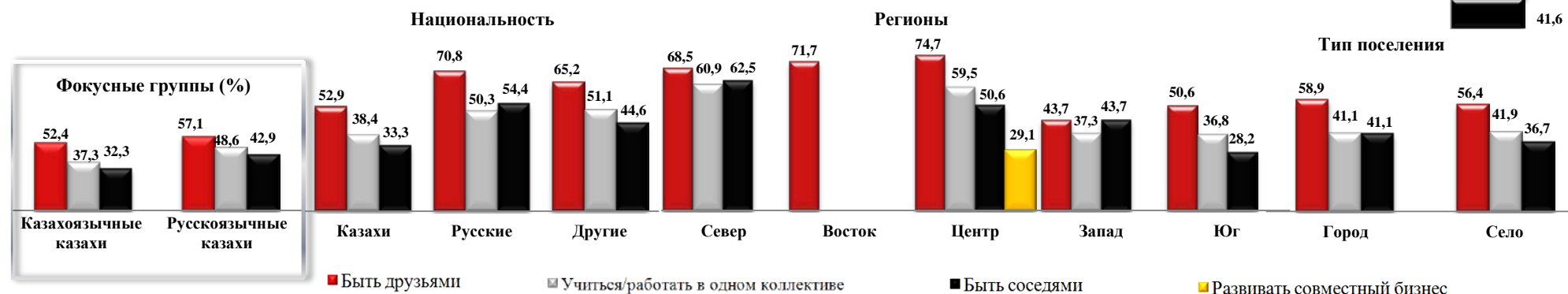

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа. На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов, отражающие устойчивость группового мнения (не менее 25% совпадений).

- В преобладающем большинстве случаев верующие разных конфессий открыты для дружеских отношений с представителями других религиозных групп. В частых случаях – готовы учиться/работать в одном коллективе, быть соседями.
- Религиозные предрассудки фиксируются на уровне готовности к развитию совместного бизнеса и создания семьи, требующих более тесных, доверительных отношений. Большинство закрыто для таких отношений. Лишь каждые 7-й и 12-й соответственно готовы к ним. По показателям готовности к разным видам отношений наиболее закрытой группой являются респонденты, исповедующие ислам.
- «Ядро» радикально настроенных верующих («не хочу иметь никаких отношений») – казахоязычные казахи (98,7%); исламисты (84%); мужского пола (54,3%); 20-29 лет (68,1%); уроженцы сел (70,2%); южного региона (66%).

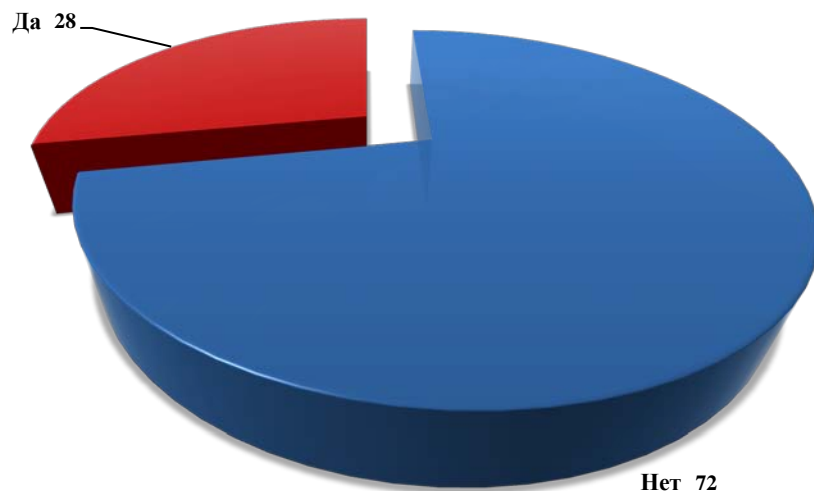
Распределение показателей наиболее предпочтительных видов отношений в группах верующих (%):

Членство в религиозных организациях

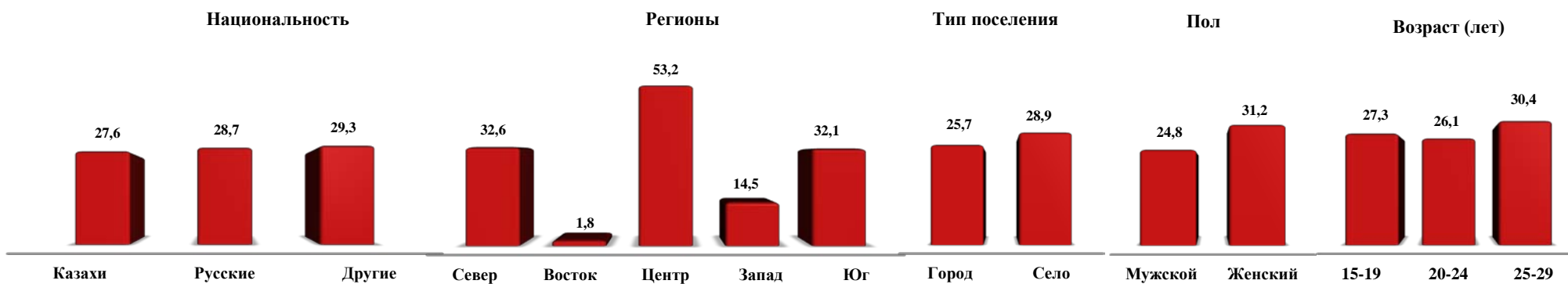
Уровень вовлеченности в религиозные организации

Являетесь ли Вы членом религиозной организации?
(% от числа верующих)

- В составе верующих молодых людей каждые 3-4-й являются членами религиозных организаций, среди 25-29 летних – около трети.
- Девушки в 1,3 раза чаще, чем юноши, оказываются вовлеченными в деятельность религиозных организаций.
- Наиболее высокие показатели членства в религиозных организациях зафиксированы среди представителей иноэтнических групп; на севере, юге и в центре (максимальный показатель – в 1,9 раз выше среднего показателя).

Доли членов религиозных организаций в группах верующих (%):

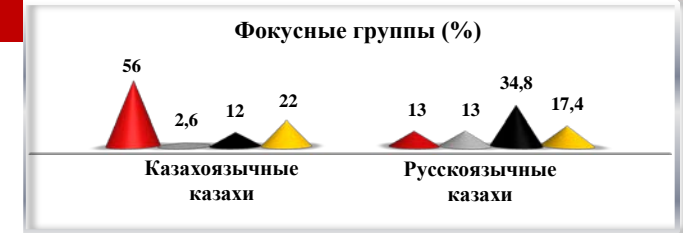
Конфессиональная направленность религиозных организаций

К какому направлению относится Ваша религиозная организация?

(% от числа членов)

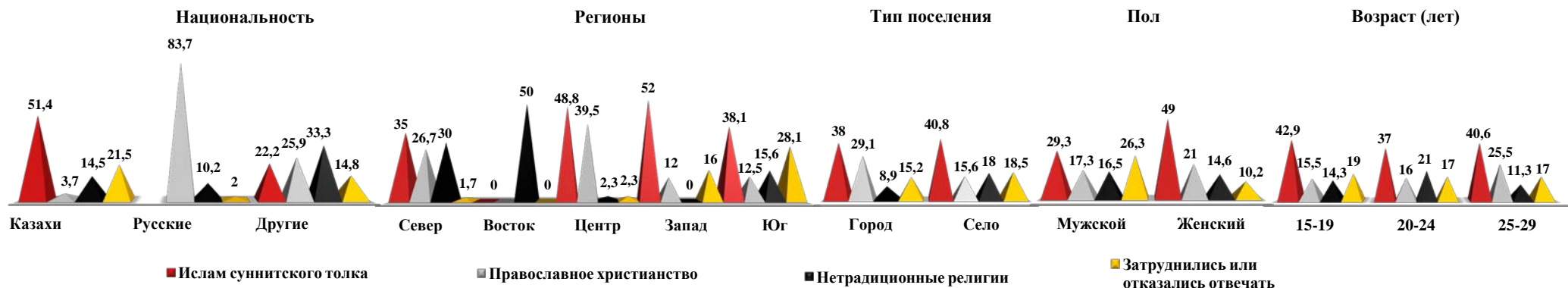

Примечание: Среди членов организаций других направлений ислама 7,2% - шииты.

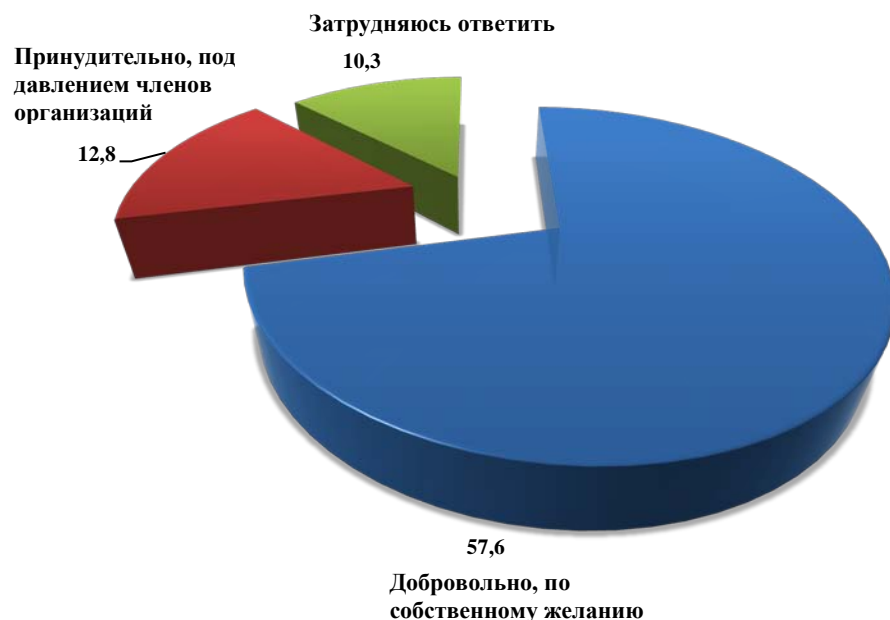
- Более трети – члены исламских организаций суннитского толка. Главным образом казахоязычные казахи; женского пола; 15-19 лет и 25-29 лет; на западе республики.
- «Весомый» сегмент группы – неопределившиеся и отказавшиеся указать направленность своих религиозных организаций. Их больше всего среди казахоязычных казахов; мужского пола; 15-19 лет; уроженцев сел; юга и севера страны.
- Каждый 5-й – член организаций православно-христианской направленности. В основном русские; женского пола; 25-29 лет; уроженцы малых городов; центрального региона.
- В общей сложности 15,5%, по их собственному признанию – члены нетрадиционных религиозных организаций исламского, протестантского, оккультного, ориенталистского толка, большая часть которых имеет характер деструктивных сект. Они в более частых случаях встречаются среди представителей иноэтнических групп; мужского пола; 20-24 лет; уроженцев сел; севера и востока республики.

Показатели конфессиональной принадлежности в группах членов религиозных организаций (%):

Характер вовлечения в религиозные организации

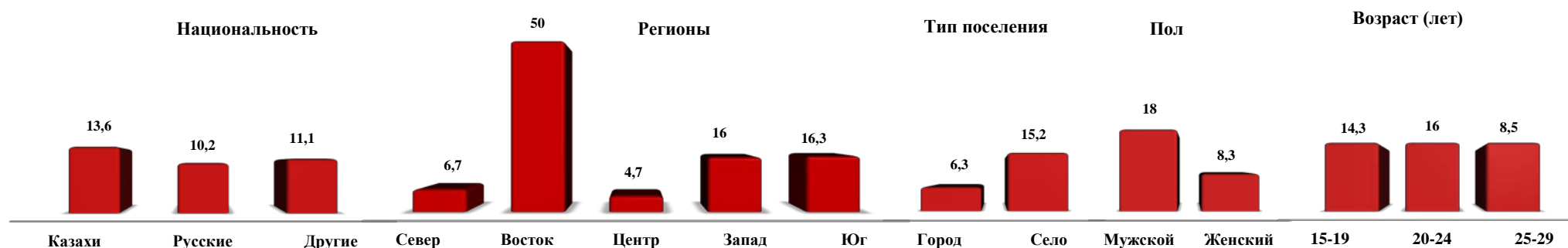
Каким образом Вы стали членом религиозной организации?
(% от числа членов)

- По признанию преобладающего большинства, их членство в религиозных организациях носит добровольный характер. Это доминантный тренд во всех обследованных группах членов религиозных организаций.
- Каждый 8-й отмечает принудительный характер своей принадлежности к религиозной организации. Преимущественно это члены организаций исламской направленности; казахи, главным образом русскоязычные; мужского пола; 20-24 лет; уроженцы сел; юга республики.
- Каждый 10-й уклонился от ответа.

Показатели принудительного членства в религиозных организациях в зависимости от регионально-поселенческих, демографических и конфессиональных характеристик (%):

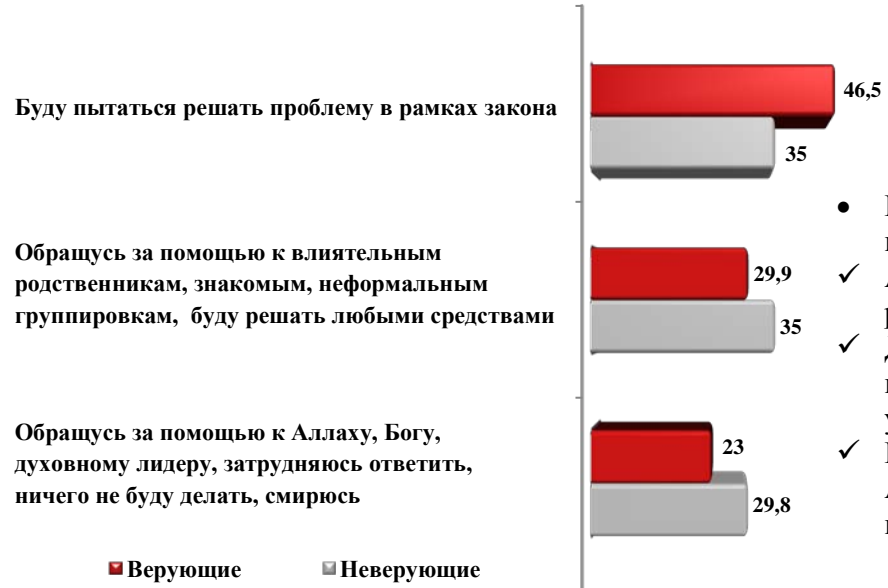

Примечание: На востоке лишь 2 человека вовлечены в религиозные организации. 1 – добровольно, 1 – принудительно. Он и дает 50% на графике.

Религиозные риски: Сравнительные оценки верующих и неверующих

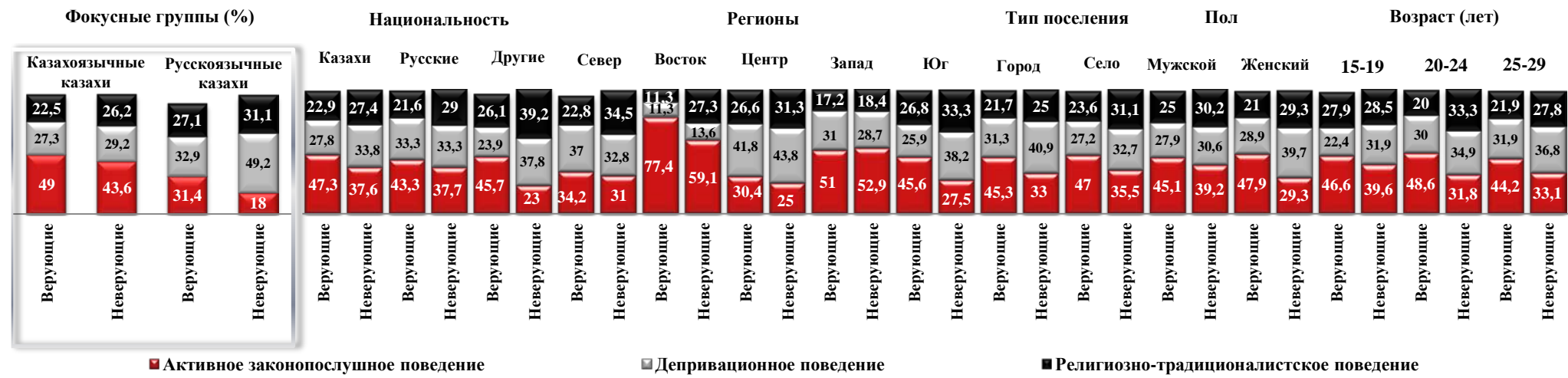
Модели потенциального поведения: риск девиаций

Если Вам не удастся решить беспокоящую Вас проблему, то какими могут быть Ваши действия?
(% от числа верующих и неверующих)

- Наиболее распространенными моделями поведения в качестве ответной реакции на неспособность решить проблему являются:
- ✓ Активное законопослушное поведение (частота упоминаний среди верующих в 1,3 раза выше, чем среди неверующих)
- ✓ Депривационное поведение – «обращусь к влиятельным родственникам, неформальным группировкам, буду решать любыми средствами» (частота упоминаний в 1,2 раза выше среди неверующих по сравнению с верующими)
- ✓ Религиозно-традиционалистское поведение – ожидание спасительной помощи Бога, Аллаха, духовного лидера, неопределенность, пассивность, смирение (разрыв в показателях верующих и неверующих – 1,3 раза).

Наиболее распространенные модели потенциального поведения в группах верующих и неверующих (%):

Примечание: На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов не менее 10%.

Влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи. Демографический срез

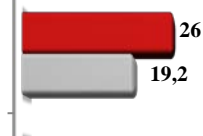
Как бы Вы оценили влияние нетрадиционных религиозных объединений и сект на сознание молодежи?
(% от числа верующих и неверующих)

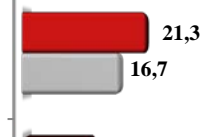
Неинформированные о деятельности сект и неопределившиеся

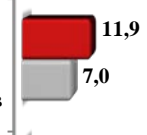
Все нетрадиционные секты отрицательно влияют на молодежь, так как они – продукт иностранного влияния и несут угрозу национальной безопасности, способствуя росту религиозного фанатизма, экстремизма и терроризма

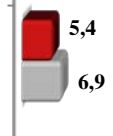
Проникновение нетрадиционных сект в молодежную среду опасно, так как они пропагандируют идеи и ценности, несовместимые с нашей культурой и обычаями

Нетрадиционные конфессии оказывают положительное влияние на молодежь, они распространяют нравственные ценности, оказывают материальную и духовную помощь молодым людям в трудные периоды их жизни

Наличие нетрадиционных сект полезно, так как они препятствуют распространению наркотиков и алкоголя в молодежной среде

■ Верующие ■ Неверующие

- Верующая молодежь более критична в оценке влияния нетрадиционных конфессий на сознание своих сверстников, чем неверующая. Разрыв в показателях совокупных негативных оценок между ними – в 1,3 раза (47,3% против 35,9% соответственно). Максимальная концентрация негативных оценок верующих и неверующих – в группах казахоязычных казахов.
- Совокупная доля верующих, положительно оценивающих влияние нетрадиционных конфессий – 17,3%, что в 1,2 раза больше соответствующей доли неверующих (13,9%).
- «Ядро» верующих, лояльных к нетрадиционным конфессиям – казахоязычные казахи (89,5%); исламского вероисповедания (77,3%); женского пола (59,9%); 20-24 лет (37,2%).
- «Ядро» неверующих, лояльных к нетрадиционным конфессиям – казахоязычные казахи (74,3%); мужского пола (66,7%); 15-19 лет (30,1%) и 20-29 лет (69,8%).

Распределение совокупных показателей положительных и отрицательных оценок в группах верующих и неверующих (%):

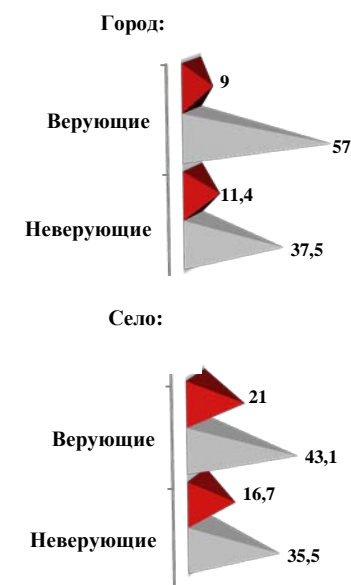
■ Совокупные положительные оценки ■ Совокупные отрицательные оценки

Влияние нетрадиционных конфессий на сознание молодежи. Регионально-поселенческий срез

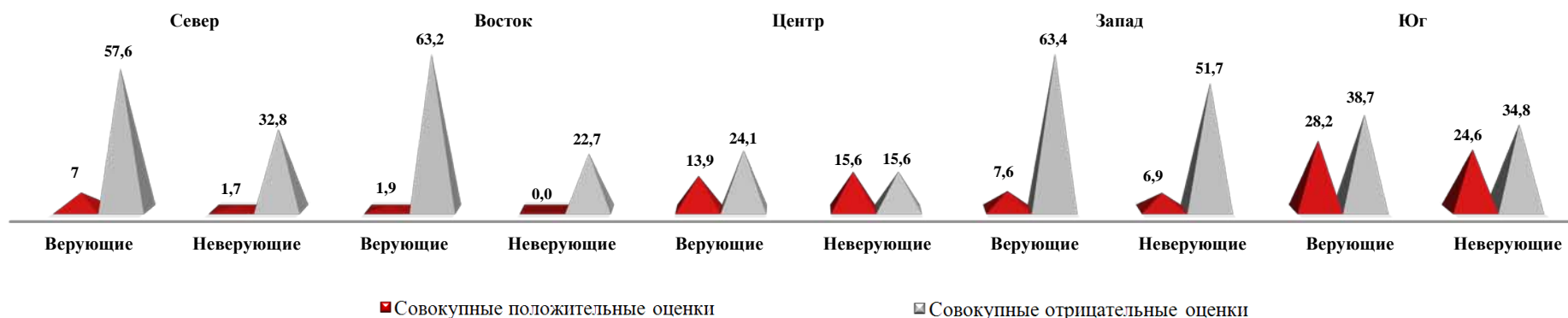
Как бы Вы оценили влияние нетрадиционных религиозных объединений и сект на сознание молодежи?
(% от числа верующих и неверующих)

- В разрезе малых городов: Верующие в 1,5 раз чаще, чем их неверующие сверстники, дают положительную оценку влияния нетрадиционных религиозных организаций и сект на сознание молодежи и в 1,3 раза реже – отрицательную оценку.
- В разрезе сел отмечается сходная ситуация. Разрыв в показателях положительных оценок верующих и неверующих несколько меньше по сравнению с горожанами – 1,3 раза. Разрыв в показателях отрицательных оценок между ними – в 1,2 раза.
- Среди сельских верующих в 2,3 раза больше лояльно относящихся к нетрадиционным конфессиям, чем среди городских. Сходная тенденция отмечается и в группах сельских и городских неверующих – в 1,5 раз больше соответственно.
- В разрезе регионов по показателям лояльного отношения к нетрадиционным конфессиям верующих и неверующих выделяются юг и центр.
- Во всех регионах преобладает отрицательное отношение как верующих, так и неверующих. Наиболее критично настроены верующие востока и запада.

В разрезе типов поселения (%):

Распределение совокупных показателей положительных и отрицательных оценок в группах верующих и неверующих в разрезе регионов (%):

Причины вовлечения молодежи в религиозные экстремистские организации

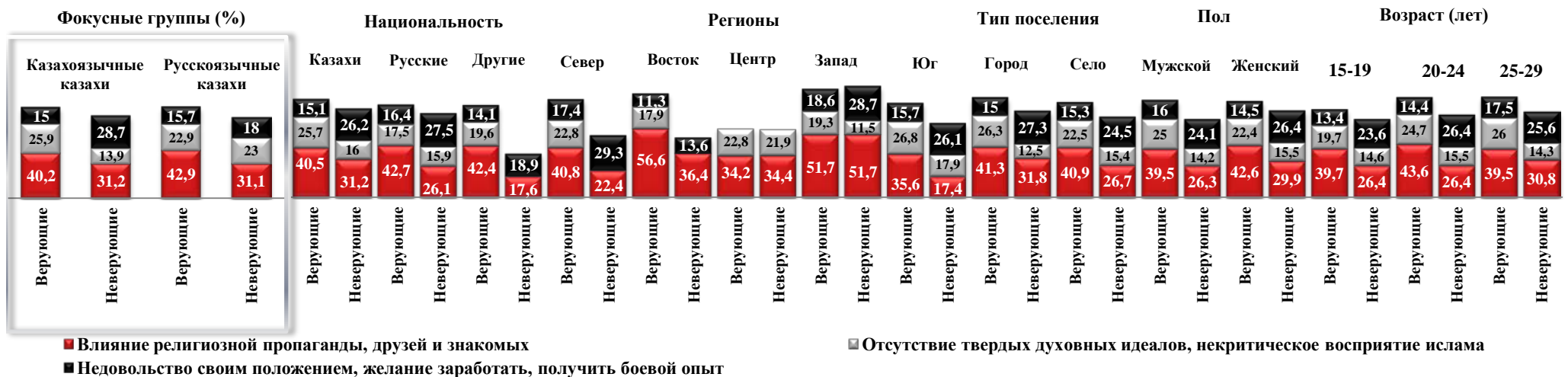
Как Вы думаете, почему молодые люди вступают в религиозные экстремистские организации и встают на путь джихада?
(% от числа верующих и неверующих)

- Главная причина, отражающая устойчивость группового мнения как верующей, так и неверующей молодежи (более 25% совпадений) – влияние религиозной пропаганды, друзей и знакомых. Частота упоминаний этой причины среди верующих в 1,5 раз выше, чем среди неверующих. Наиболее высокие показатели указанной причины в составе верующих – среди исповедующих православное христианство; русскоязычных казахов; женского пола; 20-24 лет; уроженцев малых городов; востока и запада республики; в составе неверующих – среди указанных категорий с добавлением казахоязычных казахов, но более старшего возраста – 25-29 лет;
- В отличие от неверующих верующие на 2-ое место поставили отсутствие твердых духовных идеалов и некритическое восприятие ислама (главным образом исламисты; казахоязычные казахи; мужского пола; 25-29 лет; уроженцы городов; южане). Неверующие 2-ой по значимости причиной указали недовольство своим положением, желание заработать и получить боевой опыт (чаще всего русскоязычные казахи; женского пола; 20-24 лет; уроженцы малых городов; юга и запада страны).

Примечание: На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов более 10%.

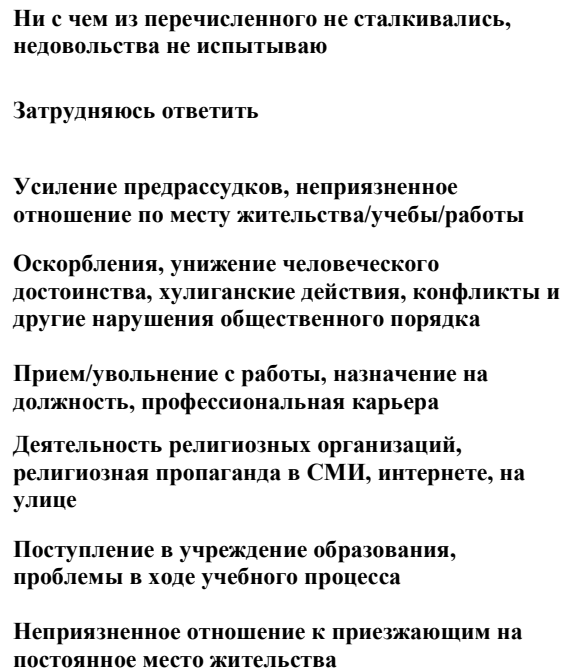
Распределение показателей наиболее часто упоминаемых причин в группах верующих и неверующих (%):

Конфликтогенный потенциал на религиозной почве

Факторы недовольства

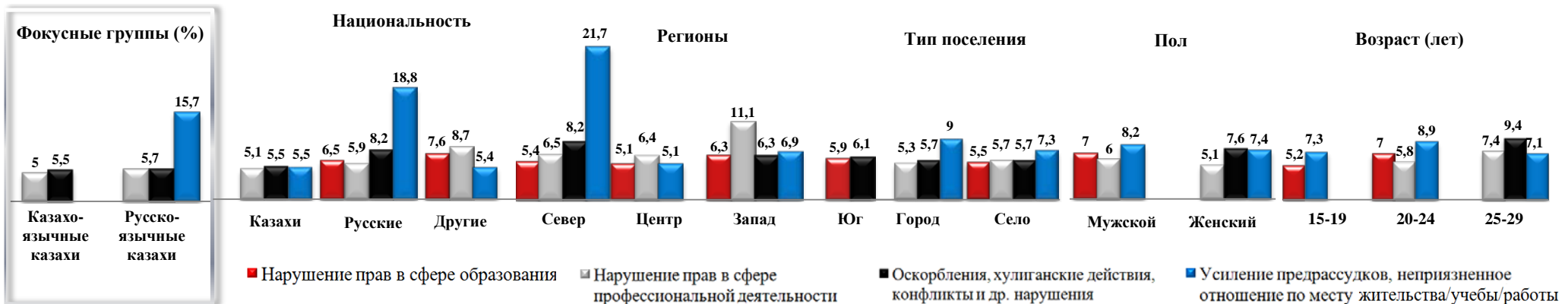
Какие факторы нарушения религиозных прав, с которыми Вы и/или члены Вашей семьи сталкивались, вызывают у Вас недовольство и желание защищать свои права?
(% от числа верующих)

- Случаи нарушений религиозных прав имеют охватом 32,5% опрошенных верующих в составе региональной молодежи. Наиболее часто упоминаемые случаи нарушений:
 - ✓ Усиление религиозных предрассудков, неприязненное отношение по месту жительства/учебы/работы. Частота упоминаний выше всего – среди верующих других (неказахской и нерусской) национальностей; не относящихся к основным конфессиям в Казахстане; мужского пола; 20-24 лет; уроженцев сел; запада страны.
 - ✓ Оскорбления, хулиганские действия, конфликты и другие нарушения общественного порядка – главным образом среди русских; православно-христианского вероисповедания; мужского пола; 20-24 лет; уроженцев малых городов; северного региона.
 - ✓ Нарушения в сфере профессиональной деятельности. Эти случаи чаще всего отмечают верующие других национальностей; другой конфессии, отличной от ислама и православия; мужского пола; 25-29 лет; западного региона.

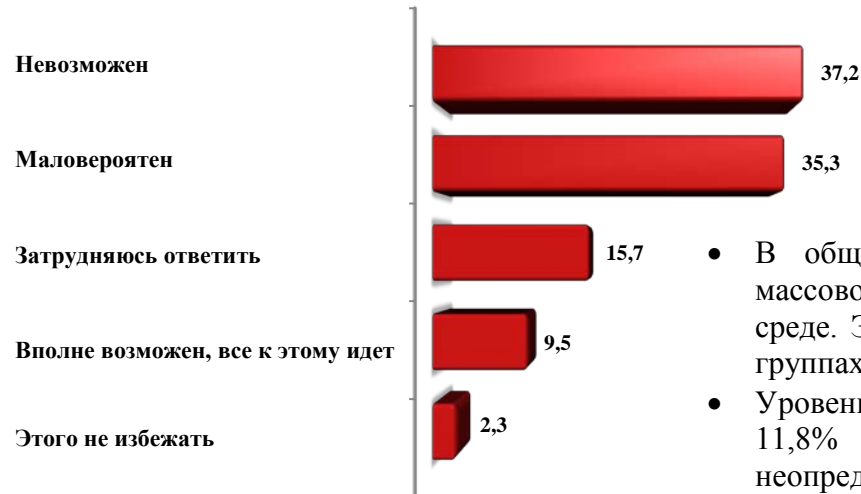
Примечание: В среднем одним респондентом отмечено более одного ответа. На графиках в разрезе групп представлены показатели ответов не менее 5%.

Основные конфликтогенные факторы в группах верующих (%):

Уровень ожиданий молодежного межрелигиозного конфликта

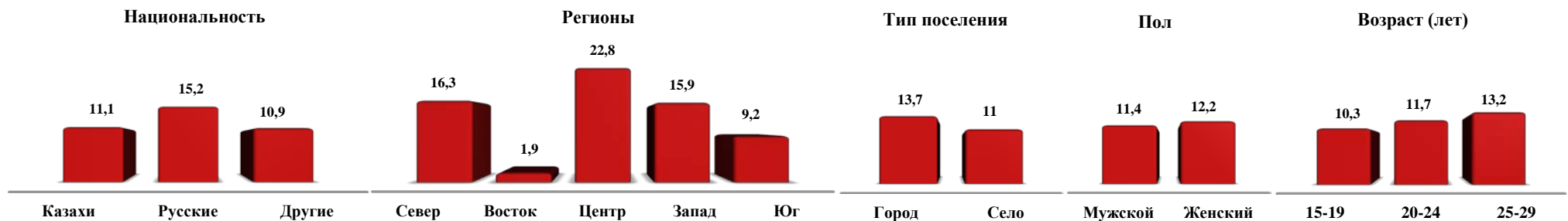
Как Вы считаете, возможен ли в Казахстане массовый молодежный межрелигиозный конфликт? (% от числа верующих)

- В общей сложности 72,5% отрицают вероятность массового межрелигиозного конфликта в молодежной среде. Это доминантный тренд во всех обследованных группах верующих.
- Уровень ожиданий межрелигиозного конфликта – 11,8% (каждые 8-9-й верующие). Вместе с неопределившимися они составляют 27,5%.
- Показатели ожиданий выше среднего значения по группе верующих – среди русских; представителей религиозных меньшинств и православно-христианского вероисповедания; 25-29 лет; уроженцев малых городов; центра, севера и запада республики.

Совокупные доли ожидающих межрелигиозный конфликт в группах верующих (%):

Потенциал участия в конфликте

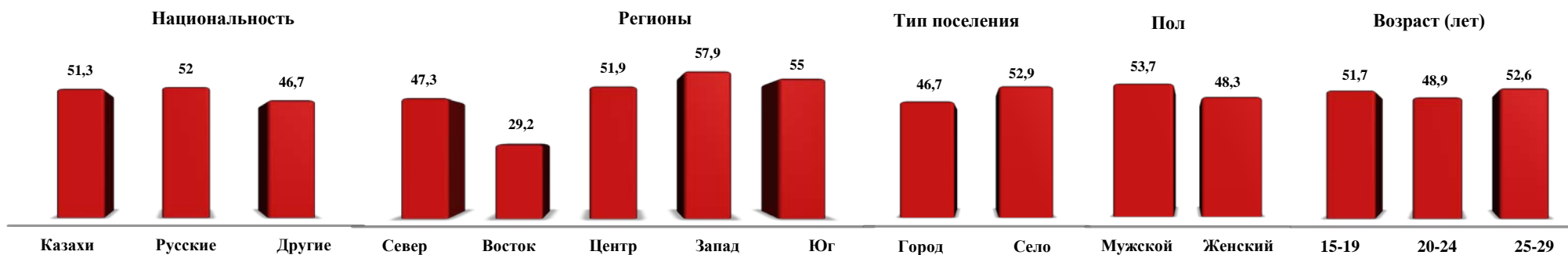
Примете ли Вы участие в конфликте, если это коснется интересов Вашей религиозной группы?
(% от числа верующих)

- Уровень конфликтогенного потенциала на религиозной почве – 51% («это зависит от обстоятельств» и «да, безусловно»).
- Наиболее высокие показатели конфликтогенного потенциала – среди казахоязычных казахов; исламистов; мужского пола; 15-19 лет; уроженцев сел; юга республики.
- «Ядро» потенциальных участников конфликта – казахоязычные казахи (92,4%); приверженцы ислама (86,7%); мужского пола (52%); 20-24 лет (35,8%); уроженцы сел (79,2%); южного региона (73,4%).

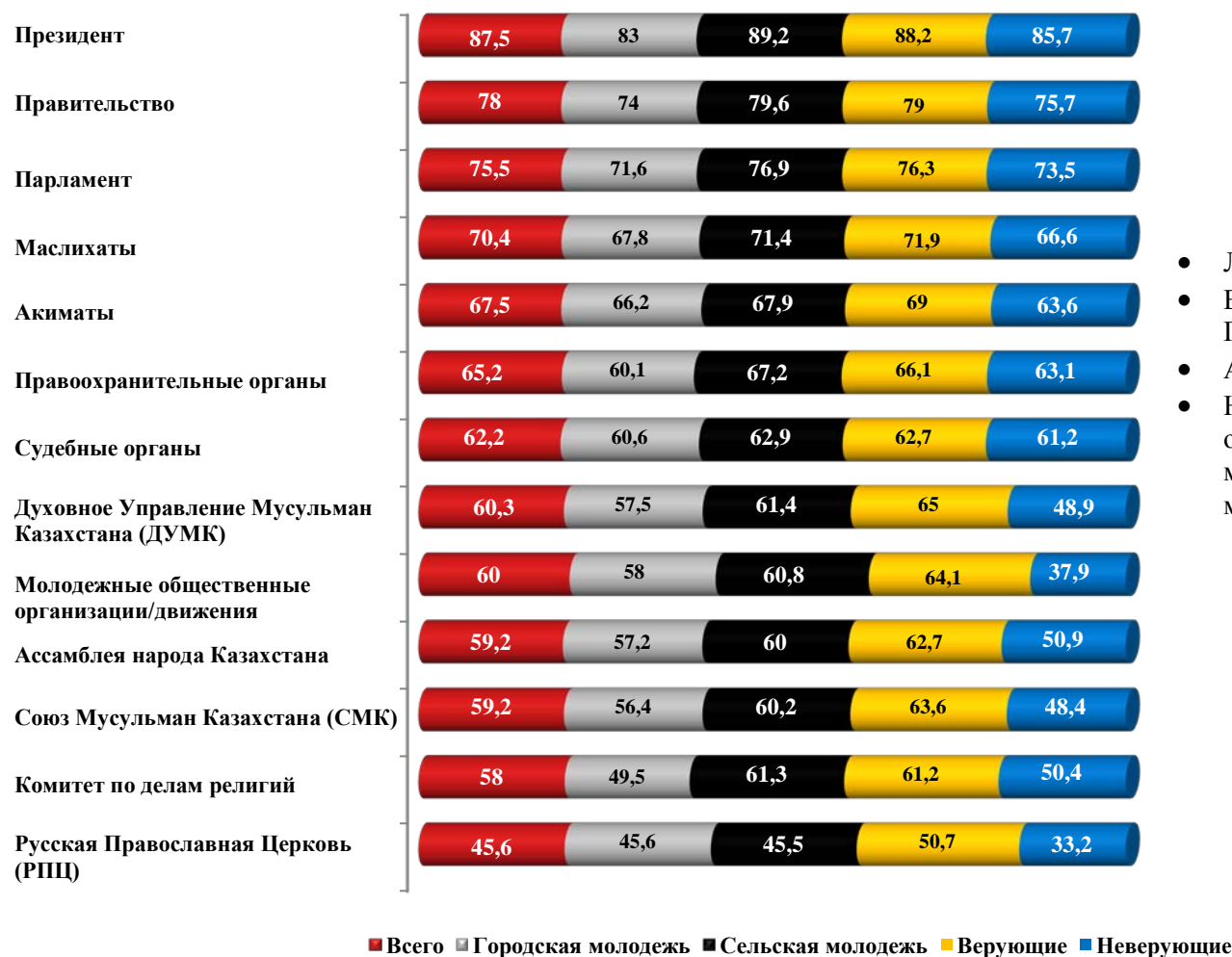
Совокупные доли потенциальных участников конфликта в группах верующих (%):

**Отношение к государственным и общественным структурам,
молодежным деятелям**

Рейтинг доверия и авторитета государственных и общественных структур

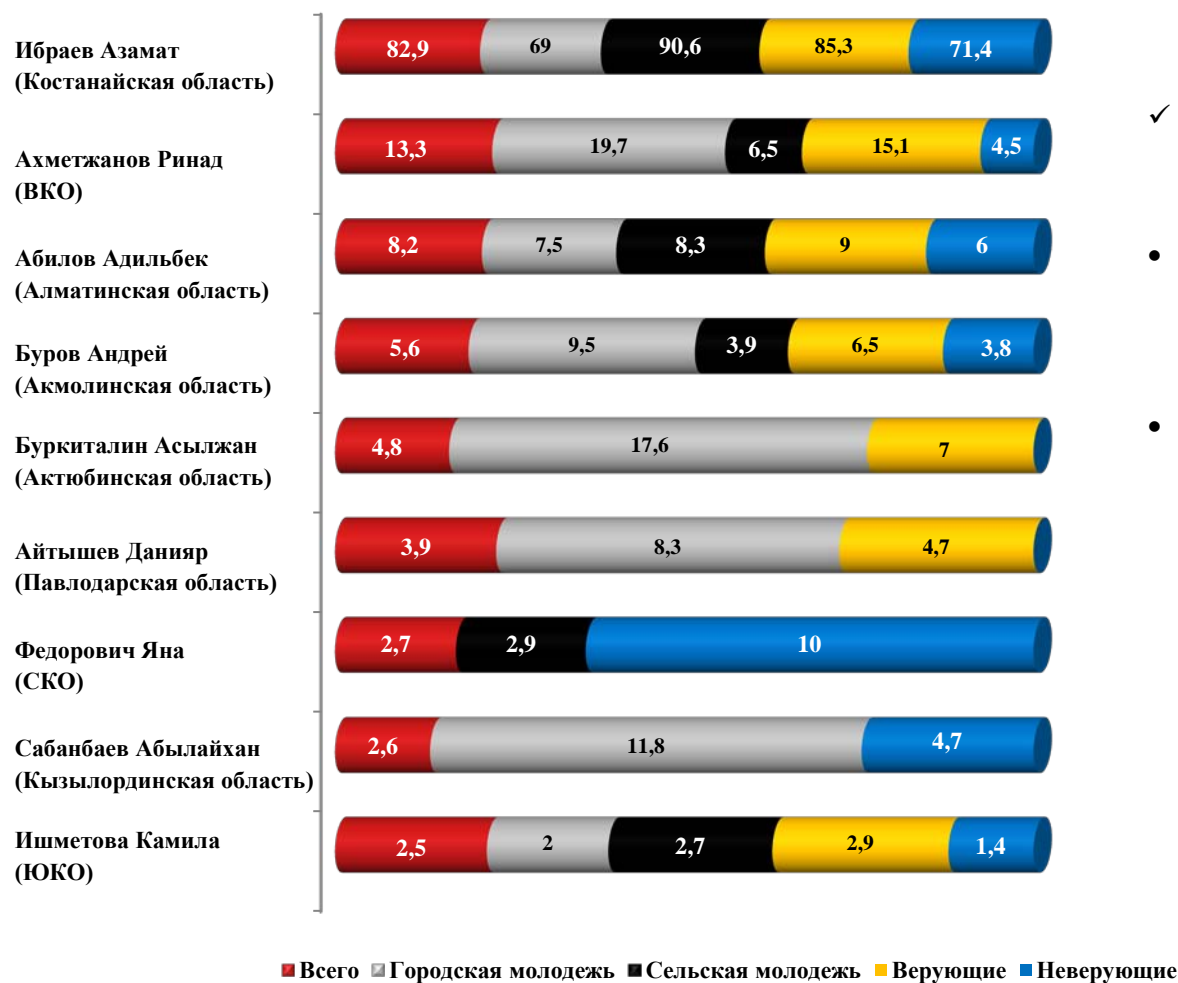
Рейтинг доверия и авторитета государственных и общественных структур (доверяют и скорее доверяют)
(% от числа опрошенных)

- Лидер молодежного рейтинга – Президент РК
- В первую тройку рейтингового списка входят Правительство и Парламент
- Аутсайдер списка – Русская Православная Церковь
- Наиболее лояльны к действующим государственным и общественным структурам сельская и верующая молодежь, в меньшей степени – городская и неверующая молодежь.

Рейтинг доверия и авторитета молодежных деятелей

Кто из нижеуказанных деятелей молодежи пользуется у Вас наибольшим доверием и авторитетом?
(% от числа всего опрошенных в области, городских и сельских респондентов)

Примечание: В рейтинговый список не вошли молодежные деятели Жамбылской, Карагандинской, Мангистауской, Западно-Казахстанской, Атырауской областей, получившие нулевые рейтинги.

- Основные тенденции, поддающиеся фиксации:
 - ✓ Практически во всех областях (исключение – Костанайская область) отмечается отсутствие явных молодежных лидеров, пользующихся доверием и авторитетом у большинства молодежи.
 - ✓ Степень популярности большей части молодежных деятелей, включенных в рейтинговый список, выше в городских аудиториях, нежели в сельских; среди верующих, нежели неверующих.
- Лидер рейтингового списка по уровню доверия и авторитета среди молодежи Костанайской области – лауреат областной Золотой книги молодежи Азамат Ибраев. Он пользуется доверием и авторитетом у сельской молодежи; верующих.
- В первую пятерку наиболее рейтинговых молодежных деятелей с большим отрывом от лидера входят:
 - Директор КГУ «Молодежный центр» акимата Усть-Каменогорска Ринад Ахметжанов. Ему доверяет и признает за ним авторитет в среднем 8-ая часть опрошенной молодежи области – главным образом жители малых городов; верующие.
 - Руководитель молодежного общественного объединения «Молодой Жетысу» Адильбек Абилов. В среднем каждый 17-й респондент в Алматинской области доверяет ему и признает его авторитет, в более частых случаях – сельчане; верующие.
 - Председатель МОО «Акмолинская молодежная лига КВН» Андрей Буров. Вклад в его рейтинг доверия и авторитета внес в среднем каждый 18-й опрошенный акмолинец, несколько активнее – горожане; верующие.
 - Руководитель молодежного крыла «Жас Отан» Асылжан Буркиталин. Пользуется доверием и авторитетом в среднем у каждого 21-го актюбинца. Популярен исключительно в городской среде; среди верующих.

Портреты неформальных лидеров молодежи (по результатам интервью)

Результаты интервью неожиданно выявили критически высокий уровень религиозности представителей общественного актива региональной молодежи (93,3%), из которых 86,7% исповедуют ислам. При этом почти половина (46,7%) – активные/практикующие верующие (посещают мечеть/церковь, регулярно участвуют в пятничной молитве, раздают садака и т.п.).

Большинство лояльно относится к тенденции усиления этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде несмотря на критический настрой в оценке причин и факторов, детерминирующих рост этой тенденции: безработица, особенно в сельской местности, маргинализация сельских трудовых мигрантов в городах, низкий уровень образования, подверженность религиозной пропаганде, избыточность деструктивной информации в интернете, соц-сетях, бесконтрольность пользования интернетом подростками и др.

✓ Практически все региональные лидеры указывают на наличие вызовов и угроз безопасности страны в связи ростом числа радикально настроенных верующих из молодежной среды. К числу наиболее серьезных рисков относят изменение конституционного строя (постепенный отход от светского к клерикальному/религиозному государству); сокращение гражданских установок при одновременном усилении религиозных; распространение повседневных религиозных практик.

✓ «Очаг напряженности» сконцентрирован на западе республики – Атырауская, Актюбинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская области (подобного мнения придерживаются все опрошенные эксперты). По оценкам интервьюируемых, государство «упустило» ситуацию и вовремя не предприняло меры для управления рисками, связанными с трансформацией этнорелигиозного сознания населения, особенно молодежи в этих регионах. Приблизительный срок запаздывания реакции властей колеблется в промежутке 10-15 лет. Идеологическая работа, большинством экспертов, оценивается как провальная.

✓ Оценка государственной молодежной политики – неоднозначная: молодежные лидеры в той или иной степени, аффилированные с государственными структурами, чаще всего выражают положительное мнение, в то время как независимые эксперты, журналисты – придерживаются противоположной точки зрения.

✓ Гражданская модель нациестроительства поддерживается доминантным большинством опрошенных. Конфликтогенный потенциал на этнической почве – невысокий. Среди региональных лидеров-неказахов фиксируется готовность выучить государственный язык, эмиграционные настроения отсутствуют.

✓ Оценка политики государства в религиозной сфере колеблется от поддержки в той или иной степени до полной критики, с указанием необходимости ужесточения текущего курса в целях обеспечения национальной безопасности и недопущения распространения радикальных религиозных течений на территории Казахстана.

✓ На формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций молодежи, по мнению региональных лидеров, оказывают влияние – ДУМК, различные религиозные деятели, интернет и социальные сети, в т.ч. сайты *azan.kz, muslim.kz, islam.kz, ihsan.kz*; на уровне персоналий – имам *Ерсин Амре, Арман Куанышбаев, Разабек Батталулы, Дарын, Исмадулла Таксыр*, депутат *Бекболат Тлеухан*, певец *Мейрамбек Беспнаев*, министр юстиции *Берик Имашев*, блогер *Дмитрий Литвиненко (Дауд)* и др.

Ерлан МУСИПОВ

Руководитель филиала республиканского молодежного общественного объединения «Қазақстан ҚВН Одағы», руководитель отдела координации работы с молодежью в молодежном ресурсном центре

(Ақмолинская область, г. Кокшетау)

Факторами, способствующими росту этнорелигиозных идентификаций молодежи, считает предрасположенность казахов к исламу, с одной стороны, и «чрезмерность» религии в современных условиях – с другой. Убежден в том, что сельская молодежь наиболее подвержена вербовке в псевдорелигиозные структуры по причине отсутствия целенаправленной работы с ней в формате тренингов, бесед, встреч и т.п.

Причинами роста этнорелигиозного самосознания называет текущее экономическое положение дел в стране, безработицу среди молодежи, отсутствие финансовых средств и влияние ближайшего окружения. Отдельным пунктом выделяет необразованность («оқымагандық») молодежи и завышенные амбиции/запросы в отношении должности, размера заработной платы, карьерного роста и пр. Считает, что усиление этой тенденции является выражением недовольства жизненными обстоятельствами и связано с поисками путей самореализации.

Фиксирует наличие рисков, связанных с усилением этнорелигиозных идентификаций. В первую очередь отмечает избыток информации о деятельности различных террористических групп и сект в открытом доступе, особенно в социальных сетях. Вызовы для безопасности страны видит в участии казахстанской молодежи в составе псевдорелигиозных и террористических групп; в возвращении джихадистов из Сирии и распространении радикальных практик в Казахстане. Предполагает, что в перспективе на смену оружию придут приемы и методы борьбы.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической и религиозной почвах в Казахстане имеется, но проявляется локально – на уровне споров, мелких конфликтов, хулиганства, драк. Лично был участником подобных конфликтов. Вместе с тем, не обладает подтвержденной информацией о наличии подобных инцидентов в регионе проживания, а также выражает сомнения об осведомленности в этих вопросах правоохранительных органов – КНБ, акиматов.

Государственная молодежная политика должна быть грамотной, продуманной, взвешенной, с участием не только специалистов (юристов и пр.), но и с использованием традиционных каналов воздействия на молодежь в лице аксакалов, старейшин и т.п. Предлагает изучать опыт других стран и применять его с учетом особенностей казахстанского общества, соблюдения традиций.

Политику государства в религиозной сфере оценивает удовлетворительно. Отмечает, что воздействие на формирование этнорелигиозной и духовной ориентаций молодежи оказывают политики, имамы, старейшины, пастыри и творческая интеллигенция. Рекомендует ужесточить контроль за всеми религиозными сектами и течениями, вплоть до их запрещения и выселения их трансляторов за пределы страны. Сторонник применения репрессивных методов борьбы с псевдорелигиозными группами.

Этнорелигиозная самоидентификация:

Этнический казах, считает себя верующим, ходит в мечеть на жума намаз, дает садака, сам намаз не читает, пробовал держать уразу. Религию рассматривает как духовное мировоззрение. Сторонник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза: «Все, что сейчас творится в мире, начинается с религии... Религии стало много. В сельских округах редко кто с молодежью работает по религии... Лично проехав по всем районам на мероприятиях встречал где-то 10% религиозной молодежи... На селе меньше рабочих мест по сравнению с городом. Тяжелее устроиться на работу. Влияет окружение: одноклассники, друзья, родственники. Допустим, старший брат в религии, то и его зовет за собой... В интернете много всякой информации, оттуда же секты, террористы... Когда молодежь направляют грамотные имамы, пастыри, то человек понимает, что можно, а что нельзя. Знает грань... Если будем молодых направлять в нужное русло, то получим правильную направленность молодежи. А так – хаос, война».

Кайрат АБДРАХМАН

Индивидуальный предприниматель, член партии «Нур Отан», член Политического совета городского филиала, блогер, администратор группы «Талдыкорганец» на Facebook (5 625 участников), Вконтакте (66 829 подписчиков, Instagram).

(Алматинская область, г. Талдыкорган)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания рассматривает положительно. Убежден в том, что ориентация на религиозные законы способствует искоренению коррупции и соблюдению законов. Указывает на этноконсолидирующую роль религии. В регионе проживания не наблюдает явного проявления этой тенденции. Вместе с тем фиксирует, что доля молодых людей на пятничной молитве составляет примерно 20-30%.

Причины роста этнорелигиозных ориентаций молодежи видит в безработице, склонности сельской молодежи к алкоголизму, а также во влиянии улицы и СМИ, отсутствии родительского контроля за деятельностью подростков в интернете и социальных сетях. Кроме того, отмечает влияние криминальных авторитетов на молодежь, их способность вовлечь в псевдорелигиозные организации. Проводит различие между городской и сельской молодежью по уровню занятости, культуры общения и «погруженности» в интернет.

В отношении молодежной политики занимает позицию умеренной конструктивной критики. Ключевые недостатки: слабая государственная пропаганда, особенно в регионах (в северных городах, в Костанайской области), недостаточное взаимодействие региональных управлений по молодежной политике с Духовным Управлением Мусульман (ДУМК) на всех уровнях. Предлагает увеличить финансирование молодежных центров, проводить актуальные фестивали и др. проекты.

Конфликты на этнической и религиозной почве считает вероятными и легко провоцируемыми. Канал разжигания конфликта – СМИ, интернет и социальные сети, приводит подобные факты-примеры. Тематику межэтнических столкновений рассматривает в контексте географического расположения. В зону наиболее проблемных пунктов относит приграничные города и села (Лисаковск, Шымкент и пр.).

В вопросах национально-государственного строительства придерживается гражданской модели. Убежден, что разделение по этническому и религиозному признакам может «откатить» страну на 10-50 лет назад.

Политику государства в религиозной сфере считает сбалансированной и либеральной. В качестве аргумента приводит наличие свободы, предоставленной всем религиям. Уверен в том, что государство и религия взаимодействуют на различных уровнях. Предлагает использовать опыт Чечни и развешивать плакаты и баннеры с цитатами, хадисами пророка Мухаммеда, транслировать вопросы веры в СМИ и интернете. Рекомендует усилить работу государства в сфере религии через общественные объединения, НПО, через интернет и социальные сети.

Этнорелигиозная самоидентификация:
 Этнический казах, поддерживает межэтнические браки. Считает себя верующим и практикующим мусульманином, читает пятничный намаз, слушает проповеди имамов. Высоко оценивает опыт пропаганды религии в Чеченской республике. Религию рассматривает как служение Всевышнему. Сторонник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

	
2231	3126

Ключевая фраза: «Тему межэтнических отношений в любом селении можно поднять. Этот вопрос всегда острый, особенно в приграничных городах. Например, я был в Лисаковске. Как я понял, там национальный вопрос стал политическим. И влияние идет со стороны СМИ... Сегодня уже в фейсбуке открыто пишут об аннексии Крыма... Я не хочу, чтобы завтра люди на севере выступили с заявлением о присоединении к РФ. Где-то напряженность межэтнических отношений есть, например, в Шымкенте, где рядом Узбекистан, в приграничных поселениях. А вот такие города, как Астана, Алматы – такого нет... В северных приграничных городах нужно вести сильную государственную пропаганду. Большие уделять внимания внутренней политике».

Аскар АКТЛЕУОВ

Журналист, ОО Международный Фонд защиты свободы слова «Адил соз»

(Актюбинская область, г.Актобе)

Тенденцию усиления этнорелигиозных идентификаций в Актюбинской области фиксирует примерно с начала 2000-х годов. Проблему видит в том, что власть игнорировала или умалчивала этот вопрос, «рисую» искусственные отчеты о стабильной религиозной обстановке в регионе. Разногласия на этнорелигиозной почве среди населения региона изначально возникли с отрицания традиционных религиозных практик, присущих казахам: «не так хоронят людей, нельзя печь лепешки (шелпек) по пятницам, неправильно читаешь намаз» и зашли далеко вглубь. Фиксирует сегментацию молодёжи по этнорелигиозному признаку, наличие у каждой группы своего лидера. Убежден, что единство в вопросе религии среди казахстанской молодёжи отсутствует.

Причины роста этнорелигиозного самосознания молодежи видит в безграмотности и безработице, подтверждая это личными наблюдениями одними из «первых вступили в религиозные объединения «двоечники» и безработные». Убежден, что современные технологии, коммуникации и интернет, стерли границы между сельской и городской молодежью.

Религиозный рекрутинг характеризует в параметрах сетевого маркетинга. В западном регионе вовлечение в ряды верующих происходит с использованием приемов современного менеджмента: наличие четкой иерархии, карты населенных пунктов, списка сторонников и приверженцев, учет новых членов религиозной ячейки, обязательного участия в общих собраниях и т.п. Рекрутинг начинается с решения социально-экономических проблем: предоставления работы молодым людям и последующей постоянной психологической обработки, т.н. «уагыз» – «вливание в головы своих идей», «людей просто зомбируют». Наблюдает, что ставшая уже привычной для жителей региона внешняя атрибутика, указывающая на причастность к религии (бороды, короткие брюки, хиджабы, закрытые в черное лица девушек и пр.) вызывают дискомфорт у приезжих.

Наиболее часто открытые конфликты на религиозной почве проявлялись в 2002-2005 гг. Они зарождались из неприязненных отношений между различными религиозными объединениями, вплоть до драк и даже убийства. В 2011 г. произошли столкновения в Кенкияке и Шубарши. В настоящий момент фиксирует наличие латентной формы этнорелигиозных конфликтов. Указывает на произошедшую корректировку модели поведения различных религиозных объединений с агрессивной на более мягкую и осторожную, в силу чего характеризует ситуацию как относительно спокойную.

Вызовы и риски для безопасности страны не были вовремя учтены, отмечает запаздывание в этом направлении на 10-15 лет. Критикует работу департамента внутренней политики, КНБ, полиции и оценивает ее как провальную. Считает, что современное поколение молодежи упущено в идеологическом плане.

Этнорелигиозная самоидентификация: Этнический казах, сторонник развития казахского языка. Верующий, пост не держит, намаз не читает, но раньше читал. Умеренный этнонационалист, сторонник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза: «Что такое молодёжная политика у нас в Казахстане? Это молодые люди в зеленых, синих майках с жетыми надписями рвут траву вдоль дороги - «Жасыл Ел», или на официальных демонстрациях, организованные нуро-таном несут флаги, государственные символы и кричат выученные лозунги. Они считают себя партиотами, зомбированы, а за этим стоит власть, большие деньги (элементарно шить столько маек и кепок, гос. символов – это деньги). Вот это и есть наша госполитика по работе с молодёжью».

В отношении молодежной политики занимает критическую позицию, эффективность работы управления молодежной политики считает слабой, Убежден, что работа с молодежью либо отсутствует, либо носит демонстрационный характер и не выходит за рамки учебных заведений. Предлагает оперативное решение проблем молодежи – трудоустройство, поддержка инвалидов и т.д. Выступает за то, чтобы дать молодежи возможность высказаться и выслушать ее.

Национально-государственное строительство видит в постепенном приближении к гражданской модели, что подтверждает недавними митингами по «земельному вопросу». Убежден, что население созрело к открытому выражению гражданской позиции: «Люди не боятся сказать своё мнение и открыто выступать на митингах». Вместе с тем настаивает на возрождении казахского языка и на доминировании «казахскости» – «казахское должно быть первостепенным».

Политика государства в религиозной сфере не устраивает. Резко критикует качество работы департаментов по религии, муфтията, имамов. Убежден, что на формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций влияет литература. Критически настроен к распространению изданной и переведенной на казахский язык литературы религиозного и тюркского направления при внешней (не казахстанской) финансовой поддержке, категорически не поддерживает позицию муфтията по одобрению подобной литературы. Считает, что на молодежь может воздействовать что угодно (книги, проповедники, различные религиозные течения и т.п.). На уровне персоналий отмечает влияние **Бекболата Тлеухан, Дарына, Исмадуллы Таксыр**, которые стали лидерами для верующей молодежи.

Улугбек ТНАЛИЕВ

*Председатель Молодежного общественного объединения
«Независимое поколение Казахстана»*

(Атырауская область, г. Атырау)

Тенденцию усиления этнорелигиозных идентификаций оценивает негативно. Противник роста и распространения этнорелигиозных убеждений в молодежной среде, сторонник светского государства. Наибольшее распространение этой тенденции отмечает на западе республики, прежде всего в Атырауской и Актюбинской областях. По его мнению, запад – это регион сгустившихся неравенств, где ярко выражены контрасты социальной среды, дисбалансы в оплате труда нефтяников и остальных, дороговизна продуктов, разница в покупательной способности иностранцев и местных жителей. Крупные города запада магнитом притягивают к себе сельских маргиналов, ищущих работу. Основными носителями этнорелигиозных убеждений считает сельских мигрантов в городах. Одновременно подчеркивает рост этнорелигиозных убеждений среди городской молодежи. К группе риска относит выходцев из детских домов как «легкий» объект религиозной пропаганды.

Причинами роста этнорелигиозного самосознания молодежи считает: во-первых, наличие информационного вакуума и слабую идеологическую работу в регионах. Во-вторых, сложные экономические и бытовые условия жизни, низкую покупательную способность. В-третьих, вмешательство «третьих сил», которые завлекают молодежь в религиозную сферу через малые группы, по «сарафанному радио», а также открытость внешних границ для миссионеров и обучение казахстанцев в религиозных учреждениях арабских стран. Неустроенность, безработица толкают молодежь в религиозную сферу, где их готовы выслушать, дать совет и помочь.

Внешнее проявление этой тенденции отмечает в массовости совершения намазов, большом скоплении мусульман в мечетях и религиозных сообществах, предоставлении беспроцентных кредитов и ссуд в обмен на поддержку определенных религиозных течений, отказе от прививок, отращивании бород, ношении хиджабов, запрете на фотографирование и т.п. Активизация религиозных вербовщиков начинается тогда, когда молодые мигранты сталкиваются с нереализованными ожиданиями от переезда в город.

Вызовы и риски для безопасности страны видит в проявлении религиозного экстремизма и угрозах личной безопасности граждан. Фиксирует разделение местного населения в регионах на «кафиров» (неверных) и «истинных мусульман». При этом последние считают себя на ступень выше, не подчиняются государственным законам и хотят жить «по законам религии». Видит риски открытого противостояния между верующими и неверующими на уровне сельских районов, что может привести к дестабилизации обстановки в регионе и повлиять на общий уровень безопасности, индекс стабильности и устойчивого развития. Подтверждает факты взрывов и самоподрывов в регионе. Потенциальным фактором риска называет усиливающуюся безработицу среди молодежи.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической и религиозной почве оценивает неравнозначно. Если этноконфликтный потенциал низкий и не представляет угрозы (за 25-летний период были лишь единичные случаи, улаженные своевременно), то конфликтный потенциал на религиозной почве – высокий и может привести к деструктивным последствиям. Отмечает, что в регионе уже были случаи вандализма – разгрома могил, разрушения мест поклонения святым, за которыми последовали резонансные судебные процессы. Судили 30-40 молодых людей, их родственники проводили акции протеста.

Этнорелигиозная самоидентификация:
Этнический казах, сторонник казахского государства. Верующий, исповедует ислам, но отдает приоритет светскому государству. Религию считает личным делом каждого человека.

Социальный капитал:

771

Ключевая фраза: «Если говорить о тенденции, то не только в сельской местности, но особенно в г. Атырау, наблюдается усиление этнорелигиозных идентификаций... Я сам слышал о таких фактах, когда молодые люди, которые на базаре торгуют, получают беспроцентные кредиты, ссуды на продажу товаров, чтобы придерживались определенных религиозных течений... Эта тенденция очень развита у нас – на Западе. По моему субъективному мнению у нас наиболее развито посещение намазов, большие скопления людей, отращивание бород... 2-3 года назад были случаи религиозного экстремизма. Взрывы, самоподрывы. Это риск для безопасности граждан. Идет деление населения на истинных мусульман и «кафиров»... Если не заниматься этой проблемой, то в будущем количество людей, проповедующих нетрадиционные религии или интересующихся этнорелигиозными течениями возрастет и это приведет к кровопролитию».

Государственная молодежная политика требует существенной корректировки и проводить идеологическую работу. Предлагает расширить охват молодежи культурным досугом, предоставить социальные услуги, усилить работу кризисных центров и служб поддержки семьи, активизировать работу молодежных организаций. Настоятельно рекомендует пересмотреть содержание государственного социального заказа в силу его несоответствия реальным потребностям молодежи, отказаться от ценового принципа в пользу оценки качества самого проекта.

В вопросах национально-государственного строительства считает этнических казахов – государствообразующим народом. Отводит особую роль Ассамблее народа Казахстана как проводнику интересов других этносов (неказахов). Поддерживает идею проведения референдума для выбора модели нациестроительства. Постановку вопроса для референдума формулирует следующим образом: «казахи – титульная нация и мы идем по казахскому пути» или «независимо от национальности – мы все казахстанцы».

Государственную политику в сфере религии считает непоследовательной и несистемной. Критикует скрытую поддержку отдельных религиозных течений (например, движение коранитов в Актюбинской области, повлекшую активизацию деятельности салафитов, ваххабитов и т.д). Работу департаментов по религии считает неэффективной. Отмечает провалы в образовательной политике и отсутствие патриотизма у молодежи, которые расценивает как некий механизм защиты/блокировки от религиозной пропаганды.

Ринад АХМЕТЖАНОВ

Руководитель КГУ «Молодёжный центр акимата г. Усть-Каменогорск», депутат городского маслихата

(Восточно-Казахстанская область, г. Усть-Каменогорск)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания молодежи оценивает положительно, делая акцент на религиозной идентификации. Наиболее ярко проявление этой тенденции фиксирует среди этнических казахов. Считает необходимым разделять понятия религиозной грамотности и этнорелигиозного самосознания, является сторонником религиозного просвещения.

Причинами роста этнорелигиозного самосознания называет наличие нерешенных проблем молодежи: незанятость, сложности трудоустройства, особенно в сельской местности, снижение доверия к местным органам власти. Уверен в том, что обращению в религию способствуют трудности социально-экономического характера, а также окружающая среда, деятельность священнослужителей и рост общего количества верующих, особенно среди казахов. В числе факторов перечисляет территориальное разделение, геополитические, социокультурные и исторические.

Угрозы безопасности стране видит в тенденции преобладания религиозного мировоззрения и сокращении гражданских установок среди населения. Предполагает, что рост религиозного самосознания может привести к отходу от диалога различных религий в сторону их конфронтации и потере статуса светского государства.

О наличии конфликтного потенциала молодежи на этнической и религиозной почвах рассуждает теоретически. Говоря конкретно о Восточно-Казахстанской области считает, что молодежь большей частью организована в различные молодежные организации и находится под контролем, а потому конфликтный потенциал отсутствует.

Государственная молодежная политика должна быть направленной на поддержку молодых людей, в качестве примера приводит предоставление возможности бесплатного профессионально-технического образования с 2017 года. Считает, что работа в направлении повышения статуса человека труда ведется несистемно, разъяснительная работа с реальными государственными мерами поставлена на эпизодической основе. Убежден в том, что у городской молодежи гораздо больше шансов для трудоустройства и возможностей для организации досуга, приводит в пример г. Усть-Каменогорск, где имеются хоккейные коробки во дворах, Дворцы спорта, единоборств, легкоатлетический манеж им. Ольги Рыпаковой, плавательные бассейны, физкультурно-оздоровительные комплексы, теннисные корты; проводятся культурно-зрелищные мероприятия, есть множество развлекательных заведений.

Процесс национально-государственного строительства должен основываться на принципе верховенства закона. Стоит на позиции приоритета светского начала в государстве над религиозным. Является сторонником строительства гражданской нации, где все граждане Казахстана, независимо от национальности – это государствообразующий народ, а государство должно создать все условия для его реализации.

Государственную политику в религиозной сфере оценивает положительно. Стоит на позициях невмешательства религии в политику и политические процессы. Отмечает, наличие религиозных праздников в календаре праздничных дат, участие на богослужениях государственных деятелей, включая Главу государства, участие в них молодежи – все это влияет на рост этнорелигиозного самосознания молодежи. На уровне персоналий, влияющих на формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций молодежи, выделяет духовенство, известных личностей, таких как **Б. Тлеухан, М. Беспаев, Б. Имашев.**

Этнорелигиозная самоидентификация:

Считает себя верующим, исповедует ислам, ратует за религиозное просвещение. Религию рассматривает как духовное мировоззрение. Сторонник гражданской модели нациестроительства, поддерживает текущий политический курс.

Социальный капитал:

758

232

Ключевая фраза: «Тенденция роста этнорелигиозного сознания молодежи - нормальное явление. В настоящее время пока нет определенных вызовов и рисков для безопасности страны. Перевес в обществе религиозного мировоззрения в перспективе может привести к потере статуса Казахстана как светского государства. Учитывая рост этнорелигиозного самосознания, можно предположить такие последствия, как отход от диалога различных религий и движение в сторону противостояния религий, что не является прогрессивным общественно-политическим явлением».

Файзулла САГЫНБАЙ

Председатель студенческого профсоюза Таразского Государственного Университета имени Мухаммеда Хайдара Дулати

(Жамбылская область, г. Тараз)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания считает устойчивой и естественной. Убежден, что казахской молодежи свойственно сочетание этнорелигиозных взглядов в процессе их формирования, при этом различия по типу местности проживания (город/село) не влияют на взаимосвязь с религией. Верит, что современная молодежь способна самостоятельно отличить «правильное» от «неправильного» в религиозной сфере. Не видит плохого в том, что все население Казахстана (100%) начнет читать 5-кратный намаз.

Причины усиления этнорелигиозных идентичностей в молодежной среде видит в информационной дезориентации в вопросах религии, а также наличии свободного времени. Убежден, что на формирование этнорелигиозных ориентаций оказывает влияние ближайшее окружение – семья, близкие родственники, друзья, местные авторитеты. Также отмечает воздействие имамов и тиражирование религиозных видеуроков в интернете: «имамы читают лекции на Youtube и Instagram, а молодежь рассылает эти видеолекции друг другу». Основываясь на собственном опыте подтверждает **факт наличия конфликтов на религиозной почве**, которые возникают по причине различия/несоответствия религиозных ритуалов и норм. Недоволен разделением верующих мусульман на Абил халифа, Имам агза, саляфитов, шиитов, фиксирует наличие подобных фактов во время пятничных молитв.

Государственную молодежную политику Казахстана практически не оценивает. Большую ответственность возлагает на саму молодежь. Поддерживает предстоящие образовательные реформы, предлагает приобщать детей к «боголюбию» со школьных лет. Придерживается постепенных методов приобщения молодежи к чтению намаза, религиозному просвещению. Является сторонником гражданской модели национального строительства.

Политику страны в религиозной сфере считает удовлетворительной, при этом высоко оценивает работу депутатов, министров; подчеркивает позитивную роль и продуктивную работу ДУМК. Убежден, что религия играет стабилизирующую роль и позитивно сказывается на безопасности страны.

Этнорелигиозная самоидентификация:

Этнический казах, считает себя верующим мусульманином, ходит в мечеть по пятницам, намаз 5-кратно не читает. Религию рассматривает как необходимую пищу для духовного обогащения. Считает неверным подражать арабам, призывает чтить свои национальные традиции. Сторонник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза: «На сегодняшний день очень много исламских течений. Когда молодежь делится на эти течения между ними возникают конфликты: «ты неправильно читаешь, не поднимай руку, не ставь ноги шире». Такие вещи можно заметить в мечетях. Однако, будучи казахами, неважно какого течения ты придерживаешься, будь это Абу Халифа, или же Имам агза – это касается каждого лично и поэтому неправильно говорить, что кто-то прав или неправ».

Асылбек ЕСИМБЕКОВ

*Гражданский активист, социальный блогер по вопросам религии
(Западно-Казахстанская область, г. Уральск)*

Причины роста этнорелигиозного сознания молодежи имеют разнообразный характер. Из них ключевой считает неустойчивость самой исламской религии, ее консолидирующую роль в развитии исторической культуры казахов. Убежден, что рост этнорелигиозного сознания – это естественный процесс духовных поисков, а ислам «по Корану был послан для всего человечества как модель развития духовности и в целом мировоззрения». Привлекательность ислама для молодежи видит в его мотивационном векторе. Причем, рассматривает тягу к исламу как глобальный мегатренд, общее планетарное явление, не делая исключение для казахской молодежи.

Тенденция роста этнорелигиозного сознания молодежи, по его мнению, заложена в самой модели развития казахстанского социума и имеет исторически обусловленный характер. Была прервана в советский период и возобновилась в 90-х гг. прошлого века. В тенденции роста видит неизбежность, отмечая широкое распространение исламских ценностей и среди немусульманского населения. Будучи практикующим мусульманином, убежденным в тесной связи ислама с казахской культурой, считает развитие этнорелигиозного самосознания молодежи нормальным процессом, не наносящим ущерб государству.

В качестве **факторов, оказывающих влияние на активное распространение этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде** выделяет: интенсификацию социальных сетей (ВКонтакте, Инстаграм, Твиттер, Фэйсбук) и растущую численность суннитских блогеров – проповедников; обилие и актуальность в Уральске и других городах молодых людей, получивших исламское образование в Турции и арабских странах.

Риски роста этнорелигиозного самосознания соотносит с мировыми трендами и прогнозами, согласно которым к 2050-му году каждый второй-третий человек в мире будет мусульманином. Казахстан, являясь субъектом международной политики, также включен в этот процесс. Затрудняется определить будущую модель казахстанской политики – будет она исламской или демократической направленности. Не исключает, что в перспективе исламская культура будет развиваться сильнее и число практикующих мусульман возрастет, что может отразиться на степени светскости государства.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической и религиозной почвах считает умеренным, объясняя это присущей всем гражданам Казахстана, независимо от этнической принадлежности, сдержанности и толерантности.

В основе государственной молодежной политики должно быть развитие всеобщего казахстанского патриотизма, а исламская культура должна стать базисом в развитии государственности. Рекомендует создавать различные молодежные организации для организованного (моделируемого), а не стихийного (бесконтрольного) развития молодежи.

Процесс национально-государственного строительства сопрягает с экономическим развитием, не признает разделе-

Этнорелигиозная самоидентификация:

Казах-патриот, верующий, практикующий мусульманин, суннит. Религию рассматривает как духовное мировоззрение, ислам считает смыслом жизни. Является сторонником гражданской модели национал-строительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза:

«Молодежь всегда будет искать какие-то духовные ориентиры и если сегодня ислам как религия, как некий общественный феномен предлагает эту роль, то, безусловно, можно сказать фанатов или фолловеров ислама будет все больше и больше... Мусульмане такие же люди, такие же граждане, такие же защитники нашего Казахстана, как и раньше...»

ния по этническому или религиозному признаку. Является сторонником строительства гражданской нации, считает себя казахом-патриотом, толерантно относится к присутствию во власти представителей других этнических групп.

Политику государства в религиозной сфере оценивает высоко. Благодарен руководству страны за создание условий для развития ислама, указывает на активное строительство архитектурных зданий, мечетей, медресе и религиозных школ. Убежден, что Глава государства заинтересован в развитии суннитского ислама в Казахстане. В качестве проблем и барьеров указывает на наличие некоего противовеса между верующими и неверующими, практикующими и непрактикующими ислам.

Роль Духовного Управления Мусульман Казахстана (ДУМК) и его присутствия в социальных сетях оценивает высоко. Указывает на наличие большого количества проповедников в масштабах СНГ, России, Казахстана, включая суннитских блогеров–проповедников, которые получили исламское образование арабских странах, Турции и пользующиеся большим авторитетом в исламском сегменте Казахстана – имам *Ерсин Амре*, *Арман Куанышбаев*, *Разабек Батталулы* и т.д. Положительно отзывается о работе Управления по делам религий по Казахстану и его руководителе *Нигметове Талгат Рахимовиче*, отмечает наличие авторитета у 1,5 тысячи сотрудников ДУМК и имамов среди казахстанского общества. Поддерживает работу казахстанских исламских образовательных сайтов и порталов – *azan.kz*, *muslim.kz*, *islam.kz*, *ihsan.kz*, доволен созданием региональных сайтов. Приводит в пример блогера в г. Уральске *Дмитрия Литвиненко*, известного под именем Дауд, который ведет активную просветительскую работу, имеет свой сайт *ali-Isnod.kz*, переводит труды суннитских ученых, выставляя переводы на сайте и в социальных сетях. Его аудитория молодежь в возрасте от 18 до 27 лет. Стоит на позиции того, что роль социальных сетей в развитии ислама и исламской культуры высока.

Канат ДОСМАГАМБЕТОВ

Руководитель областного штаба молодежных трудовых отрядов «Жасыл ел»

(Западно-Казахстанская область, г. Уральск)

К росту этнорелигиозного сознания у молодежи относится двойственно: с одной стороны одобряет рост интереса молодежи к религии, с другой – не приемлет участие молодых людей в составе нетрадиционных религиозных течений. Характеризуя современную молодежь отмечает наличие устойчивого интереса к религии и ее условное разделение на «хорошую» и «плохую». К последней относит нетрадиционные религиозные структуры и использование внешней атрибутики – ношение укороченных брюк, отращивание бороды и пр.

Фактором, влияющим на этнорелигиозное сознание сельской молодежи, считает в первую очередь интерес к религии, психологическую скованность и влияние окружения, знакомых в процессе адаптации сельчан в городских условиях. Считает, что этнорелигиозное сознание человека несет на себе печать места проживания и местной среды окружения.

Рисков для безопасности страны не видит. Убежден, что интерес к религии не несет проблемы для стабильности государства, особенно учитывая текущую активную просветительскую работу в целях правильного религиозного воспитания молодежи в сотрудничестве с имамами. Не связывает рост религиозного сознания с текущим политическим и экономическим курсом. Не согласен с тем, что чтение намаза молодежью будет нести политические последствия.

Религиозную грамотность молодежи оценивает как низкую, несмотря на большое количество семинаров-тренингов с участием имамов в учебных заведениях. Вероятность конфликта среди молодежи на этнической и религиозной основе оценивает как высокую, фиксирует наличие конфликтного потенциала среди верующих во время пятничных молитв в мечети.

Современная государственная молодежная политика направлена на религиозное воспитание молодежи посредством различных семинаров, тренингов, собраний и других мероприятий. Государство выделяет на это средства. Предлагает внедрить индивидуальный подход в вопросах религиозного образования и просвещения молодежи, приводит личные удачные примеры воздействия на молодых людей и их возвращения из нетрадиционного ислама.

В вопросах нациестроительства придерживается позиции, что все граждане Казахстана, несмотря на этническую принадлежность, являются государствообразующим народом. В качестве аргументации особенно подчеркивает наличие этнических русских, принявших ислам.

Политику страны в религиозной сфере оценивает положительно, выделяет работу ДУМК. Подчеркивает тот факт, что религиозная политика выстроена дифференцированно по отношению к тем, кто придерживается традиционного ислама и к тем, кто является членом нетрадиционной или псевдорелигиозной организации/группы.

Этнорелигиозная самоидентификация:

Считает себя верующим, ходит на пятничную молитву, 5-кратный намаз не читает. Религию рассматривает как постепенный путь человека. Считает себя сторонником гражданской модели нациестроительства, поэтому «вычеркивает» этническую самоидентификацию как таковую.

Социальный капитал:

1149

443

Ключевая фраза: «Надо с молодежью отдельно разговаривать... В настоящее время в мечетях очень много молодежи с короткими итани-нами и длинными бородами. Они днем читают намаз, а ночью занимаются разбойничеством. Все это неправильно, Алла Тагала все видит. Думаю что мы не сможем им всем в общем помочь, надо с каждым отдельно поговорить».

Артем КОЗЛОВСКИЙ

Руководитель ОО «Жастар пікірі» и руководитель регионального филиала Общенационального движения «Казахстан-2050»

(Карагандинская область, г. Темиртау)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания молодежи в целом считает массовой, но при этом особо проявляющейся среди сельской и региональной молодежи. Искусственное насаждение этнического самоопределения считает злым умыслом. Убежден, что на формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций молодежи влияют разные люди – имамы, работники церкви, родители, друзья и литература. Вербовщиками называет людей «самоназначившихся» священников, делит верующих на религиозных и лжерелигиозных.

Причинами роста этнорелигиозного самосознания видит социальную уязвимость; нехватку профессиональных кадров для работы с молодежью и мест для организации досуга; подверженность влиянию различных экстремистских организаций; отсутствие компьютеров и интернета в селах; общую неосведомленность и неграмотность молодежи.

Риски и вызовы для безопасности страны считает высокими, указывает на большое количество людей, уехавших в Сирию по религиозным убеждениям; приводит примеры уехавших девушек, попавших в сексуальное рабство. Наблюдает у молодежи склонность к массовым протестным настроениям, подверженность быть ведомыми и управляемыми, приводит примеры волнений в регионах по поводу Земельного Кодекса.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической и религиозной почвах оценить затрудняется: лично с этим не сталкивался, в регионе таких проблем не возникало, в СМИ информации не публиковалось.

Молодежная политика требует пересмотра системы образования и методик обучения детей, организацию внутренних мероприятий в учебных заведениях. Проблему молодежной политики видит в работе по шаблону, указаниям сверху, в отсутствии креативности и самостоятельности, неучастии молодежи в рабочих группах на уровне принятия решений, отсутствии учета особенностей региона. В качестве проблем указывает на ограниченный бюджет и бюрократию. Предлагает внедрить уровневую систему в молодежной политике: базовый компонент – обязательный для выполнения в масштабах республики, региональный и районные компоненты – позволяющие реализовывать более гибкий подход и учитывать местные особенности. Инициатор и организатор большого числа социальных проектов, в числе которых особенно выделяет проект по гранту Чеченской республики – создание и трансляция 5 видеороликов по статьям Корана, доступным для восприятия молодежи.

В вопросах национально-государственного строительства занимает гражданскую позицию, считает себя казахом, владеет государственным языком, высоко оценивает роль и позиции президента.

Политику государства в религиозной сфере оценивает положительно. Доволен тем, что христианские и мусульманские праздники отмечаются всей страной. Отмечает отсутствие разделения по религиозному признаку, ислам и христианство считает консолидирующими религиями. Недоволен уровнем просвещенности населения в религиозных вопросах. Отмечает, что в регионе с молодежью по вопросам религии работает только отдел внутренней политики. Убежден, что религия «дальше церквей, дальше мечетей не уходит», вербовка людей в псевдорелигиозные структуры происходит вне молельных домов.

Этнорелигиозная самоидентификация:

Считает себя казахом, владеет государственным языком. Русским называет себя по этнической принадлежности, православный христианин по вероисповеданию. Ходит в церковь, любимая икона – Николай-чудотворец. Религию рассматривает как духовное мировоззрение и исполнение своей миссии, служение Богу. Странник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза: «Здесь два вопроса: вопрос религии и вопрос государственной молодежной политики. Религия дальше церквей, дальше мечетей не уходит. Да, у нас учат профессиональных теологов, которые приходят и проповедуют. А вербуют где? Вербуют не в церкви и не в мечетях, вербуют в учебных заведениях, в школах, вербуют еще где-то... Это не проблема религии...»

Владимир АЛЕКСАНИН

Координатор проекта Ассамблеи народа Казахстана Костанайской области; тренер общественного фонда «SYNERGY», шоумен, певец, лауреат международных конкурсов (Костанайская область, г. Костанай)

Этнорелигиозная самоидентификация:
 Разделяет понятия верующий и религиозный человек. Считает себя в глубине души верующим во Всевышнего, но при этом не принадлежащим ни к какой религии. С легкостью посещает «любые храмы» любых религий. Горд тем, что в Казахстане можно свободно и без последствий посетить мечеть, католический костел или буддийский монастырь. Противник использования внешней атрибутики, указывающей на принадлежность к конкретной религии. Религию рассматривает как внутреннее духовное мировоззрение, проявляющееся в добродетельных действиях. Стронник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

 614

Ключевая фраза: *«Я отношусь отрицательно к росту этнорелигиозных самосознаний молодежи, потому что стоит помнить о том, что мы - светское государство и религия ни каким образом не должна отражаться на политике государства, мешать внутривполитической системе нашей страны, не должна подрывать то пространство толерантности, транспарентности, которое мы поддерживаем и благодаря этому Казахстан и славится во всем мире. Это наша визитная карточка».*

Противник роста этнорелигиозного самосознания молодежи, усиление этой тенденции считает тревожной. Особую распространенность этой тенденции отмечает среди сельской молодежи. Деструктивное влияние псевдорелигиозных сект видит в рекрутинге неблагополучной, маргинальной, безработной молодежи, слабоуспевающей в учреждениях образования, имеющей проблемы и т.п. Фиксирует, что современными каналами вербовки являются интернет и социальные сети. В качестве инструментов влияния используется общение на языке молодежи и предоставление возможностей для самореализации: *«они говорят на их языке, они предлагают им большое количество возможностей и они влияют, и попадают именно в «мозг» той молодежи, которая находится не в городе».*

Потенциальные риски видит в возможности подрыва конституционной основы государства, угрозе безопасности через дестабилизации межконфессионального и межэтнического согласия в стране. Усиление этнорелигиозных идентификаций считает ненормальным явлением. Аргументы – светскость государства, разделение политики и религии, толерантность, межэтническое согласие как «визитная карточка» Казахстана.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической почве оценивает как низкий (примерно 2-3 балла по 5-ти балльной шкале). Риски возникновения конфликтов на религиозной почве – высоки, что обусловлено напряженными отношениями между различными религиозными течениями, проявляющимися в «спорах о Всевышнем, вплоть до драк и объявления войны в семье».

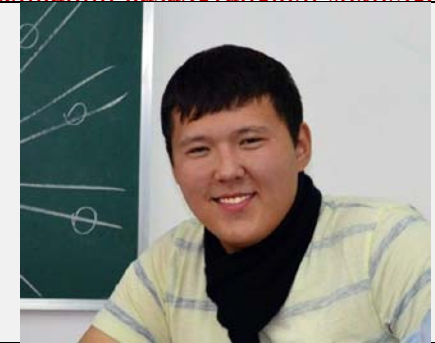
Государственная молодежная политика требует усиления. Основная формула повышения эффективности молодежной политики – «трудоустройство и государственная поддержка молодежи вместо запрета на религию». Убежден в том, что государство должно защищать интересы молодого поколения, особенно детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. Обращает внимание на отсутствие родительского контроля. Предлагает активизировать работу по профориентации молодежи; обеспечить молодежь временной или постоянной работой; усилить работу подразделений, которые занимаются предотвращением деятельности деструктивных религиозных сект, в т.ч. увеличить их штат.

Политику невмешательства государства в религиозную сферу при одновременном стремлении обеспечить безопасность населения поддерживает. Ярких, конкретных персон, способных повлиять на формирование этнорелигиозных убеждений среди молодежи не видит.

В вопросах национально-государственного строительства является сторонником гражданской модели. Опасается последствий изменения вектора нациестроительства в сторону этнической модели, фиксирует случаи «перегиба» этноидентификаций не только среди казахов, но и представителей других этнических групп.

Уалихан ТУРАРБЕКОВ

*Координатор Международной ассоциации дебатёров,
руководитель организации «Ақиқат Айнасы»
(Кызылординская область, г. Кызылорда)*

Тенденция усиления этнорелигиозных идентификаций имеет нарастающую динамику. Связывает это обстоятельство с деятельностью радикальных исламистов. Уверенно заявляет о том, что в Кызылординской области «зонами риска» являются Аральск, Казалинск, где проживает наиболее маргинальная молодёжь. Городскую молодёжь считает более устойчивой к вовлечению в религиозные ряды, чем сельскую, которая часто подвергается этнорелигиозному воздействию извне.

Причинами роста этнорелигиозного самосознания у молодежи называет неграмотность молодежи, безработицу, отсутствие образования, некритическое восприятие религии, предрасположенность к принятию радикального ислама, отсутствие представлений и знаний о религии.

Перспективы роста этнорелигиозного самосознания молодежи сопряжены с двумя основными вариантами развития Казахстана: ориентация на тюркоязычный мир и дальнейшая интеграция с тюркоязычными странами или усиление роли и распространение ислама и переход к религиозному государству. На данный момент оценивает позицию государства в этом вопросе как нейтральную.

Региональную карту этнорелигиозных рисков представляет следующим образом:

- ✓ г.Кызылорда характеризуется отсутствием почвы для межрелигиозной и межнациональной розни;
- ✓ на уровне районов Кызылординской области фиксируется наличие «острых углов» во взаимоотношениях с неказахами;
- ✓ в Джамбульской области – проблемы с Китаем, а также этнические конфликты между казахами, с одной стороны, и уйгурами, таджиками, турками – с другой;
- ✓ на юге (Кызылорда, Шымкент, Тараз) – ситуация неоднородная, предполагает наличие сторонних сил, институтов и механизмов (например, псевдонациональные движения, религиозные течения), нацеленных на разделение общества;
- ✓ на западе (Мангыстауская область и др.) – предрасположенность к конфликтам на религиозной почве.

Убежден в том, что религиозные риски гораздо больше угрожают безопасности государства, чем этнические. К факторам, способным повлиять на стабильность, относит влияние извне, механизм «сарафанного радио», деятельность агентов по распространению псевдорелигии.

Конфликтотенденциальный потенциал оценивает неоднозначно. К группе риска, подверженную внешнему манипулированию, относит неграмотную, испытывающую трудности молодёжь. Этнорелигиозную идентификацию в данном контексте рассматривает в качестве «спускового крючка». В числе потенциальных рисков указывает на преобладание религиозных, а не патриотических чувств у современной молодежи. Предполагает, что в случае угрозы безопасности

Этнорелигиозная самоидентификация:

Этнический казах. Считает себя либералом. Верующий мусульманин, придерживается и старается выполнять все каноны и ритуалы ислама. Сторонник строительства казахского государства.

Социальный капитал:

1 326

Ключевая фраза:

«Люди идентифицируют себя по религии. Они могут подняться не на призыв государства, а на зов соотечественников по религии, т.е. неграмотная, неопытная молодёжь, испытывающая в нынешнее время какой-либо кризис, готова туда пойти, не осознавая весь риск. Вот это и есть большая опасность».

вероятность верующих людей откликнуться на призыв собратьев по религии гораздо выше, чем отклик на призыв государства. Не исключает реализацию сценария по теоретической схеме, когда условно 3% лидеров инициируют социальный протест, осознанно поддерживаемый еще 15% молодежной группы, и автоматическим присоединением оставшейся доли молодых людей. В целом, считает, что конфликты на этнической почве наиболее вероятны в сельской местности.

Молодежную политику умеренно критикует, считая, что большинство поднимаемых молодежных проблем искусственно растиражированы информационными каналами. К таким проблемам относит суициды, некоторые экономические проблемы. Стоит на позициях, что информационная политика должна быть четко продумана и выверена. Не согласен с практикой культивирования повсеместной толерантности: *«Политика толерантности, транспарентности и тотального всеобщего понимания повлиял на то, что люди у нас в Казахстане стали больше себя идентифицировать по национальному, религиозному признаку. Когда все время говоришь: давайте быть терпимыми, добрыми, хорошими, то у людей это начинает вызывать внутреннюю волну отторжения... Накал наберет какую-то высоту и возникнет конфликтная ситуация. Всех тошнит от толерантности. Именно в молодежной политике должно быть: Есть нация, которая **главенствует** и способствует жизни другой нации... Просто люди живут рядом и это нормально!... Надо убрать из молодежной политики тему толерантности – мы живем рядом, но мы разные.»*

В вопросах национально-государственного строительства придерживается позиции «государствообразующий народ – казахи и только казахи вправе определять судьбу страны», при этом идеологические установки не должны противоречить законам.

Политику государства в сфере религии на данный момент оценивает скорее критически, поддерживает более либеральное законодательство в вопросах религии. При этом видит возможные угрозы безопасности страны, связанные с внешним влиянием и наличием агентов по распространению религиозных течений. Отделяет религию от псевдорелигии, последняя – потенциальный «очаг» для разжигания конфликтов.

Алия ИСАЕВА

Руководитель молодежного крыла партии «Ақжол»

(Мангистауская область, г. Актау)

Этнорелигиозная самоидентификация:
 Этническая казашка, считает себя верующей, исповедует ислам. Религию рассматривает как понимание значения мира и приближение к одному создателю. Придерживается этнической модели нациестроительства.

Социальный капитал:

 3 976

Ключевая фраза:
 «Появившийся в казахском обществе недуг «религиозного фанатизма» обостряется. Этот факт отрицательно влияет на развитие свободного общества. Это становится чуждым для уже сформировавшихся традиций нашей нации, приводит к ослаблению гражданской идентичности и обострению цензуры. В итоге понятие свободного общества может исчезнуть. Сознание молодежи, под влиянием социальных сетей и интернета, быстро меняется».

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания молодежи считает приемлемой, основываясь на том, что казахский народ изначально придерживается мазхаба Имама Агзама Абу Ханафи суннитского толка в исламе. К недостаткам религии относит распространение религиозного фанатизма, «выталкивание» гражданских и традиционных ценностей, сужение понятий «свобода» и «свободное общество», ослабление гражданской идентичности, ужесточение цензуры и психологическое давление в молодежной среде. К преимуществам религии относит распространение морально-нравственных ценностей через разрешенные и запрещенные ФАТУА (заключения). Фиксирует наличие различий в менталитете, ценностях и нормах поведения среди городской и сельской молодежи.

Угрозы роста этнорелигиозных идентификаций считает реальными в случае их более интенсивного проявления и одновременной готовности населения принять новшества, связанные с внедрением новых этнорелигиозных норм и стандартов. Предполагает, что это может привести к формированию новых задач и принципов у молодежи, которые станут основой «другого» общества.

Конфликты на этнической и религиозной основе относит к постоянным и привычным для Казахстана практикам. В вопросах профилактики и урегулирования конфликтов не разделяет их на этнические и религиозные, придерживаясь технократического подхода в управлении рисками. При этом настаивает на отделении религии от политики и религии от этники.

Политику государства в вопросах религии одобряет. Считает правомерным и обоснованным усиление контрольных функций государства над религиозными структурами, объединениями, организациями и течениями. Стоит на позиции необходимости ужесточения контроля информации в интернете и социальных сетях.

Рамиль СМАЙЛОВ

Заместитель председателя молодежного крыла Ассамблеи народа Казахстана, председатель студенческой АНК ПГУ им. Торайгырова

(Павлодарская область)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания молодежи воспринимает нейтрально, при этом расценивает религию как часть культуры. Противник искажения нравственно-духовного богатства. Не считает необходимым заострять внимание молодежи на вопросах религии. Находит различия между сельской и городской молодежью, которые четко проявляются в их этнорелигиозных идентификациях. Первые в большей степени подвержены влиянию местных священнослужителей и лишены возможностей узнать альтернативное и/или критическое мнение; вторые – имеют возможности посетить разные мечети, общаться с профессиональными теологами, религиоведами, которые выступают в качестве барьеров для формирования радикальных религиозных взглядов.

Причинами роста этнорелигиозного сознания считает возрождение истории предков, поиски самореализации и духовного развития человека. Среди факторов, влияющих на усиление этнорелигиозных установок, называет ближайшее окружение, отношение к религии внутри семьи, а также информационное воздействие – книги, газеты, интернет-ресурсы. Особенно выделяет роль интернета на формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций.

Вызовы и риски для безопасности страны считает серьезными. Связывает это с тем, что люди, увлекающиеся религией, зачастую становятся жертвами различных радикальных группировок, агитаторов, могут представлять опасность не только для общества, но и для государства. Видит угрозу в возможности кардинального изменения общественного порядка, независимости и конституционного строя государства.

Конфликтотенный потенциал молодежи на этнической и религиозной почвах в регионе оценивает неоднозначно: конфликты на этнической почве – маловероятны, в отличие от потенциальных конфликтов на религиозной почве. В основе такого убеждения лежит субъективная оценка наличия различных трактовок ислама в Павлодарской области, враждебное отношение к представителям других религиозных групп, агрессию к другим религиям.

Государственная молодежная политика должна оставаться светской, полностью отделяя религию от государства. Позитивно оценивает работу АНК, политических партий. Убежден в необходимости повышения религиозной грамотности молодежи через образование. Считает важным повысить информационную грамотность молодежи, популяризировать религию исключительно как часть культуры, пропагандировать равенство граждан вне зависимости от их религиозной или этнической принадлежности. Предлагает преподавать предмет «религиоведение» в выпускных классах (10-11), а не в 9-м классе; ввести предметы «Религия и культура», «Религия как часть философской мысли», заимствовать опыт АНК по работе с молодежью. Иницирует создание социальных роликов о религии как альтернативу исламским видеороликам на Youtube.

Процесс национально-государственного строительства, ориентированный на гражданскую модель, считает правильным и требующим продолжения. Разделяет ценности «Мәңгілік Ел». Является сторонником строительства гражданской нации.

Политику государства в религиозной сфере полностью поддерживает. Считает необходимым усилить информационное сопровождение религиозных тем, выработать механизм работы религиозных деятелей. Убежден, что взаимодействие с молодежью в вопросах религии должно быть системным и постоянным. Требует ужесточить отношение к деятельности различных сект, а также ограничить их возможности для пропаганды.

Этнорелигиозная самоидентификация:

В вопросах религиозной идентификации дуалист: считает себя верующим, исповедует ислам и при этом верит в высший разум, законы природы, космос. Религию рассматривает как духовное богатство. Сторонник гражданской модели нациестроительства.

Социальный капитал:

Ключевая фраза:

«Религия должна идти как часть культуры. Молодежь не должна на ней заикливаться особое внимание. Они должны не жить религией, а жить с религией... Религия – это не айфон, не чехол для айфона, а его дополнительное приложение».

Павел ПРИТОЛЮК

Репортер областной общественно-политической газеты «Северный Казахстан», один из авторов на портале Proza.kz (Северо-Казахстанская область)

Тенденция роста этнорелигиозного самосознания молодежи в регионе проживания слабо выражена. Объясняет такое положение дел исторически сложившейся мультикультурной, полиэтничной средой, отсутствием резких различий между сельской и городской молодежью, традицией конструктивного диалога между различными этническими и религиозными группами.

Этнорелигиозную обстановку в регионе оценивает как спокойную, отмечает преобладание храмов, а не мечетей в областном центре. На формирование этнорелигиозных и духовных ориентаций молодежи оказывает влияние православная церковь, РПЦ; оценить влияние мусульманства затрудняется. Допускает наличие этнорелигиозных особенностей в отдаленных аулах и селах, но исключительно в единичных случаях.

В оценке этнорелигиозных ориентаций придерживается рационального подхода: поддерживает религиозность как духовно-нравственное обогащение, не приемлет религиозность в ее радикально-агрессивном варианте (ИГИЛ). Этнонимы «россиянин» или «казахстанец» рассматривает как консолидирующие термины.

Политическими последствиями пренебрежения гражданскими ценностями и установками может стать потеря устойчивого состояния социального мира в стране. Считает, что духовные порывы противоречат и мешают строительству гражданской модели нациестроительства.

Оценка конфликтогенного потенциала на этнической и религиозной почвах основывается на подверженности молодежи информационному манипулированию в силу возрастных особенностей. К информационным «раздражителям» относит СМИ, телевидение, интернет и социальные сети, которые способствуют формированию шаблонного мышления и моделей поведения молодежи. Убежден, что СМИ являются «проводниками» определенных заданных идеологических установок.

Государственная молодежная политика должна быть простой и понятной. Уверен, что государство не слышит и не понимает молодежь. Критикует молодежную политику на уровне региона проживания, характеризует ее как бесперспективную и вызывающую отторжение. Исходя из личной практики, убежден, что государство не решает проблем молодых людей (отсутствие собственного жилья, невозможность ипотечного кредитования, отсутствие перспектив и социальных лифтов и пр.).

В вопросах нациестроительства является сторонником гражданской нации, поддерживает позицию Президента относительно равенства всех этносов, проживающих в Казахстане. Постановка вопроса об этнической модели нациестроительства в целом вызывает недоумение. «Чемоданные» настроения отсутствуют, изъявляет готовность выучить казахский язык.

Политику государства в религиозной сфере оценивает положительно. Считает, что всем религиям предоставляются равные условия и возможности, отсутствуют притеснения каких-либо конфессий. Государство должно регулировать религиозную сферу и не допускать деятельность псевдорелигиозных организаций в стране. Убежден, что во властной структуре имеются представители от каждой религии, продвигающие ее интересы.

Этнорелигиозная самоидентификация:

Считает себя ортодоксальным верующим, предпочитает ориентироваться на стихи: природа, небо и т.д. Ранее ассоциировал себя с православием, от которого в данный момент отошел по причине несогласия с определенными канонами. Разделяет понятия религия и вера. Сторонник гражданской модели нациестроительства, готов выучить казахский язык, миграционные настроения отсутствуют.

Социальный капитал:

Ключевая фраза:

«Я вообще не понимаю, когда на первый план выдвигают принадлежность религиозную, кастовую... Для меня это немножко дико. Я считаю, что в 21 веке - это неприемлемо, но я не призываю к атеизму... Религия – это управление людьми, а вера – это другое, вера поддерживает человека».

Председатель молодежного общественного объединения «Қасиет»

(Южно-Казахстанская область)

Тенденцию роста этнорелигиозного самосознания молодежи в регионе считает тревожной, опасается последствий этого процесса, видит в ней угрозу для страны. Рост числа верующих связывает с увеличением количества мечетей и религиозных течений, которые активно вовлекают в свои ряды молодежь, особенно сельскую. Фиксирует наличие псевдорелигиозных течений, сформировавших неблагоприятное восприятие ислама, который сегодня ассоциируется с терроризмом. Указывает на наличие исламофобских настроений в обществе.

Причинами роста этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде называет недостаточный уровень образования, незанятость, наличие излишнего свободного времени, отсутствие мест для проведения досуга. Фактором, «подталкивающим» молодежь к религии, считает мощную информационную пропаганду религиозной идеологии, которая формирует конкурентные для светских и гражданских ценностей установки.

Риски и угрозы связывает с увеличением числа деструктивных течений, которые все больше вовлекают население в свои ряды. Отмечает факты разрушения семейных ценностей, рост случаев полного отрыва от семьи людей из числа «новоиспеченных» приверженцев радикальных взглядов.

В оценке конфликтного потенциала молодежи на этнической и религиозной почвах затрудняется. Подчеркивает, что в своей работе с сельской молодежью не затрагивает религиозную проблематику, считая, что это прерогатива профессионалов. Отмечает, что целью работы ОО «Қасиет» является раскрытие потенциала сельской молодежи, выработка активной гражданской позиции и умение решать социальные проблемы, в т.ч. при трудоустройстве.

Молодежная политика будет эффективной тогда, когда в ее разработке будет участвовать сама молодежь. Убеждена в том, что государству необходимо подключить потенциал гражданского общества к профилактической работе среди населения, задействовать для этого все имеющиеся информационные и организационные ресурсы. Стоит на позициях повсеместного вовлечения молодежи в общественные процессы через гражданское образование, лидерство, волонтерство. Современную молодежь характеризует как амбициозную и уверенную в себе, настроенную на достижение результата. Вместе с тем, убеждена в необходимости обучать молодежь отстаивать свои позиции, уметь делать выбор, внушать жизненную уверенность.

Государственную политику в сфере религий оценивает критично, фиксирует отсутствие единой, целенаправленной религиозной политики. Вместе с тем, отмечает позитивные изменения по улучшению законодательства в вопросах религии. Рекомендует ужесточить религиозную политику с учетом текущих тенденций; усилить информационно-просветительские кампании; привлекать к работе экспертов из организаций, которые занимаются духовно-религиозным просвещением. Считает необходимым более активно информировать население о различных услугах, например, о работе «горячей линии» по вопросам религии.

Этнорелигиозная самоидентификация:
Считает себя мусульманкой. Религию рассматривает через призму чистых помыслов и бескорыстной помощи людям. В вопросах нациестроительства скорее придерживается гражданской модели.

Социальный капитал:

Ключевая фраза:

«В последнее время участились случаи полного отрыва от семьи людей, ставших приверженцами радикальных взглядов. Сыновья отстраняются и покидают родителей, обвиняя их в неверии, отступничестве от «истинных» основ религии. Дочери сбегают из родных домов, жены – от мужей, бросая детей, отправляются в военные точки, дабы связать себя узами «священного брака» с людьми, которые вложили в их умы мнение, что их ближайшие родственники и друзья безбожники и погрязли в грехе. Всё это и многое другое ведёт к искоренению сложившихся веками семейных ценностей».